ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Grandmaster

Абсолютный игрок

Реликт

Василий Головачев

Абсолютный игрок

«Эксмо»
1999

Головачев В. В.

Абсолютный игрок / В. В. Головачев — «Эксмо», 1999 — (Реликт)

ISBN 978-5-699-17545-1

После тысячелетия затишья в Космориуме, где жизнь чудом сохранилась в войне с Фундаментальным Агрессором, начинается новое сражение. Игроки выходят на арену и расчищают поле для будущей Игры. И в их планах нет места тупиковой ветви разума – человечеству. Десять веков назад право людей на жизнь отстояли файверы, но они ушли. Теперь из их преемников на Земле – один Влад Велич, кладоискатель и ратный мастер, только что вышедший из поры ученичества. Его выбор, его судьба станут судьбой всего межгалактического домена.

ISBN 978-5-699-17545-1

© Головачев В. В., 1999
© Эксмо, 1999

Содержание

Книга первая 5
Часть первая 5
ПОГРАНЗАСТАВА 5
БАНДА 14
ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО 23
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА 33
СЛЕД ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА 42
УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР 48
ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ 54
ИНЦИДЕНТ 61
ТВОЯ ЗАДАЧА – ЗВЕЗДЫ 70
СХОЖДЕНИЕ В НЕБЕСА 77
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Василий Головачев
АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК

За нашей спиною остались паденья, закаты.
Ну хоть бы ничтожный, ну хоть бы невидимый взлет!
В. Высоцкий

Книга первая
КЛАДБИЩЕ ВСЕЛЕННОЙ

Часть первая
КОСМОРИУМ. ВЛАД И ГОРАН

ПОГРАНЗАСТАВА

Прежде чем сменить дежурного на посту в коконе обсерватории, он всегда заходил в зал визинга, чтобы почувствовать космос напрямую, не через системы датчиков и сигнализирующих устройств. Погранзастава была установлена в этом глухом уголке метагалактического домена более тысячи лет назад, когда человечество расселялось по звездам бурными темпами и верило в свое божественное предназначение, в судьбоносность цивилизации и вседозволенность отдельных ее представителей. Потом пришел Звездный Конструктор и показал людям их место в Мироздании, иные возможности, способы обработки информации, цели бытия и логику, недоступную гордому и заносчивому виду хомо сапиенс. Он захватил сотни людей во время долгой спячки, превратив их в своих верных рабов, съел половину Марса, породы которого использовал для роста плоти в период созревания, ушел, через сто с лишним лет вернулся обратно, как возвращается домой блудный сын после долгих скитаний по миру, нечаянно «почистил» Солнечную систему, едва не уничтожив ее во время визита, и снова ушел, теперь уже на полсотни лет. А потом началась странная и страшная Война Законов – отголосок великой Игры Универсума с самим собой, и Конструктор, ставший к тому времени одним из Игроков-Метавселенных, вернулся к Солнцу, на этот раз по просьбе землян.

Война шла вовсю, на всех уровнях, от социума до физических принципов бытия, ходы Игроков воспринимались человечеством как вторжение Фундаментального Агрессора, попытка уничтожения цивилизации, и незнание законов Игры сделало людей заложниками своих собственных внутренних законов восприятия реальности. Они начали сопротивляться, чтобы выжить, хотя силы были, конечно, далеко не равны. Просачивание во Вселенную – метагалактический домен, представлявший собой одну «клетку» организма Универсума, – чужих Законов, в физическом плане имевших вид не уничтожимых никакими способами «колючек», названных нагуалями, приняло необратимый характер.

Катастрофа произошла не внезапно, ее ждали. Солнечная система зарастала «колючками чертополоха» иной реальности в течение многих месяцев, пока они не превратились в непроходимые заросли, а когда размеры нагуалей, этого Абсолютного Ничто, или, как говаривали ученые, «квантово-тоннельных ушей вакуума иной топологической структуры, торчащих в вакууме родного домена», достигли размеров космических объектов, «впаянных» в пространство, планеты Системы начали разбиваться о них одна за другой.

Сначала погиб Юпитер, самая большая планета Солнечной системы, так и не достигшая стадии звезды. За ее кончиной наблюдали миллионы людей на всех обитаемых телах Системы, в поселениях человечества у других звезд, где картина сотрясения Мироздания была не менее страшной, с армады космофлота и разного рода космостанций. Юпитер, шествуя по орбите вокруг Солнца, наткнулся на гигантский сросток нагуалей и стал разваливаться на три части, как обыкновенный ком снега, всего за три часа превратившись в метано-водородные, с вкраплениями воды и твердых частиц размером от метра до тысячи километров, струи-языки, окутанные постепенно замерзающей атмосферой. Клокотание раздираемого гиганта, сопровождавшееся колоссальной силы взрывами, световым и тепловым излучением, длилось еще долго, однако планетой Юпитер быть перестал.

Та же участь постигла его собратьев по внешнему поясу: Сатурн, Нептун, Уран, Плутон (его спутника Харона к тому времени уже не существовало). Внутренние планеты Марс, Венера и Меркурий пострадали сравнительно меньше, а вскоре подошла очередь Земли, и без того полуразрушенной столкновениями с нагуалями, пронизывающими, простреливающими ее насквозь.

Колыбели человечества в какой-то мере «повезло»: ее попытались затормозить, и нагуаль не разодрал Землю, не раздробил на части, как большинство планет Системы, а всего лишь сплющил в лепешку с бахромчатыми краями. Земля наткнулась буквально на стену нагуалей и превратилась в подобие библейской полусферы, разве что покоящейся не на трех слонах, китах и черепахах, а на невидимом, сверхтвердом, колючем основании чужой реальности. Людей к тому времени на ней оставалось еще много, далеко не все земляне успели переселиться к новому светилу, желтой звезде такого же класса, что и Солнце, в рассеянном звездном скоплении Гиады, расположенном в созвездии Тельца. Планету для переселения готовили спешно, и при массовой эвакуации огромного количества землян произошло немало катастроф и несчастных случаев, унесших миллионы жизней. Однако теперь у людей была другая родина, которой не грозила участь Земли, и жизнь продолжалась, хотя и по новым законам и в соответствии с новыми биологическими ритмами.

Родное Солнце человечества уцелело, хотя все его ритмы и колебания, естественно, нарушились, а в излучении появились ранее отсутствующие спектральные линии.

Звезды продолжали светить, хотя многие из них разбились о нагуали и погасли, но они были так далеки от Земли, что свет их еще летел через пространство Галактики, и небо над успокоившейся, переставшей вращаться и двигаться вокруг Солнца линзой Земли темнело постепенно, по мере того, как умирали лучи звезд. Правда, переселившееся человечество видеть этого не могло. Связь с бывшей родиной после разрушения системы метро – мгновенного транспорта – практически прервалась. Во всяком случае, для большинства людей. На многие сотни лет уцелевшие земляне остались предоставленными сами себе.

Наступил мир. Фундаментальный Агрессор (ФАГ), то есть один из Игроков, сумевший изменить физические законы существования метагалактического домена, в котором жили люди, покинул его. Этим игроком оказался Конструктор, питавший к роду хомо сапиенс нечто вроде сыновней признательности. Он сделал свой ход, закончивший войну, нагуали постепенно прекратили расти, увеличиваться в объеме, пространство-время перестало «шататься» под натиском чужих Законов, космос успокоился, но через некоторое время люди, уцелевшие после катастрофы на Земле-2, или Гее, обнаружили Стенки, ограничивающие часть Метагалактики, которая была повреждена вторжением ФАГа. Стенки образовали нечто вроде колоссального аквариума, внутри которого оказалась и Галактика с системой Сола, как назвали звезду, заменившую Солнце. Пробиться сквозь них наружу, в глубины домена, людям не удалось. А вскоре они перестали обращать на Стенки внимание, занятые проблемой выживания цивилизации. Лишь погранзаставы, автономные, почти не нуждающиеся в снабжении станции, созданные погранслужбой человечества еще во времена войны с ФАГом, продолжали нести

свою службу, наблюдать за изменившимся космосом и границами «аквариума», получившего название Космориум. Но обитатели погранзастав делали это неохотно, зачастую не выполняя возложенные на них обязанности, просто используя удобные, достаточно комфортабельные станции в качестве обыкновенного жилья.

Такой самостоятельной технической системой была и погранзастава «Сокол», на которой проживала семья пограничников: четверо мужчин и три женщины. Их вахта началась всего полгода назад, и наблюдать за Вселенной им еще не наскучило…

Иштван Кара очнулся.

Он стоял посреди зала визинга погранзаставы, представлявшего собой небольшой прозрачный купол с черным полом, и как завороженный смотрел на две яркие звезды в зените, похожие на чьи-то внимательные глаза. Погранзастава «Сокол» располагалась не в соседней с Солом звездной системе и даже не в соседней Галактике, свет отсюда добирался бы до Геи полтора миллиарда лет, поэтому ни о каком знакомом рисунке созвездий речь не шла. Станцию строили на спутнике небольшой желтой звезды, безводном и безатмосферном, хотя он и имел запасы льда и замерзших газов; сила тяжести на этой малой планетке составляла лишь десятую долю земной, что не доставляло неприятных ощущений обитателям станции, внутри которой поддерживалась нормальная сила тяжести.

Звезда в настоящий момент скрывалась под полом визинга, и это позволяло видеть другие звезды, количество которых уменьшалось с каждым часом, и Стенку Космориума, разделявшую видимый космос на две части. Но если у человека от слова «стена» возникала определенная ассоциация, вызывающая в памяти образ кирпичной, каменной или деревянной стены, то Стенка Космориума больше походила на земное северное сияние, на бесконечную волокнистую вуаль, сотканную из багрово светящихся паутинок и жилок, и казалась ненадежной, хрупкой, пушистой, полупрозрачной, легко преодолимой. На самом же деле пробить ее, проникнуть сквозь Стенку в глубины домена не смог ни один земной корабль, в том числе и звездолеты «струнных» видов. Их просто выворачивало обратно, словно Стенка действительно была односторонней поверхностью, как предположили ученые еще сотни лет назад. Не реагировала она и на энергетическое воздействие и локальное изменение топологии вакуума, не говоря уже об оружии попроще, созданном на основе применения пучков частиц высоких энергий и силовых полей. Стенки Космориума оказались «абсолютным препятствием», что ясно указывало на их предназначение: закапсулировать поврежденную нагуалями часть метагалактического домена и «не пущать заразу чужих Законов» за ее пределы, где экспансия иной реальности не приобрела еще «масштабов летального исхода».

Теперь люди знали, что часть ограниченной Конструктором Вселенной была велика, но все же конечна, и это давало некую надежду на «исцеление» ее поврежденного органа, на нейтрализацию «колючек» и в конечном итоге на очищение пространства от нагуалей. Однако шли годы, десятки лет, столетия, а проблема уничтожения нагуалей не решалась. Человечество не росло в интеллектуальном отношении, едва не растеряло доставшиеся по наследству научные и культурные достижения, но тем не менее уцелело, понемногу пришло в себя и к десятому веку после катастрофы достигло уровня двадцать третьего века новой эры, хотя по календарю шел уже три тысячи триста тридцать девятый год от рождения Христова.

Численность человечества к этому моменту достигла четырех миллиардов, большинство из которых расположилось на Гее, превратив планету в гигантский технологический муравейник, а остальные освоили две небольшие планеты, вращающиеся вокруг Сола, связав их системой метро. К счастью, люди не разучились строить сооружения, способные без их вмешательства поддерживать жизнедеятельность сотни и тысячи лет.

Сумерки цивилизации понемногу отступали. Появились новые гениальные исследователи, творцы, создатели технологий и произведений искусства, человечество стало подумывать об экспансивном завоевании космоса, заросшего нагуалями, но все же пригодного к исполь-

зованию и заселению. Вот только репродуцировать людей с паранормальными способностями оно почти перестало. Паранормы, или интраморфы, как их называли, рождались все реже и реже. Возможно, поэтому решение проблемы очистки космоса от «мха» нагуалей было все так же далеко. Косморium продолжал медленно умирать. Звезды, натыкаясь на сверхпрочные нити нагуалей, взрывались, гасли, отвердевали, планеты постепенно теряли тепло, остывали, разрушались, превращались в мертвые каменно-металлические обломки, в скопления камней и льда, в пылевые сгустки и пояса.

Среди тех, кто пытался спасти цивилизацию во время войны с ФАГом, а потом поднять ее до былых высот, были не только работники спецслужб человечества, защитники, безопасники, спасатели, пограничники, но и ученые, предложившие свои методы выживания и развития уцелевшего вида хомо сапиенс. Часть из них отстаивала концепцию неоплатонической космогонии: Мироздание поддерживается в относительной устойчивости только благодаря усилиям очередного Творца. Рано или поздно Творец ослабевает, в «щели» Мироздания проникает Хаос, и наступает пора перемен, конец Эона, конец космического цикла. В домене, давшем жизнь человеческой расе, конец этого цикла ознаменован был появлением нагуалей. Стенки, охватившие гигантский кусок домена с «колючками» нагуалей, означали ожидание. По идее ученого, предложившего эту концепцию, в космос, заросший чужими Законами, должен был прийти новый демиург, чтобы приспособить его для своих целей. Останется ли в этом измененном космосе место для человечества, ученый не знал. Этим ученым был Иштван Кара, согласившийся войти в семью пограничников и поработать вдали от центра земной цивилизации, на заставе «Сокол», расположенной всего в тридцати днях полета со световой скоростью от одной из Стенок Космориума.

Это была именно семья, а не коллектив единомышленников и сотрудников, работающих над одной проблемой. Со времени катастрофы земное человечество (не считая интраморфов), чтобы выжить, сохранить себя как вид, перепробовало множество способов социальной организации, и одной из оптимальных ячеек нового общества считалась семья из семи человек: четверо мужчин – три женщины или четверо женщин – трое мужчин. Получалась группа из «семи Я» – семья, дружная и достаточно прочная, смена партнеров в которой чередовалась с периодическим воздержанием, стимулирующим творческие процессы. Иштван Кара до этого уже жил семейной жизнью, но в семье из четырех партнеров, и не особенно огорчился, когда его вежливо попросили подыскать другой семейный очаг: он слишком много времени отдавал своим теоретическим исследованиям. В семье из семи человек его отношение к «супружеским» обязанностям оказалось достаточно приемлемым, и он остался на погранзаставе, почти счастливый от того, что может большую часть времени отдавать работе, научному поиску и наблюдениям за космосом.

Конечно, на Земле существовали семьи не только из семи или восьми членов, но и меньшие по количеству, в том числе – всего из двух партнеров. Но такие семьи были редкими и воспринимались остальным человечеством с неодобрением, хотя времена стадного выживания прошли, можно было уже не следить за сохранением численности человеческой популяции любой ценой. Но самым интересным фактом при этом оказался отказ цивилизации от гаремноплеменного образа жизни, казалось бы, гарантирующего быстрый рост населения и защиту от сурового натиска хаоса. Регионы Геи, где люди попытались жить «по рекомендациям Аллаха», быстрее других приходили в упадок, природа всего за две сотни лет едва не сбросила эти этносы в фауну, убедившись в тупиковости создаваемых культур. Дальше всех в развитии вырвались вперед регионы, лидеры которых исповедовали принцип эгрегорного мышления, собирая под свое крыло не просто переселившиеся группы, кланы и касты, но колонии единомышленников и единоверцев, сознание которых можно было перевести на уровень монады, то есть объединить всех в единое поле разума для решения той или иной задачи, и самой оптимальной ячейкой такого монадно-эгрегорного общества оказалась семья из семи человек.

Иштван Кара был уроженцем одной из малых колоний, предками обитателей которой были венгры, образование же он получил в Первом Геянском университете, созданном на базе двух земных университетов старого времени – Гарвардского и Московского. Второй Геянский университет был «синтезирован» из Кембриджского и Сорбоннского университетов, с трудом переживших межзвездную эвакуацию.

Закончив обучение, Иштван остался в метрополии, то есть в столице, Центральном Номе Геи, и вскоре вышел в лидеры психофизических исследований, поставив целью решить задачу нейтрализации нагуалей. К тридцати годам ему удалось разработать кое-какие частные проблемы, сопутствующие проблеме Великого Ничто, теперь же вдали от больших коллективов он надеялся окончательно сбросить с «колючек» чужих Законов покрывало тайны.

Погранзастава «Сокол» обладала отличным компьютерным комплексом типа «Умник». Наличие недалеко от станции предмета исследований – нагуаль торчал из каменистой расщелины буквально в сотне метров от пирамиды заставы, – комфортная обстановка, внимательные партнеры – все это как нельзя лучше подходило для решения поставленной задачи. Иштван верил, что его имя скоро станет известно всему миру.

Что-то изменилось под куполом визинга.

Иштван не сразу вышел из состояния грез, вгляделся в алую вуаль Стенки Косморuума и только спустя какое-то время понял, что вуаль на мгновение усилила свечение.

– Миша, – позвал он первого мужа семьи, дежурившего в обсерватории, – мне показалось, что Стенка мигнула…

– Тебе не показалось, – перебил его Миклий Терлич, – изменились граничные параметры всей контролируемой нами зоны.

– Но до Стенки тридцать светодней, я не мог…

– Ты личинка интраморфа в стадии роста и чувствуешь торсионные всплески. Стенка приблизилась к станции на световую минуту. Давай ко мне, пообщаемся с «Умником» вместе.

Иштван бросил последний взгляд на вуаль Стенки, встал на квадрат лифта, и автоматика станции за минуту доставила его к обсерватории, занимавшей один из углов пирамидального тела заставы и представлявшей собой единый квазиживой организм, в который входила самая совершенная аппаратура СКП – службы контроля за пространством, какую когда-либо создавали люди. Правда, создавалась эта аппаратура около тысячи лет назад, когда человечество еще было в состоянии тратить гигантские средства на разработку сложных технических систем. Но предки свое дело знали, и техника исправно служила их потомкам по сей день.

В состав систем обсерватории входили волновые телескопы, способные разглядеть зажженную свечу на расстоянии в сто парсеков, датчики частиц и полей, локаторы, нейтринные сканеры, фотоумножители, синтезаторы изображения, звукоуловители (вакуум, как оказалось, отнюдь не синоним слова пустота и способен проводить и реагировать на звуки) и структурные лингвистические преобразователи, поэтому она могла поймать и выделить из естественных шумов космоса любой полезный сигнал, но главной ее задачей была задача слежения за Стенкой Косморuума и анализ граничных процессов отгороженной Конструктором части Метагалактики. Однако соблюдалось это правило далеко не всеми погранзаставами. Многие из них давно прекратили контакты с родиной, перешли на самообслуживание, многие использовались не по назначению, некоторые стали базами отделившихся от общества анархистских колоний и сект, прибежищем самых настоящих бандитов и отщепенцев, а те, что еще оставались нервными окончаниями некогда могучей человеческой цивилизации, функционировали через пень-колоду.

К заставе, однако, где поселилась семья Иштвана, это не относилось в полной мере, но из семи человек персонала станции лишь двое были пограничниками: молодой, энергичный, сильный Тэд Джордан, олицетворявший силы охраны заставы, и Миклий Терлич, старший из мужчин семьи. Они стали погранслужащими по наследству. Правда, пограничная служба зем-

лян за тысячу лет после Катастрофы тоже претерпела изменения и уже не претендовала на роль первой защитной линии цивилизации. Теперь это была просто служба контроля за космосом, заросшим «лесом» нагуалей, а не гибкая оперативная система, как раньше, мгновенно реагирующая на внезапное появление внешней опасности. Поговаривали о возрождении пограничной службы в полном объеме, однако слухи пока оставались слухами.

Лифт высадил Иштвана перед входом в обсерваторию, диафрагма люка разошлась лепестками, открывая двухметровый овал входа, и он вбежал в операционный зал с тремя коконкреслами, в одном из которых торчала голова Миклия Терлича.

– Стенка приближается, – сообщил он, не глядя на Иштвана. – Я сначала подумал, что это дернулся к ней наш планетоид, один или вместе с Верой (Верой они назвали центральную звезду системы), но «Умник» утверждает, что сдвинулась сама Стенка. И продолжает приближаться.

Иштван устроился в соседнем коконе, включился в комплекс полного контакта с обсерваторией и бегло просмотрел данные анализа обстановки. Через минуту он убедился, что Миклий прав: Стенка Космориума, простоявшая десять веков в абсолютной неподвижности (относительно соседних звезд и галактик), действительно приблизилась к погранзаставе на несколько световых минут и продолжала сокращать расстояние между собой и Верой.

Иштван посмотрел на Миклия и встретил его мрачный взгляд.

– Если Стенка будет и дальше нестись к нам в том же темпе, через двадцать дней она снесет Веру, планету и заставу. Что это еще за напасть, как ты думаешь?

– Не знаю.

– Ты же ученый, физик-универсалист.

– Я не занимался проблемами Абсолютов.

– Чем?

– Стенка – это нечто вроде Абсолютной Воли демиурга, ограничившего наш поврежденный нагуалями домен, принцип какого-то запредельного состояния материи, я в своих работах его не касался.

– Где-то я слышал, что Стенки – родственницы нагуалей.

– Не уверен. Мы уже убедились, что наш космос перестал подчиняться единым универсальным законам…

– Я не об этом. Что будем делать?

– Прежде всего надо сообщить на Гею.

– А потом? Эвакуировать заставу?

В зал вошел улыбающийся, всегда находящийся в хорошем настроении Тэд Джордан:

– Что у нас плохого, старички? Есть ли вести из-за границы?

Он шутил так постоянно, не предполагая, насколько его стандартная шутка может оказаться близкой к реальности. Но вопреки мнению, которое могло сложиться о нем у других людей вследствие его веселого бесшабашного характера, безалаберным или недалеким человеком он не был и ситуацию схватывал быстро. Выслушав Миклия, он пообщался с «Умником», вывел на стену зала изображение Стенки и задумчиво проговорил:

– Я изучал историю Конструктора и знаю, как он пробивался в нашу Метавселенную через ее потенциальный барьер, но перед нами иное: движется вся Стенка, а не отдельный ее участок. Не позвонить ли коллегам у других Стенок? Что они наблюдают? Может, это местное явление? Стенок-то всего шесть, если вспомнить, что Космориум – куб.

Иштван и Миклий переглянулись, и Терлич дал задание «Умнику» станции связаться с погранзаставами, расположенными вблизи других Стенок Космориума. Через несколько минут пришел ответ из двух точек домена, где стояли заставы, остальные промолчали: Стенки двинулись с места и там.

– Горести прошлые не сочтешь, – проворчал чернобровый и бородатый Миклий, – однако горести нынешние горше. Так, кажется, переводилась надпись на знаменитом Фестском диске. Вы как хотите, а я гоню депешу в центр, пусть обо всем этом задумаются те, кому положено. Наше дело – наблюдать.

– Наше дело – жить с удовольствием, – засмеялся Тэд, сверкнув белыми зубами; у женской половины семьи он пользовался исключительным успехом. – Что-нибудь придумаем. Может быть, это временное явление и Стенки скоро остановятся.

– А если нет?

– Тогда и будем решать, что делать.

– Но ведь «зашевелился» и вакуум, а это уже прецедент. Катастрофа тысячу лет назад тоже начиналась с локальных разрывов бытия на микроуровне. Те, кто сражался с ФАГом, не зря акцентировали внимание на состоянии вакуума вблизи Стенок. Возможно, мы становимся свидетелями новой волны изменений в нашей клетке Космориума.

– Вторжение ФАГа – это история, почти легенда. Большинство людей уже не помнят ничего. А нам, кстати, обещали, что войны Законов больше не будет.

– Обещал один из Игроков, но их – несметное количество, для кого-нибудь из них вполне мог понадобиться наш загнивший домен.

– Возможно, это тест на состоятельность человечества как возродившейся разумной системы?

– Тест, равнозначный выбору «жизнь – смерть»? А если Стенки будут сдвигаться до упора, пока не раздавят все, что находится внутри Космориума? Да и твоя наивная уверенность в возрождение «разумной системы» человечества не соответствует действительности. Ты давно не посещал Гею?

– Мне и здесь неплохо живется.

– Так вот, там начались беспорядки, оживились криминальные структуры, появились мутанты, работать никто не хочет… Короче, я докладываю в центр.

Тэд пожал плечами, без особого волнения вгляделся в красивый узор Стенки и вылез из кокона:

– Не забыли, что у Пако сегодня день рождения? Надо бы отметить, ему ровно двадцать пять стукнуло.

– Вечером отметим, – проворчал Миклий. – Подарок нужен. Не хочешь смотаться на Гею?

– Это называется – передача мыслей на расстояние с помощью языка, – засмеялся Тэд, выходя из зала обсерватории. – Именно это я и собирался сделать.

Миклий неодобрительно посмотрел ему вслед:

– Ведет себя как мальчик…

– Он и есть мальчик, – философски заметил Иштван. – Пограншкола не выбила из него романтизма, зато с ним всегда весело. Иди отдыхай, я вахту принял.

– Доложу о приближении Стенок и пойду. Кстати, ты в семье уже полгода, а еще не спал с женами. Не хочешь войти в контакт?

– Попозже, – пробормотал застигнутый этим предложением врасплох Иштван. – Мне бы не хотелось отвлекаться какое-то время от работы. Вот закончу цикл расчетов…

Миклий кивнул, вполне понимая чувства седьмого члена семьи, но женщины уже проявляли нетерпение, не видя у Иштвана особого желания жить вместе, и его надо было аккуратно подвинуть в этом направлении.

Тэд, насвистывая сквозь зубы марш пограничников, сочиненный недавно кем-то из любителей официальных ритуалов, спустился в свою каюту, где обычно отдыхал, играл с «Умником» в виртреальность или занимался самообразованием, встретил по пути Радху, поднимавшуюся в отсек хозобеспечения, и не удержался, чтобы не затащить слабо сопротивляв-

шуюся жену в постель. После этого он переоделся в уник, запас которых на заставе близился к концу по причине естественной изношенности и старения, и двинулся к кабине метро, линия которого соединяла погранзаставу со станцией метро на Гее, установленной в центре Управления пограничного контроля.

Настроение у него было хорошее, несмотря на тревожное открытие сдвига Стенки, и мысли молодого пограничника были далеки от реалий погранзаставы. Думал он в этот момент не о своих обязанностях и делах, а о том, что ждет его на Гее. Именно поэтому, не ожидая никаких неприятных сюрпризов – тихая, размеренная жизнь заставы расслабила всех ее обитателей, вкусивших вдали от «муравьиных» условий перенаселенной Геи настоящего комфорта, – он и не отреагировал должным образом на появление гостей.

Тэд был уже в нескольких шагах от входа в метро, когда сработала диафрагма люка, выпуская из кабины двух мужчин в серо-зеленых комбинезонах странного покроя. Они были вооружены: в руке один из незнакомцев держал необычной формы пистолет с игольчатым дулом, а из плеча второго торчала турель «универсала», дуло которого ерзало вправо-влево, словно отыскивая цель.

– Кто вы? – растерялся Тэд, останавливаясь и невольно опуская ладонь на рукоять штатного «универсала» на поясе.

Гости переглянулись, и тот, кто держал игольчатый пистолет, направил его в грудь пограничнику.

Тэд был неплохим мастером единоборств, закончившим школу азиатбоя, но он не знал закона критических ситуаций: сначала действуй, а потом думай[1], – поэтому замешкался с выстрелом, собираясь добавить: «Что вам надо?!» Зато не замешкались гости.

Игольчатое дуло пистолета в руке первого незнакомца плюнуло в пограничника черной молнией разряда, и в груди Тэда образовалась сквозная дыра диаметром в два кулака. Он перевел изумленный взгляд вниз, на свою грудь, не почувствовав боли, и упал, так и не поняв, что произошло.

Из-за спин первых двух киллеров вышли еще двое мужчин в таких же комбинезонах, неуловимо похожие друг на друга, молча обменялись взглядами – общались они с помощью мыслепередачи – и двинулись по коридору к лифту, который доставил всех четверых в жилую зону погранзаставы.

Охота на обитателей станции длилась недолго, и вскоре четверо пришельцев собрались в гостиной заставы, волоча за собой женщин: Люду, Лию и Радху. Однако насиловать их, издеваться, мучить и допрашивать не стали, посовещавшись, просто убили двух из них, сохранив жизнь самой красивой из жен семьи – Радхе.

– Их должно быть семеро, – сказал один из убийц. – Где-то прячется еще один семьянин.

– Все отсеки осмотрели?

– Обычно один из них дежурит в обсерватории, но там никого нет.

– Возможно, он вышел погулять?

– Ищите.

Двое киллеров вышли из зала.

Иштвана Кару они нашли возле «колючки» нагуаля. Склонившись над пультом портативного анализатора, физик зачарованно разглядывал хоровод цветных огоньков, оконтуривающих нагуаль. Он был одет в обычный пустотный «пузырь» – невидимый пленочный скафандр, защищавший его от излучений и холода безатмосферной планеты, и выглядел на фоне скал и черного копья нагуаля довольно экзотично. Убийцы, впрочем, тоже выглядели странно, потому что вовсе не носили скафандров, хотя не чувствовали при этом никаких неудобств.

[1] Подсознание в таких случаях реагирует быстрей и правильней, чем сознание.

Один из них поднял пистолет, но второй остановил его, подошел к Иштвану вплотную и дотронулся до плеча. Физик оглянулся, поднял брови:

– Бог ты мой! Кто вы? Хотя… впрочем, я, кажется, догадываюсь: интраморфы?

«Быстро соображаешь, – всплыл в голове Иштвана бесплотный пси-голос. – Что ты здесь делаешь?»

– Экспериментирую. Хочу развернуть этот колючий «кактус» в пространственный объект.

«Зачем?»

Иштван в замешательстве посмотрел на незнакомцев, освещенных лучами висящей низко над горизонтом Веры. На фоне вертикальной вуали Стенки их лица казались прозрачными и подсвеченными изнутри.

– Откуда вы свалились, ребята?

«Отвечай!»

Иштван встретил взгляд черных бездонных глаз одного из мужчин и вздрогнул, вдруг ощутив исходящий от него поток угрозы.

– Если мне удастся развернуть нагуаль, это изменит жизнь всего человечества. И все же вы не ответили на мой вопрос…

– Жизнь – это всего лишь отсрочка смерти, – сказал человек с пистолетом, стреляя в пограничника черной молнией.

– Я не знал, что ты философ, – посмотрел на него напарник.

Они направились к пирамиде заставы, подпрыгивая при каждом шаге, – сила тяжести на планетоиде была почти в десять раз меньше, чем в помещениях заставы, – и вдруг остановились, заметив над собой на высоте сотни метров зависшее кисейное облачко в форме кленового листа. Сквозь белесое струение листа проступили огромные глаза, скорее кошачьи, чем человеческие, внимательно глянули на замерших убийц, и через мгновение кленовый лист растаял.

– Что это было?!

«Если и ты видел глаза, то это не галлюцинация. Может быть, это его терафим? Тогда он нас зафиксировал».

Оба посмотрели на тело Иштвана возле продолжавших работать аппаратов полевой лаборатории.

«Дьявол с ним, некогда заниматься поисками личного секретаря, никуда он отсюда не денется. Пошли, холодно здесь».

Они бегом пересекли каменистую площадку, вошли в дезокамеру заставы и вскоре предстали перед командиром группы.

«Седьмой уничтожен. По пути обратно мы видели летающий объект с глазами…»

«Что?!»

Мужчины, выходившие из станции, переглянулись.

«Возможно, это был терафим убитого или местный сторож. Он исчез. Какое это имеет значение? Все равно мы сюда не вернемся».

«Нам нельзя оставлять следов. Найти объект и уничтожить! Хайд, помоги им».

Третий член команды, поддерживающий измученную свалившимся на нее несчастьем женщину, единственную уцелевшую из всей семьи пограничников, швырнул ее на диван и последовал за первыми двумя киллерами.

Однако поиск «кленового листа с глазами» ничего не дал. Тот действительно исчез, и даже обладавшие высокочувствительной паранормальной сферой пришельцы, потомки покинувших Землю тысячу лет назад интраморфов, свободно владевшие полем Сил, то есть энергией вакуума, не смогли обнаружить за пределами станции свидетеля их расправы над пограничниками.

Через час они ушли, забрав с собой убитую горем женщину.

А спустя минуту после их ухода погранзастава взорвалась.

БАНДА

С высоты Единорога – так прозвали гору жители окрестных деревень – Дебрянская равнина лежала как на ладони, и Влад невольно залюбовался среднерусским ландшафтом, сохранившим красоту и величие природы, присущей некогда поясу умеренного климата Земли, когда она еще была планетой, вращающейся вокруг оси сферой, а не гигантской лепешкой, растекшейся от удара по сверхтвердому дну Ада, как назвали люди скопление нагуалей. Но и после Катастрофы, расплющившей планету и остановившей Солнце, жизнь на ставшей почти плоской Земле не прекратилась, хотя сумерки остатков цивилизации длились долго – около тысячи лет, и лишь теперь земное человечество постепенно возвращало прежде завоеванное и овладевало знаниями, которые уже были когда-то доступными.

Влад бросил взгляд на медовое око светила, зависшее в шестидесяти градусах над горизонтом. Эта позиция называлась трианаром: звезда, давшая жизнь человечеству, медленно дрейфовала в пределах пространственного окоема между колючими стенами нагуалей, за четыре года проходя четыре эфемериды, четыре позиции – своеобразные «времена года», растянутые во времени, и на горбато-плоской Земле сменяли друг друга в хитрой последовательности «зима», «весна», «лето» и «осень». Правда, среднесуточные температуры этих «времен года» отличались не столь разительно, как в былые эпохи до Катастрофы. К вечно же торчащему в небе светилу люди в конце концов привыкли.

Когда Солнце остановилось, цикл жизни человека изменился. Сначала увеличилось время бодрствования и «сутки» стали двадцативосьмичасовыми. Потом постепенно увеличилось время сна, за ним время отдыха, и цикл работа-отдых удлинился до сорока четырех часов. Затем через две сотни лет человек привык бодрствовать шестнадцать часов и спать девять, таким образом, его «сутки» стали двадцатипятичасовыми. Год же теперь состоял из сорока деканов или четырехсот таких суток, на месяцы он не делился, а каждый декан состоял из десяти суток, называемых по старинке: понед, втор, середа, четвер, пятидневица, субота, воскреса, восьмерик, девятина и десятина, хотя в принципе жителей Земли количественные оценки их бытия не волновали. Надо же было как-то отсчитывать прошедшие периоды времени, для этого годился и принятый «неогригорианский» календарь.

Влад прислушался к тишине, подставляя лицо лучам Солнца, и внутри его, в голове, в сердце, в костях черепа, зазвучала глубокая торжественная нота ре, составляющая совокупный звук природы. Ре была нотой восхождения, нотой надежды, до Катастрофы природа Земли звучала в интервале нот фа и соль, после Катастрофы этот звук опустился в низ октавы, и едва не погибшая природа планеты долго издавала общий звук до – ноту тревоги и умирания.

Какой-то инородный звук вторгся в звучание ноты ре. Влад пошевелил своей сенсинг-сферой[2], подстраиваясь к полевой обстановке вокруг, и почуял приближение чужих эмоциональных полей. Между скалами по склону горы медленно поднималась охотничья команда гоминоидов, полулюдей-полуобезьян. После Катастрофы мир Земли изменился так радикально, что зачатки разума появились сразу у многих представителей животного мира: у кошек, обезьян, лемуров и даже у колоний насекомых, – и человеку пришлось долго отстаивать свое право жить на планете в борьбе с новыми претендентами на «престол сапиенса».

Гоминоиды в конце концов перестали воевать с людьми, отступив в те края, где человек существовать не мог из-за отсутствия нужной плотности атмосферы или минимальных удобств, но в последнее время их ареал стал расширяться, и людей-зверей встречали все чаще

[2] Сенсинг, экстрасенсинг, суперсенсинг – сверхчувствительность к изменениям природной среды.

в окрестностях деревень, где они пытались охотиться на домашних животных или красть все, что попадалось под руку, а то и нападать на работающих в поле крестьян.

Влад настроился на пси-волну вожака охотничьей команды полуобезьян, «погрозил ему пальцем». Отряд остановился. Вожак был опытным и хорошо чувствовал опасность. Охотников в отряде насчитывалось пятеро, но справиться с Владом они не могли. Влад был эрмом, ратным мастером, потомком древнего рода интраморфов, и владел многими видами сиддхи[3]: способностью по желанию увеличивать или уменьшать вес и плотность тела, воспринимать и передавать мысли, чувства и энергию людей, слышать все звуки природы на больших расстояниях, контролировать паранормальные состояния сознания, останавливать сердце, долго обходиться без воздуха, воды и пищи. Не научился он только выходить в высшие горизонты поля Сил, энергоинформационного поля космоса, питаемого энергией вакуума, но Влад был молод и верил в свои возможности. Сход старейшин скоро должен был посвятить его в витязи, в братство воинов Духа, и это время было не за горами. Влад не зря всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь занимался боевыми искусствами, они способствовали расширению пределов сенсорной системы и адаптивных возможностей, диапазонов слуха, зрения, осязания, интуиции, внимания, увеличению экстрасенсорного восприятия, хотя воином-защитником, как другие ратные мастера, не стал. У него было в общине другое предназначение – воин-искатель, точнее, кладоискатель. Влад путешествовал по Земле в поисках уцелевших со времени Катастрофы баз и складов, что при удачном стечении обстоятельств, когда таковые находились, существенно повышало потенции общины к выживанию.

Учитель Влада многое дал ему в этой жизни, сделав из юноши человека воли, мастера боя, научив пользоваться своим пси-резервом, переходить на сверхтемп, благо что Влад с рождения владел погружением в подсознание и пользовался им совершенно свободно, даже не осознавая этого, как любой человек не осознает своего дыхания или сердцебиения. Но главное, чего достиг молодой интраморф под руководством учителя, – это чтить кодекс чести витязей: не действовать во зло, не предавать, не лгать, не разрушать, не сорить, не красть и не осуждать, если же задана цель – идти к ней до конца, на пределе, не щадя живота.

Новый звук достиг ушей Влада – посвист крыльев летящей в небе птицы. Она сделала круг над вершиной Единорога – это был очень крупный орлан – и спикировала на скалы, превращаясь в человека.

– Учитель? – удивился Влад, делая шаг навстречу, и в тот же момент человек, бывший до этого птицей, выстрелил в кладоискателя из арбалета.

Мир вокруг изменился.

Влад оказался не на вершине горы, а на льду, из которого вырастали странные кристаллические столбы, источавшие серебристое сияние. Небо над головой стало красным, воздух уплотнился, превращаясь в вязкую среду, двигаться в которой стало трудно. Влад понял, что кто-то организовал виртуальное пространство с эйдоэффектом, однако легче от этого не стало, предлагаемый сценарий игры не давал возможности размышлять.

Стрела со свистом разрезала воздух, превратилась в черную молнию неведомой энергии и пролетела в десятке сантиметров от груди увернувшегося Влада, вонзаясь в столб и превращая его в груду кристаллов. Незнакомец, принявший облик учителя, выстрелил снова. Еще одна стрела прянула из арбалета, на лету трансформируясь в черную молнию, пробила навылет очередной столб. И Влад понял, что, если не предпринять ответные меры, шутка с перевоплощением может закончиться плохо. Он метнул в оборотня мысленно-энергетический луч, который заставил противника отшатнуться, прыгнул к нему и выбил из руки арбалет. Оборотень отпрыгнул назад, взмахнул руками, превратился в птицу и, нырнув с горы вниз, пропал за скалами. Пейзаж приобрел знакомые очертания.

---

[3] Сиддхи – совершенство, цели самодисциплины (инд.).

Влад подошел к краю площадки, глянул вниз, ища глазами птицу, почувствовал сзади чье-то присутствие, метнулся в сторону, оглядываясь, и встретил сурово-сдержанный, с искорками иронии взгляд высокого худого старика с белоснежными развевающимися волосами и бородой. Это был учитель Влада, старейшина Дебрянской общины, волхв Дивий.

– Ты не слишком расторопен.

– Прости, – пробормотал Влад, краснея. – Я ждал тебя и… задумался…

– Это не оправдание. Тебя могли убить.

– Я почуял, что это тульпа[4].

– Поздно почуял, ты должен был отреагировать еще до того, как он начал стрелять. Витязь обязан быть готов к адекватному ответу в любой момент.

– Я готов.

Волхв подошел к месту, где стоял человек-птица, стрелявший в молодого воина-искателя, посмотрел вниз.

– Что это? – подошел Влад.

– Ты никому не говорил о Книге?

Влад выдержал острый взгляд старика. Речь шла о «Своде истин», рукописном документе, созданном тысячу лет назад прадедом Влада в пятидесятом колене Ставром Панкратовым. В Книге излагалась история появления в Метагалактике споры сверхразумного существа – Конструктора, а также правда о Великой войне-Игре, в которой приняли участие и люди, правда о причинах Катастрофы и о ее последствиях. Дивий не раз говорил, что за тысячу лет с момента окончания Войны Законов история целенаправленно искажалась всеми, кто приходил к власти на обломках великой человеческой империи. Теперь, прочтя Книгу, Влад удостоверился в истинности утверждений учителя. Эта информация несла высокий эмоциональный и этический заряд, стоило только увидеть текст, прикоснуться к пластиковым страницам Книги. Влада не смутило даже вступление прадеда: «Закон современного литературоведения гласит, что каждый текст допускает прямо противоположные интерпретации, поэтому тот, кто будет читать данный документ, должен читать его сердцем», но молодой воин помнил и наставления отца: «Слушай всех – выбирай сам! Главный наставник и учитель находится внутри нас!»

– Ты все прочитал?

– Все, – кивнул Влад.

– Все понял?

– Нет, – честно признался Влад с некоторой заминкой.

– Чего именно ты не понял?

– Зачем Конструктор соорудил вокруг нашей Вселенной Стенки, создал Косморium?

– Во-первых, размеры Косморium гораздо меньше нашего родного метагалактического домена. Во-вторых, надо было читать внимательней. Появление нагуалей не является абсолютным злом, это зло относительное – по человеческим оценкам. Нагуали – это скорее всего попытка изменить наш домен, являющийся клеткой Универсума, исцелить ее, так как она, по мысли кого-то из Игроков, стала функционировать неправильно. Однако нагуали – так сказать, «терапевтическое» вмешательство, и неизвестно, помогло оно нашей Метагалактике или нет, а вот Стенки Косморium это уже «хирургическое» вмешательство. Конструктор просто отрезал от домена пораженный «гангреной» нагуалей участок. Тебе еще придется вплотную изучать эту проблему, и ты все поймешь сам.

– Почему мне придется изучать проблему… э-э, «лечения» домена? – удивился Влад. – Я же не ученый и к тому же занимаюсь полезным делом…

– Искательство – вынужденное и опасное занятие, хотя и интересное, твой потенциал намного выше. Ты личинка файвера, и твоя судьба решается не тобой, не мной и даже не тво-

[4] Тульпа – материально-полевой фантом.

ими родителями, а Игрой, помни об этом. В скором времени тебе придется осознать такие глобальные проблемы, как тиккун и принципиальное упрощение континуума. Твое семинарское обучение закончилось, с завтрашнего дня я перестаю быть твоим наставником.

– Учитель!..

– Выслушай до конца. Да, ты еще молод и не готов к Пути, это показал и мой контрольный тест с нападением, но дальше тебе придется идти одному.

– Но почему, учитель?!

– Потому что наши дороги расходятся. Я ухожу в… одно место, очень далеко отсюда, я нужен там в качестве советника, у тебя же свой Путь. Но изредка мы будем видеться, обещаю. Учись, тренируйся и жди.

– Чего?

– Тебя позовут. Твое познание Вселенной только начинается, не ортодоксальное – мистическое по большей части, и хотя мистическое познание есть нечто более тонкое и сложное, чем строго научное, дающее парадигму физического мира, но оно не требует отрицания объективного существования познаваемого явления. Я не слишком зануден?

Влад покачал головой:

– Я понял, учитель. Но ты говоришь… ведь тиккун – это процесс, который должен привести Вселенную к совершенству, если я правильно помню Каббалу. А в Книге моего прадеда говорится, что… возврата к прошлому нет…

– Совершенно правильно, отрок. Возврата к прошлому нет и не будет. Закон Перемен не имеет обратного действия, но это не значит, что Вселенную нельзя усовершенствовать. Этим уже занимаются – там, – Дивий поднял глаза к небу, – в горних высях. Где именно, ты скоро узнаешь. Однако и нам предстоит включиться в этот процесс, на нашем уровне возможностей. Мы не свободны. Ни я. – Волхв улыбнулся. – Ни ты. А теперь прощай, мне надо торопиться. Возьми это себе, пригодится.

Старик протянул Владу необычной формы пистолет с длинным игольчатым дулом.

– Что это?

– Нейтрализатор межатомных связей. Старинная штучка, теперь таких не делают.

– Зачем? Я могу обойтись и без…

– Бери и помни, после чего я тебе его подарил. Тест ты почти завалил.

– Но тебе, возможно, оно пригодится больше.

– Мое оружие – Сила. – Дивий вырастил из ладони язычок пламени, дунул на него, и огромный язык желто-оранжевого огня протянулся от губ волхва до ближних скал, разнес их в каменное крошево. – Ты тоже научишься таким вещам, только будь осторожен, демонстрируя свои умения. А чтобы оружие не чесалось у тебя в руке, давай-ка сделаем его неопасным с виду.

Пистолет в руке волхва вдруг стал терять очертания, оплывать, как брусок воска, пока не превратился в зазубренную метательную пластину с утолщением в центре.

– Носи этот сякэн в ножнах на поясе, а когда понадобится стрелять, мысленно представь его прежнюю форму. Материал нейтрализатора достаточно пластичен, я встроил в него память формы.

Влад с сомнением взвесил в руке тяжелую пластину, сунул в карман своей кожаной охотничьей куртки, расшитой бахромой. Старик, прищурясь, окинул взглядом его плечистую высокую фигуру, твердое спокойное лицо с яркими синими глазами, упрямой складкой губ и крутым подбородком, со слегка выступавшими скулами. Длинные темно-русые волосы парня падали на шею, и, чтобы они не мешали, он носил красный поясок на голове. Сказал с некоторым сожалением:

– Подучиться бы тебе еще… Палестру, гимнасию и семинарию ты закончил, но этого мало, надо было бы закончить еще диванарию, а уж потом думать о подвигах Геракла.

– Я не думаю, – пробормотал Влад. – А что такое диванария? Институт, университет?

– Все вместе. Собственно, часть диванарии ты уже одолел, осталось осилить демиургию, теургию и прочие виды управления телом и миром. Но, может быть, тебе еще самолично удастся разбудить родовой резерв и пройти всю лестницу файверского обучения, тем более что учатся творческому приложению Сил всю жизнь.

Старик обнял Влада, ощутив его печаль и растерянность, но добавить к сказанному было нечего, а от испытаний, ждущих молодого файвера впереди, освободить его было невозможно. Да и не нужно.

– Прощай. Береги Книгу.

– Прощай, учитель.

– Мы еще встретимся.

И волхв исчез.

Влад такого делать еще не умел. Конечно, он владел параконтролем окружающей среды, мог даже переносить себя через реки и ущелья, но мгновенно перемещаться в пространстве на большие расстояния, как волхвы, еще не научился.

Он постоял немного на обдуваемой всеми ветрами макушке горы, сдерживая подступившие к горлу слезы, медленно обошел площадку, прислушиваясь к новым ощущениям одиночества и тоски, потом встрепенулся и начал спускаться вниз, к пещере, где он хранил Книгу и кое-какие вещи прадеда, переданные ему учителем. Эту пещеру знали только они двое, здесь Влад тренировался, здесь учился премудростям психотехники, здесь отдыхал. Теперь, после ухода учителя, пещера переставала быть местом поклонения и выхода за пределы обыденного. Делать больше здесь было нечего. Но молодой кладоискатель пробыл в пещере до раннего света[5], заканчивая изучение «Свода истин». Многое из того, что написал в Книге прадед, было ему непонятно, например совет: «Понадобится помощь – позови отца…» Зато Влад понял, куда ушел учитель: то «место», куда его пригласили, было новой родиной человечества, переселившегося во время Катастрофы на другую планету к другой звезде. И на Земле знали об этом, судя по всему, только волхвы, хранители знаний почти исчезнувшей с лица Земли цивилизации.

– Гея… – вслух произнес Влад название планеты.

Дочитав Книгу, он вдруг почувствовал внутреннее беспокойство, прислушался к себе, к миру вокруг и понял, что в деревне что-то происходит, что-то нехорошее. Нарушение псифона общины становилось заметным молодому интраморфу даже в том состоянии, в каком он находился после неожиданного прощания с учителем.

Охотничий отряд людей-обезьян он обошел стороной, не желая затевать с ними драку, хотя еще час назад непременно поучаствовал бы в этой увлекательной игре в кошки-мышки со вполне реальной угрозой жизни в условиях, приближенных к боевым. Такой тренинг уже несколько лет входил составной частью боевого оптимайзинга Влада, хотя во время встреч со стаями полуразумных существ типа людей-кошек или обезьян он никого никогда не убивал. Но у него были стычки и совсем иного рода – со стаями людей с ущербной психикой, с кочевниками-отщепенцами, сбивающимися в банды и терроризирующими население деревень по всей земной линзе[6].

Спуск с Единорога занял всего четверть часа. Влад уменьшил вес тела и прыгал с камня на камень не хуже горного козла, пугая птиц и каменных крыс. У подножия горы его ждал Секам, гепардоконь Влада, подаренный ему учителем еще в младенчестве и представлявший собой непарнокопытного потомка гепардов, популяция которых выжила лишь благодаря направленному мутагенезу, которым владели волхвы. Это был огромный, в человеческий рост,

---

[5] Ранний свет – утро по новой терминологии уцелевших на Земле людей. Ночь на планете-линзе теперь называлась светом сна, а вечер – предсоньем.

[6] Раньше это звучало бы как «по всему земному шару».

мощный, красивый, дымчато-серый зверь с пятнистой лоснящейся шкурой и горящими янтарными глазами. Хищнические наклонности он давно потерял, но зубы в пасти показывал впечатляющие и запросто мог отхватить полруки какому-нибудь обидчику хозяина. К тому же Секам имел довольно высокий интеллект и понимал все, что ему говорили. Мало того, он чувствовал даже мысленный вызов и реагировал на пси-речь Влада мгновенно.

Молодой человек потрепал зверя по холке, вскочил в седло и мысленно скомандовал: «Домой!» Секам пряднул ушами и рванул вперед, одним прыжком преодолевая длинную россыпь камней и трехметровую трещину, сетью которых были испещрены все плато, равнины и плоскогорья.

Обычно, возвращаясь в деревню после тренировок с учителем или изучения древних эзотерических текстов, Влад заворачивал в долину Радужных Струй, одно из самых красивых мест вблизи владений общины: река Десница здесь двенадцать раз (!) ныряла под землю и выходила из нее, образуя каскад прозрачных до самого дна потоков. Но в этот раз, чувствуя нарастающую тревогу, Влад заставил Секама бежать самой короткой дорогой, через лес и болото, и до деревни они домчались всего за три четверти часа. Уже перепрыгивая через трехметровый деревянный частокол, охранявший деревню от набегов крысобак, Влад понял, что в деревне хозяйничает банда.

Обычно охотники за дармовым пропитанием были довольно трусливы и, встретив достойный отпор, отступали, ретировались или же грабили хутора, защищенные хуже, чем большие поселения. Кроме того, они занимались воровством, крали домашних животных и технику общин, добываемую крестьянами торговлей между собой или найденную на уцелевших после Катастрофы базах. Но встречались и менее миролюбивые человеческие стаи, по сути – секты, возглавляемые «наместниками богов» на Земле, открыто проповедующими насилие.

Таковыми являлись садджжики[7], никогда не расстающиеся с оружием, бхайрагьи, чаги, прославившиеся особой кровожадностью, которые приносили своей богине Бабгавале задушенные жертвы, пиндары, которые совмещали набожность с грабежами и потреблением наркотиков, капалики[8], пользующиеся черепами жертв для еды и питья, нудилармисты, в большинстве своем передвигающиеся обнаженными, посыпающие тела пеплом сожженных трупов, злопаны, вооруженные цепами и трезубцами, отращивающие длинные волосы на затылке, но бреющие полчерепа ото лба до макушки, никогда не моющиеся, чтобы «не смыть ауру, заключенную в коже». Славились они еще и тем, что пили алкоголь, разбавленный отбросами и собственными выделениями, а иногда – кровью, которая текла из ран на их телах после самоистязания. К изуверским сектам относились и агхории – каннибалы, употреблявшие в пищу человеческое мясо, практикующие предсказания по плоду, вынутому из чрева матери. Агхории приносили в жертву добровольцев, убивая их кинжалом в затылок, кровь их выпивали, а мясо съедали.

Большинство этих передвижных летучих отрядов-сект за последние полстолетия были уничтожены и рассеяны Ратью, единым войском крупных общин, собиравшимся во времена возбуждения банд для организованного отпора. Однако не восстановившийся до конца социальный организм планеты все еще по– рождал группы людей с разного рода психическими отклонениями, и секты-кочевники продолжали разбойничать, иногда нападая и на хорошо укрепленные деревни, управленческие центры общин.

Но банда, напавшая на деревню Влада, представляла собой крайний случай из всего широкого спектра социальных групп, не подчинявшихся общепринятым нормам и законам. Это была стая особо жестоких, беспощадных, беспринципных изуверов и садистов, банда

[7] От инд. слова саджайя – тетива.

[8] От слова капала – череп.

нихилей[9], для которых не существовало ничего святого. Самым любимым развлечением этих отщепенцев было насиловать и убивать детей и женщин. Их выслеживали охотники общин, уничтожали, но они время от времени собирались в стаи снова, и тогда для мирных жителей общин наступал ад.

В центре деревни горела кааба Веры – малый храм с четырьмя колоколенками и центральным кудом в виде золотой сферы. Кое-где дымились и шатры, деревянные постройки крестьян, дома с высокими островерхими двускатными крышами и теремами. Из дворов неслись крики, ругань, плач, треск ломающихся стенок и дверей. На улицах, мощенных деревянными плахами, лежали убитые защитники деревни с ружьями и арбалетами в руках, но убиты они были не холодным оружием или стрелами, в них стреляли издали, стреляли из оружия, пробивающего человека насквозь, несмотря на его доспехи.

Бандитов было около четырех десятков, и напали они ранним светом, когда деревня еще спала. Защитников же Дебрянской общины насчитывалось всего два десятка, да и те почти все отдыхали в это время. По ночам, которые уже сотни лет назывались «светом сна», деревню охраняли шестеро воинов. Стоило одному из них расслабиться, и оборона селения теряла смысл, основная отдыхающая дружина уже не успевала выполнить свою функцию и защитить сограждан. Видимо, именно это и произошло. Теперь бандиты, ворвавшись в деревню, добивали ее защитников, засевших в сторожевой гриднице.

Влад, походивший по свету и видевший, как устроена оборона других деревнь, много раз пытался объяснить старосте общины и сходу старейшин, как следует защищать свои земли, но даже Дивий не реагировал на советы молодого искателя, большую часть времени проводя далеко от общины. Деревне исполнилось уже более двухсот лет, она успешно отражала набеги кочевников и нападения стай гоминоидов, справлялась с атаками колоний насекомых и крысобак и не нуждалась в изменении существующего порядка вещей. До поры до времени…

Вихрем промчавшись по опустевшим окраинным улицам деревни, Влад сбил одного из бандитов, удивительно напоминавшего мародера времен гражданских войн начала двадцатого столетия, – Влад хорошо помнил документальные хроники тех и более поздних времен, изучаемые в семинарии, – заметил бегущего по радиальной улице к центру деревни человека, повернул было Секама к нему, но понял, что этот человек делает то же самое, что и он, – уничтожает захватчиков общины. Одетый в пятнисто-туманный комбинезон, скрадывающий движения и размеры тела, незнакомец скользил из двора во двор, и крики там стихали, а бандиты в пестрых костюмах невероятных расцветок и форм оставались лежать там, где их застала быстрая смерть.

Заметив Влада верхом на гепардоконе, незнакомец махнул рукой, посылая его вперед и вправо, в обход центральной площади деревни, и молодой воин послушался, понимая, что неожиданный союзник появился здесь не зря, хотя дом Влада стоял в другой стороне и сердце рвалось туда, чтобы узнать, живы ли родители.

Он сбил еще одного бандита, волокущего за руку кричащую молодую девушку из семьи Сивковых – Влад, конечно же, знал эту семью, и девушка ему нравилась, – заскочил во двор и ребром ладони зарубил еще одного негодяя, гонявшегося по двору за женой Сивкова. Затем снова погнал Секама к сторожевой гриднице, откуда доносились шум сражения, азартные вопли нападавших и треск пробиваемых насквозь бревен строения.

Картина, представшая перед глазами парня, надолго врезалась ему в память.

Гридница – двухэтажная деревянная пирамида, сложенная из толстых сосновых бревен, кое-где дымилась, готовая вот-вот вспыхнуть, и была окружена двумя десятками бандитов, вооруженных излучателями энергии и еще каким-то ствольным оружием, метавшим длинные струи огня. Вокруг пирамиды лежали тела односельчан Влада, буквально искромсанные неви-

[9] В исторические времена таких называли «отморозками».

димыми лезвиями излучений. Видимо, бандиты согнали мужчин к гриднице и расправились с ними на глазах у осажденных защитников деревни, наслаждаясь безнаказанностью и безраздельной властью над жизнью и смертью людей.

Влад за свою жизнь не раз встречался с кочевниками и сектантами, рыщущими вокруг поселений крестьян, как голодные псы, не раз защищал деревню от набегов, используя свое умение ратного мастера, однако с такими свирепыми, кровожадными убийцами сталкивался впервые. И если раньше он никогда не убивал противника, просто выводил его из строя, останавливая приемами пресечения боя, считая убийство тяжким грехом (учитель говорил, что грех в принципе – это реализация возможности идти своим путем, но предательство и убийство в эту формулу свободы выбора не входят), то сейчас, глядя на ухмыляющиеся, азартные, вымазанные в грязи и крови лица бандитов, Влад вдруг обнаружил в душе черный провал желания убивать. Попытался справиться с собой, однако его заметили, и думать, анализировать, взвешивать варианты боя стало некогда. Время замедлилось, растягиваясь и переходя в иное качество, в состояние разрыва бытия.

Из оружия у Влада в наличии были только нож – изумительной чеканки и формы джамбия – и пара шипастых шариков арарэ[10], если не считать пистолета, подаренного учителем, но о нем Влад в настоящий момент просто забыл. Атаку он начал без колебаний, не позволив себе даже подумать о возможном поражении, а тем более о смерти. Безумство храбрых, воспетое древними поэтами, у эрмов было запрограммировано генами.

Бросок арарэ – свист – глухой шлепок – вскрик!

Еще один бросок – свист – удар в затылок – вопль!

Оба колючих шара нашли цели в цепи бандитов.

Секам рванулся вперед – гигантская зубастая копытная кошка, один вид которой мог довести нормального человека до инфаркта. Удар копытом, удар ножом – и еще двое нихилей легли на землю без движения, чтобы уже не встать: один с проломленным черепом, другой с отрубленной кистью руки. Лишь после этого остальные члены банды обратили внимание на грозного противника, в течение секунды сократившего их численность на десять процентов. Но и обнаружив врага, они не сразу начали отбивать внезапную атаку, ошеломленные появлением зверя и человека, что позволило Владу нейтрализовать еще двоих кочевников. Одного он поддел сапогом под подбородок, второго сбил корпусом Секам. Затем бандиты опомнились, начали стрелять, и положение молодого воина сразу изменилось, потому что бандитов оставалось слишком много.

Он спрыгнул с гепарда, сделав кульбит в воздухе, и упал прямо на одного из громил, ловившего его в прицел излучателя энергии, прикрылся его телом, в то время как Секам метнулся дальше, издав свирепый мяв. Лежа за бездыханным гигантом, Влад соорудил две тульпы, отвлекая стрелков, и в этот момент в схватку вмешался незнакомец в маскировочном костюме, появляясь за спинами повернувшихся лицом к Владу бандитов.

Казалось, он ничего не делает, лишь водит рукой с зажатой в ней металлической скобой, но бандиты начали падать один за другим, и Влад сообразил, что скоба у неожиданного союзника является каким-то видом оружия, парализующего мышцы или волю человека. Через несколько секунд все было кончено. Стрельба прекратилась, члены стаи расположились вокруг дымящейся гридницы в позах, в каких их застал луч парализатора, гепард перестал метаться по площади, Влад выпростался из-под простреленного в нескольких местах тела бандита и смотрел, как незнакомец идет к нему, пряча оружие и нагибаясь над лежащими телами сельчан. Затем он откинул забрало шлема, и стало видно, что этот смелый воин – женщина!

Влад ощутил слабый протест души, не ожидая такого оборота событий, похлопал себя по бедрам и полам куртки, стряхивая пыль, обнаружил, что во время падения выронил подарок

[10] Арарэ – объемная разновидность метательных пластин.

учителя, и поднял тяжелую черную пластину сякэна с земли, исподлобья глядя на приближавшуюся незнакомку.

Она была молода, безусловно красива, имела короткую стрижку, прямые черные брови, прямой нос, серые глаза и твердые, властного изгиба губы. Глаза ее разглядывали Влада с неопределенным интересом, иронией и толикой насмешки, и молодой кладоискатель вспыхнул, ощутив тонкое кисейное облачко этой насмешки.

– Рисковать следует, имея варианты отступления, воин, – с беглой улыбкой сказала женщина, поняв чувства молодого человека. – Если бы тебя убили, это было бы поражением. Цели – освобождения своих соотечественников – ты бы не достиг.

Влад открыл рот, чтобы возразить, и внезапно заметил, как один из бандитов, лежащий на боку в двух десятках шагов за спиной незнакомки, поднимает руку с пистолетом. До выстрела оставались доли секунды, предупредить женщину он не успевал, оттолкнуть в сторону тоже, и Влад инстинктивно сделал то, что пришло в голову, – мысленно приказал сякэну приобрести былую форму. Выстрелил он из своего пистолета-нейтрализатора на мгновение раньше, чем бандит.

Черная молния разряда, разрушающего межатомные связи вещества, вонзилась в руку бандита, пробила плечо и шею. Ответный выстрел из энергоизлучателя миновал стоящих Влада и незнакомку, ушел в небо. Женщина оглянулась, выхватывая свой парализатор, глаза ее расширились, она кинула взгляд на убитого молодым кладоискателем бандита, быстро оглядела поле боя и посмотрела на пистолет в его руке.

– Браво, молодой человек! Впечатляющий трюк. Что это у тебя за оружие? Никогда такого не видела.

– Кто ты? – буркнул Влад, уже предполагая ответ. Спрятал в карман нейтрализатор, снова превратившийся в черную зазубренную пластину.

Костюм незнакомки перестал плыть и струиться, превратился в темно-зеленый комбинезон с рядом блестящих полос на рукавах и бедрах, над правым его кармашком высветился значок в форме орлиного глаза. Это была эмблема ОКО – службы общественного контроля на Гее, второй родине человечества.

– По-моему, ты уже догадался, кто я, – сказала женщина.

– Гея… – пробормотал Влад.

– Я десантник Даль-разведки погрансектора ОКО. Нас кое-что интересует на Земле… из наследия предков. У деревни я оказалась случайно. Увидела эту свору, но перехватить не успела.

Из плеча костюма незнакомки выдвинулся усик рации, придвинулся к ее губам:

– Корев, где вы, черт побери?!

Ответа Влад не услышал, наушник рации, спрятанный под волосами, доносил переговоры только хозяйке. Женщина посмотрела, прищурясь, на солнце, Влад невольно глянул в ту же сторону и увидел в небе стремительно приближающиеся серебристые стрелы. Через несколько секунд они превратились в стреловидные аппараты, снизились, зависли над площадью деревни. Один из них выпустил длинную туманную струю, туша горевшую каабу (резко похолодало), второй сел, из него начали выпрыгивать десантники в таких же маскировочных костюмах, что был и на женщине, рассыпались вокруг в поисках живых бандитов. Третий аппарат хищно поплыл над деревней, контролируя воздушное пространство.

К женщине подбежал гигант в камуфляж-костюме, откинул забрало шлема, на Влада глянули серые, как и у незнакомки, глаза.

– Кто это?

– Местный абориген, – усмехнулась женщина. – Воин и интраморф, если я не ошибаюсь. Он мне помог. Почему задержались, Дан?

– Обнаружили целую сеть пещер в здешних горах, металлоискатели засекли в них следы высокотехнологического сплава. Но там нас встретили мутанты. Пришлось их урезонивать.

– Почему не сообщили мне сразу?

Корев отвел глаза:

– Я думал, мы успеем.

– Если бы вы прибыли сюда вовремя, жертв было бы гораздо меньше.

Гигант покосился на бесстрастного с виду Влада.

– Нельзя ли… – он перешел на слоган-речь, – отчитывать меня не при этом мальчишке?

– Он интраморф, – отрезала женщина. – Возвращайтесь на базу, я скоро буду.

– Дать обойму сопровождения?

– Не надо. – Женщина посмотрела на Влада, подмигнула ему. – У тебя хорошая реакция, воин, не хочешь к нам в сектор? На Гее такие люди нужны.

– Не хочу, – покачал головой Влад.

– Тогда прощай. Спасибо за выстрел, я у тебя в долгу.

Она повернулась, быстро пересекла площадь и исчезла за ближайшими домами селения. Влад и мужчина по имени Дан Корев в маскировочном костюме смотрели ей вслед.

– Ванесса – прирожденный командир, но индивер, – скривил губы гигант, окинув Влада оценивающим взглядом. – Что тут у вас произошло?

Влад пожал плечами:

– Кочевники. Так нагло они никогда раньше не действовали.

– Лопухнулись ваши защитнички. А ты действительно интраморф?

Влад на мгновение мысленно накрыл голову Корева непроницаемым колпаком глухоты и молча отошел, оставив ошеломленного пограничника в состоянии ступора. Беспокойство за судьбу родителей охватило его с новой силой.

Площадь сходов и улицы деревни начали постепенно заполняться людьми, уцелевшие сельчане выходили из домов и погребов, собирались в кучки возле убитых сородичей, послышался детский и женский плач. Влад миновал две улицы, выбежал к своему дому, с облегчением перевел дух. Отец и мама стояли возле поломанного палисадника и смотрели на суету в соседних дворах, которых не миновала смерть.

– Владик! – протянула к нему навстречу руки мама.

Влад подбежал, обнял ее и отца, повел обоих в дом, чувствуя их сдержанную радость и одновременно неуютное чувство вины, словно они переживали, что остались живы.

Над улицей низко пролетел белоснежный летательный аппарат, управляемый пограничницей службы ОКО, но Влад не обратил на него внимания.

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Утро комиссара сектора общественной безопасности (СОБ) службы общественного контроля (ОКО) Горана Милича началось с визита претора ОКО Цамцоя, что заставило Милича насторожиться и задуматься над причиной столь раннего рандеву, да еще в неслужебной обстановке. Отношения комиссара и претора службы общественного контроля до этого момента нельзя было назвать дружескими, хотя и враждебными их признать было трудно. Оба родились интраморфами, оба тщательно скрывали этот факт и относились друг к другу с подчеркнутой официальной вежливостью. Миличу исполнилось тридцать лет, Цамцою более шестидесяти, но выглядел претор гораздо моложе, а по физическим кондициям не уступал более молодым оперативным работникам службы, хотя, опять же, старательно скрывал свои возможности от соратников и подчиненных. Интраморфов в службе не любили. Их не любили нигде и хотя не преследовали за паранормальные способности, превосходящие способности обычных людей,

но и не жаловали. Даже спустя тысячу лет после Катастрофы среди людей бытовало мнение, что именно паранормы-интраморфы, предки нынешних, являются виновниками Катастрофы.

Дом Милича располагался в ОВП-зоне[11] – зоне Центрального Нома Геи, где жили чиновники Правительства и администрации Верховного Владыки. Таких зон по всей Гее насчитывалось ровно десять, не считая резиденций Владыки, обитали в них работники КСЭ – Консультативного совета экспертов, СЭКОНа – службы этического контроля за опасными тенденциями развития общества, Законодательной Думы, финансовых институтов планеты-муравейника и руководители Номов. Это были зоны, свободные от технических сооружений, транспортных коммуникаций и производственных комплексов. Особо важные персоны строили здесь дома в соответствии со своими вкусами и воспитанием, поэтому высотных строений на территории ОВП-зон не было. Трех-пятиэтажные коттеджи поражали разнообразием форм и архитектурных находок, рядом мирно соседствовали пагоды «тибетского» стиля и терема «русского ренессанса», древнеславянские куды и готические соборы, исламские мечети, зиккураты и африканские бунгало, сверхсовременные металлостеклянные кристаллы и египетские пирамиды.

Коттедж Горана Милича напоминал словацкие замки восемнадцатого века на Земле и стоял на окраине Центрального Нома, где селились все работники службы ОКО. Именно здесь начали возводить первые многосемейные пирамиды, была построена центральная кааба Православной Веры, был сооружен первый Кремль, ставший резиденцией Правительства, по образцу и подобию которого стали строить учреждения в других ОВП-зонах, центрах уцелевшей цивилизации.

Остальные жители Геи обитали в едином городе-«муравейнике», которым стала вся планета, пронизанная сетью шахт, тоннелей и линий связи. Диаметр Геи был в три раза меньше диаметра Земли, поэтому для поддержания нормальной для землян силы тяжести в ядре планеты были установлены генераторы тяготения, создающие на поверхности Геи силу тяжести, равную девяти десятым земной. Внутри же планеты она «плавала» в соответствии с нуждами производственных центров и желаниями живущих под землей людей. Большинство из них, конечно, предпочитало жить так, как требовала природа человека, закодированная в генах миллионами лет жизни на Земле. Но встречались и такие, кто выбирал невесомость или же силу тяжести в полтора, а то и в два раза большую, чем общепринятая.

Горан Милич как интраморф мог жить в любых условиях, которые только способен был вытерпеть вид хомо сапиенс, однако жил как все, ничем особенным не выделяясь среди сослуживцев и обитателей ОВП-зоны.

Он считался руководителем высокого ранга, поэтому его личные владения были довольно значительными – около пяти тысяч квадратных метров, он мог бы поставить здесь себе и гораздо более представительный коттедж, но предпочел воплотить мечту детства и построил копию замка, в котором когда-то жили его предки на Земле.

Площадь территории ОВП-зон составляла от четырехсот до шестисот квадратных километров, а населяло их не более тысячи человек, в то время как плотность населения всей планеты была в двадцать – двадцать пять раз выше.

Если Номами управляли номархи, опирающиеся на Директории и службы общественного контроля, то ОВП-зоны подчинялись только уполномоченным Правительства. Даже претор ОКО не мог свободно распоряжаться ресурсами зоны без санкции уполномоченного, если только дело не касалось защиты населения зоны или расследования преступлений.

Властные функции распределялись на Гее в соответствии с герметическими законами: «что вверху, то и внизу»: Владыка (номарх) – Правительство (Директория) – Законодательная Дума (Представительное собрание) – Консультативный совет экспертов – СЭКОН – служба общественного контроля. Главную же защитную функцию несла «всевидящая» служба ОКО,

[11] ОВП – особо важные персоны.

отвечающая за охрану правопорядка, за соблюдение законов и норм на всей территории Геи, за исполнение всеми главами и органами власти распоряжений Правительства и Владыки.

Было раннее утро сто второго дня[12] три тысячи триста тридцать девятого года, когда комиссар сектора СОБ проснулся не от сработавшего внутреннего будильника, а от ментального вызова. К нему в гости напрашивался лично претор ОКО Цамцой, человек дела и закона, никогда не нарушавший моральных заповедей цивилизации. Если он решился изменить обычный порядок встреч и пренебречь сном подчиненного, это могло означать только одно – что-то случилось.

Горан мысленно ответил гостю: «Входите, я сейчас спущусь», покосился на спящую рядом Ванессу и еле удержал себя от того, чтобы не поцеловать ее в грудь.

Девочка родилась интраморфом и характером пошла в отца, известного даль-разведчика, погибшего несколько лет назад при столкновении спейсера Даль-разведки с нагуалем. Она закончила школу второго цикла, Академию погранслужбы и стала даль-разведчиком, как ее отец. Знание воинских искусств, природные данные и возможности паранорма позволили ей добиться признания даже среди пограничников-мужчин, на счету которых была не одна рискованная экспедиция в заросшие нагуалями сектора Галактики, но для Горана Милича, знавшего Ванессу с детства, она оставалась девочкой, отстаивающей свое право на свободу выбора, несмотря на его сопротивление этому выбору (он желал ей другого пути), и нечастые их встречи – стать его женой она не захотела, как, впрочем, и чьей-либо еще, что заставляло комиссара надеяться и ждать, – были для него возвращением в детство.

Горан накинул на голое тело халат и вышел из спальни в коридор второго этажа коттеджа, стены которого на вид казались сложенными из грубо обработанных каменных глыб. В комнате чистоты, вполне современной, оборудованной комплексом плывущего интерьера, он плеснул в лицо водой, утерся полотенцем, хранящим запах духов Ванессы, и спустился на первый этаж замка, где в «рыцарской зале» его ждал претор ОКО. Цамцой наклонил седую голову, отозвался на мысленный вопрос хозяина слоганом озабоченности-извинения-непреклонного желания поговорить, и Милич пригласил его сесть в кресло у стены, увешанной мечами, алебардами и мушкетами, не спрашивая причин столь раннего визита: Центральный Ном еще спал.

Вопросительно посмотрев на гостя, Горан принес заварник с горячим тоником, разлил по чашкам и предложил претору ОКО, одетому вопреки обычаю не в серебристый, с красно-синей оторочкой костюм официала службы, а в серо-синий уник геянина, мелкого чиновника, превращавший его в «человека как все».

Цамцой глотнул тоника – настоя из трав и ягод рябины, на взгляд Милича не ответил, и тот понял, что претор ждет еще кого-то. Словно получив сигнал, сторожевая автоматика коттеджа доложила о прибытии гостя, который оказался комиссаром сектора пограничной службы (СПС) ОКО Исхаром Ауриммой. Милич встречался с ним нечасто, знал его как хорошего стратега, знатока воинских искусств, однако дружеского расположения от него не добивался. Ауримма был примерно его возраста, ну, может быть, на пару лет старше, и свойств интраморфа не проявлял.

– Прости за беспокойство, – сказал он, пожимая руку Горана. – Мне была назначена встреча…

Милич ощупал весь коттедж и ОВП-зону сферой сверхчувственного восприятия, ничего подозрительного не заметил, усадил гостя в кресло, а сам устроился на лавке, мысленно успокоив проснувшуюся Ванессу.

---

[12] На Гее не существовало смены времен года, ось ее вращения была перпендикулярна плоскости эклиптики, и климат экватора почти ничем не отличался от климата полярных областей. Год, состоящий из трехсот шестидесяти дней, не делился на месяцы и недели, а рабочие периоды уже давно перестали быть пяти-шестидневными, теперь люди работали по четыре дня и отдыхали также четыре дня, доверяя на это время производственное и иное управление высокоинтеллектуальной автоматике.

– Я могу полагаться только на вас двоих, – сказал Цамцой, глянув на Милича и Ауримму, ждущих объяснений, – поэтому и пошел на этот неслужебный контакт. Положение таково, что не терпит проволочек. Существует примета, ей уже полторы тысячи лет: урожайность грибов перед войной повышается.

Горан и Ауримма переглянулись. Претор ОКО усмехнулся:

– Так вот, урожайность грибов на плантациях планеты год от года увеличивается. Нас ждет война, сударь мои. По сути, она уже началась. То, что мы имеем в настоящее время, а имеем мы самый настоящий террор, даже Большой Террор, иначе чем прелюдией войны не назовешь.

Подумав, Горан согласился с такой оценкой положения на Гее. За последний год общее количество преступлений на планете возросло втрое. Появились банды «отморозков», выбравших в качестве «игр» нападения на школы и институты Геи. Участились убийства ученых, работающих над проблемами энергоснабжения и уничтожения нагуалей. Увеличилось количество нападений на погранзаставы, причем не только на вынесенные далеко в космос, к Стенкам Косморіума, но и на те, что контролировали состояние пространства у «тревожных» объектов, таких, как звезда Тина с планетой Тартар, звезда Чужая, Орилоух, центр Галактики. И, наконец, участились случаи уничтожения станций метро, что уж совсем не укладывалось в рамки каких-либо осмысленных действий и объяснений. Станции метро, как новые, так и построенные еще тысячу с лишним лет назад и работающие до сих пор, были единственным средством связи Земли с колониями в космосе, потому что межзвездный «струнный» флот по космосу, заросшему «колючей паутиной» нагуалей, ходить не мог, каждый прыжок спейсера или другого транспортного средства мог закончиться столкновением с нагуалем, гибелью корабля и экипажа.

– Я думаю, вам не надо объяснять, чем грозит миру Большой Террор, – продолжал Цамцой. – Гея только-только восстановила положительный баланс между рождающимися и умирающими людьми. Мы по-прежнему вынуждены бороться за каждый квадратный метр поверхности, за каждый глоток воды и воздуха. Человечество давно перестало разрабатывать новые технологии, с трудом поддерживает старые, ни о каком прогрессе речь давно не идет. Мы застыли на уровне послевоенного строительства, победив ФАГа, но не справившись с проблемами развития цивилизации. А тут добавляются новые. Начали исчезать молодые красивые женщины и девушки в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. На сегодняшний день количество пропавших перевалило за три десятка. И начали сближаться Стенки Косморіума.

Горан посмотрел на Ауримму. Об исчезновении женщин он, естественно, знал, о сближении Стенок слышал впервые.

– Департамент погранслужбы держал эту информацию в тайне, – пояснил претор ОКО, – и рассекретил лишь в связи с недавним уничтожением двух погранзастав, наблюдавших за Стенками. Некоторые заставы замолчали давно, и, возможно, потерь среди пограничников больше, чем мы думаем, но у нас нет космофлота, не зависящего от нагуалей, чтобы это проверить.

– Мои пограничники могли бы это сделать, – осторожно высказался Ауримма. – Но СЭКОН запретил нам выходить в космос на больших машинах.

– Странно.

– У нас много чего странного творится в высших эшелонах власти.

– Самое странное, что нам начинают активно мешать работать, – сказал Цамцой. – Я уже не могу расследовать преступления самостоятельно, на это теперь тоже требуется разрешение СЭКОНа.

Горан и Ауримма снова обменялись взглядами.

– Таким образом, нам предстоит работать конспиративно, поэтому я и настоял на встрече вне службы. Наша первая задача – создать команду для отражения волны Большого Террора,

для поиска и уничтожения убийц, наносящих все более неожиданные и разящие удары по интеллектуальному генофонду человечества. В связи с чем возникает вторая задача, самая первоочередная и самая сложная: возрождение спецслужб, таких, как контрразведка и команды быстрого реагирования. Наше «всевидящее» ОКО не справляется со своими обязанностями.

– Пожалуй, это действительно сложная задача, – сказал Ауримма. – По шкале ВП[13] я дал бы ей баллов девяносто. Но чем раньше мы начнем ее решать, тем лучше. Команду же для поисков и уничтожения террористов надо создавать немедленно. Нужны профессионалы и… – комиссар сектора СПС покосился на молчащего Милича, – и интраморфы. Без них с проблемой Большого Террора нам не справиться. Кто бы как к ним ни относился.

– Я рад, что вы это понимаете, – кивнул Цамцой. – У вас есть предложения?

– Среди моих пограничников встречаются и эрмы, но их мало. Нужен поиск ратных мастеров среди интраморфов, причем не только на Гее, где их совсем мизерное количество, но и в космосе, среди тех, кто покинул Землю до и во время Катастрофы, в том числе и на самой Земле. Нужен ходок, человек Силы и воли, который согласился бы взять на себя эту миссию.

Претор ОКО остро взглянул на шевельнувшегося Горана из-под седых бровей:

– Ваше мнение?

– Мне надо подумать.

– А в качестве ходока вы никого не можете предложить? Среди ваших профессионалов нет подходящей кандидатуры?

– Разве что я сам, – мрачно усмехнулся Милич. – Но миссия эта настолько деликатна, что справиться с ней может далеко не каждый интраморф.

Он посмотрел на Ауримму, и комиссар СПС с улыбкой качнул головой.

– Нужен хороший актер… или женщина. Правда, одному человеку с такой миссией не справиться, как мне кажется.

– Можно подобрать пару, – бесстрастно сказал Цамцой, наблюдая за лицом Горана, – и лучше всего, если ее напарник будет неизвестен нашим кадровикам. Ваша кандидатура не подойдет, дорогой комиссар, мы не сможем объяснить ваше отсутствие. К тому же к деятельности ОКО начал проявлять внимание председатель СЭКОНа. Точнее, его личная служба безопасности.

Оба комиссара вопросительно посмотрели на Цамцоя. Претор ОКО ответил им понимающей усмешкой.

– Боюсь, милые мои, мы имеем в службе глаза и уши не только террористов, но и чиновников Правительства… что, возможно, одно и то же. Уж слишком бандиты оперативны и неуловимы, таинственны и жестоки. Ни одного требования, чего хотят террористы, ни одного заявления. И проходят они сквозь наши сети, как игла сквозь паутину. Это уровень интраморфов или, если кто помнит, К-мигрантов, завязавших настоящую войну с людьми во время второго пришествия Конструктора.

– Но К-мигранты, насколько мне известно, были все уничтожены до Катастрофы, – возразил Горан, в генной памяти которого хранилась вся информация о появлении пресапиенса в Солнечной системе.

– Возможно, не все. А может быть, это вовсе и не К-мигранты хотят начать новую войну, утверждать не берусь. Просто уровень воздействия на современный социум заставляет меня искать нетривиальные решения возникшей проблемы.

– Хорошо, допустим, мы найдем ходоков, – сказал Ауримма, – объясним задачу, вооружим их, экипируем… как они выйдут на колонии интраморфов у других звезд?

– Через систему метро, разумеется.

– Но метро может находиться под контролем наших таинственных противников.

---

[13] Шкала важности и первоочередности решаемых задач.

– Вы посылали на Землю своих разведчиков? Кто-нибудь знает о станции метро, уцелевшей на нашей бывшей родине?

Ауримма покосился на невозмутимое лицо Милича.

– Мы обнаружили эту станцию случайно… Сначала мы летали к Земле на «струнах».

– На Земле должны были уцелеть и другие станции метро, которые, естественно, не контролируются технической транспортной службой Геи. Нужно их обнаружить.

– Я дам задание Даль-разведке.

– Только доверенным лицам. Тем, кому мы можем доверять. Есть у вас такие?

Ауримма подумал, кивнул:

– В десант-группе есть интраморфы, я поговорю с ними. Не уверен, что они согласятся, честно говоря… но попробую. Однако вряд ли мы найдем метро, не контролируемое нашей транспортной системой.

– До Катастрофы станции метро строились по Галактике бешеными темпами, потом координаты многих из них были утеряны, но сами станции наверняка уцелели. К тому же интраморфы живут и в Солнечной системе, о которой мы почти забыли. Вы должны знать: уцелела большая часть Марса, благодаря Коровьей Лепешке Конструктора, сохранился обломок Венеры, а вместе с ним и колония людей, уцелели некоторые спутники Юпитера и Сатурна, отдельные космостанции, энергоцентры, заводы. До Катастрофы инфраструктура Системы была чрезвычайно насыщенной и плотной, народ селился, где хотел, благодаря сети метро. Туда и надо обратить свой взор.

– А если и та сеть метро находится под контролем этих… м-м-м, икс-террористов?

Цамцой налил себе еще чашку тоника, выпил, не торопясь с ответом.

– Поэтому и нужен ходок, которого никто не знает…

– И кем можно пожертвовать, – добавил Горан с изрядной долей сарказма.

– У вас есть другое предложение? – тихо поинтересовался Цамцой.

Милич отвел взгляд, воспринимая от претора ОКО слоган мучительной неуверенности-горечи-решительности. Предложить более оптимальное решение он не мог и только пожалел, что не отказался от участия в «подпольной» организации Цамцоя сразу.

– Я вас понял, сударь интраморфы, – хлопнул себя по коленям Ауримма. – Будем думать над проблемами. Но вот вопрос: что мы станем делать, если Стенки Космориума не остановятся? Будут сближаться и впредь теми же темпами? Кстати, какими именно?

– Две световые минуты в секунду, – ответил претор ОКО.

Двое мужчин, ответственных за деятельность подразделений тревожной службы переселившегося в другую звездную систему человечества, молча смотрели на него. Оба считали в уме быстро и теперь прикидывали, сколько лет осталось человечеству до того момента, когда Космориум схлопнется в точку и раздавит последний оплот цивилизации – Гею.

– Успокойтесь, – невесело улыбнулся Цамцой, понимая чувства собеседников, – еще неизвестно, что означает сей процесс. К тому же у нас достаточно времени, чтобы решить проблему остановки Стенок. Начинать надо с первоочередных задач. Вечером после встречи с советниками я жду вас у себя дома, но уже с предложениями. – Претор встал. – Да поможет нам Конструктор!

Вышел, сопровождаемый взглядами глазастых «собак», как называли в обиходе работников ОКО, носящих эмблемы с глазом орла. Засобирался и Ауримма.

– До встречи, комиссар. Положение, кажется, действительно серьезное, если сам претор вспоминает Конструктора.

Ауримма ушел. Горан закрыл за ним дверь, вернулся в гостиную и встретил взгляд вставшей Ванессы, полный любопытства и нетерпения. Она слышала весь разговор.

– Считайте, что один ходок у вас уже есть.

Горан начал снимать халат, но остановился, хмуро разглядывая раскрасневшееся лицо подруги.

– Не сходи с ума. Миссия опасна…

– Но я интраморф, мой милый, и могу справиться с заданием лучше, чем любой нормал. Давай пойдем вместе?

Горан снял халат, обнял женщину.

– Меня не пустят, я на виду. Нужен человек, не известный ни одной спецслужбе.

– Тогда я знаю такого. – Ванесса засмеялась. – Во время последнего рейда на Землю я встретила там классного воина. К тому же он интраморф. Вот его и надо предложить начальству. Надеюсь, ревновать ты меня не будешь?

Вместо ответа Горан спустил прозрачный пеньюар с плеч Ванессы и бросил ее на кровать…

* * *

Звезда не имела названия в земных каталогах. Она входила в волокно бывшей галактики, разрушенной Катастрофой, и была не видна с Земли ни в один телескоп, потому что расстояние между ней и Солнцем составляло почти полтора миллиарда световых лет. Звезда класса М с температурой поверхности около трех с половиной тысяч градусов имела малиновый оттенок, а диаметр ее не превышал диаметра двух Юпитеров, но все же это была настоящая звезда с небольшой планетной семьей, и наблюдать за ее столкновением со Стенкой Космориума было интересно. Разумеется, процесс этот был виден лишь с помощью особой аппаратуры, принимающей сигналы, движущиеся со сверхсветовой скоростью.

Столкновение началось с нарастания свечения вуали Стенки. Движение такого грандиозного плоского объекта, каким являлась Стенка Космориума, заметить невооруженным глазом невозможно, и судить о ее приближении можно лишь по вторичным эффектам.

Возмущение вакуума, возбужденного приближением светящейся Стенки, породило увеличение амплитуды виртуальных мерцаний вакуума и, как следствие, волну рождения электрон-позитронных пар. Эти частицы, появляясь из ничего, тут же аннигилировали, и пространство окраины звездной системы буквально закипело, заискрилось, превратилось в сверкающий вспышками коктейль. Планеты системы начали распухать, превращаться в пушистые радужные шары, истекать струями пыли, тут же превращавшимися в струи света, взрываться. Затем наступила очередь самой звезды.

Она покрылась алмазной россыпью вспышек, стала увеличиваться в диаметре, пульсировать, трескаться. Спектр ее свечения из бордового и малинового цвета сдвинулся в желтую полосу, потом в зеленую и голубую, и еще до подхода Стенки красный карлик класса М превратился в одну колоссальную вспышку света, в сверхновую звезду. Через несколько мгновений он исчез.

Видеокамеры, наблюдавшие за наездом Стенки на звездную систему окраин Космориума, были установлены в погранпосту на расстоянии пяти световых минут от звезды, что и позволило людям увидеть ее гибель: вуаль Стенки домчалась до погранстанции только через две секунды, и сторожник станции успел передать на Землю картину катаклизма.

Милич выключил аппаратуру кабинета, раздвинул шторы на окнах и подошел к окну, глядя на город с высоты полутора сотен метров. Впрочем, городом столица Центрального Нома была полтысячи лет назад, когда на Гее еще существовали свободные от поселений людей пространства. Теперь же вся планета стала единым городом, и ее поверхность представляла собой сплошной ковер архитектурных сооружений.

Служба ОКО занимала одну из четырех центральных башен-зиккуратов административного комплекса Центрального Нома, располагавшегося на территории Кремля. Три другие

башни занимали СЭКОН, Правительство и Совет старейшин с Законодательной Думой. Владыка жил и работал в старинном Дворце Власти, которому исполнилось уже триста лет. Здание было копией Теремного дворца русских царей в Москве, построенного до Катастрофы, еще в шестнадцатом веке, а воссоздавали его по сохранившимся документам и видеоматериалам двадцать третьего века.

Поскольку плотность атмосферы на Гее падала с высотой быстрее, чем на прежней Земле-сфере, небоскребов на поверхности планеты почти не строили. Максимальная высота жилых пирамид достигала всего шестидесяти метров. Башни же, занимаемые Правительством Геи и доходившие до ста восьмидесяти метров, имели установки микроклимата и поддержки необходимого давления воздуха. Открывать окна на верхних этажах этих зданий не рекомендовалось.

Милич полюбовался на бледновато-зеленое небо с медово-золотистым оком Сола над четкой линией близкого горизонта, перевел взгляд на Соборную площадь Кремля и несколько минут рассматривал храмы Веры с их сияющими золотом и драгоценными камнями куполами без крестов и шпилей, здание Музея истории, построенное в неотибетском стиле еще в те времена, когда люди только расселялись по равнинам Геи, затем вернулся к рабочему столу. Пора было идти на встречу с претором ОКО, а предложений по большинству ждущих решения проблем Горан все еще не имел. Единственное, что он мог предложить Цамцою в качестве отправной точки для создания новых секторов ОКО, так это возродить структуру службы безопасности Земли до Катастрофы. Файл с этой информацией принадлежал к категории особо секретных сведений Правительства, и доступ к нему имели только несколько человек из высшего эшелона власти: архиной – патриарх Православной Церкви Геи, архрист – глава Вселенской Церкви, премьер-министр Правительства и сам Владыка. Но Горан знал коды тайных информхранилищ Кремля и давно овладел истинными знаниями о причинах Катастрофы, а также о последующей истории цивилизации.

Тысячу лет назад служба общественной безопасности тогдашней Империи, владеющей значительной частью Галактики, делилась на десять секторов: стратегических исследований, оперативно-тактический, информационного обеспечения и связи, разведсистем, контрразведки, кризисных ситуаций, следственный, криминального розыска, планирования и эфанализа, пограничных проблем. Главными из них были, безусловно, стратегический и сектор информационного обеспечения, хотя в условиях войны с Фундаментальным Агрессором к ним добавились еще два, понесшие ощутимые потери: контрразведки и криминального розыска. Воссоздать такую структуру в современных условиях в полном объеме вряд ли было возможно новой Империи, сузившей свои владения до размеров небольшой планетки (немногочисленные поселения людей на двух других планетах системы Сола были не в счет), для этого не хватало ни средств, ни технического потенциала, ни человеческого резерва. Да и не просматривалось прямой нужды в такой мощной спецслужбе. С болезнями социума вполне справлялись существующие секторы службы общественного контроля. В принципе, даже получив от Цамцоя задание и проанализировав положение в мире, Горан Милич не увидел особых причин для включения режима тревоги или, по крайней мере, организации Службы контрразведки. Он не понимал главного: что происходит? А без ответа на этот вопрос не слишком убедительными казались и доводы претора ОКО в пользу возрождения секретной системы личной безопасности.

Да, несомненно, на Гее и в областях космоса, которые человек уже не контролировал (просто был наблюдателем), шли какие-то негативные процессы, однако прелюдией новой войны назвать их было трудно. Удерживало Милича от прямых возражений Цамцою только одно обстоятельство: претор ОКО был более опытным интраморфом и мог видеть дальше.

В кабинете внезапно потемнело.

Горан снова подошел к окну, без тревоги и спешки, догадываясь, в чем дело. Начиналось очередное нагуалезатмение Сола. Время от времени звезда, вокруг которой вращалась Гея, скрывалась за торчащим в пространстве невидимым Великим Ничто, как иногда назывались «колючки» нагуалей, и световой поток, падающий на поверхность Геи, резко сокращался. Нагуали, называемые среди специалистов-физиков еще и «абсолютно черными телами», поглощали все виды излучений, в том числе и свет. Правда, в последнее время что-то происходило и с ними: они начали становиться видимыми, то как глубоко черные «кактусы», «ежи» и «мхи», то как перламутровые, зыбкие, буквально жидкие кристаллы. Хотя вполне могло соответствовать реальности и предположение одного из экспертов ОКО, что изменяются не нагуали, а пространство вокруг них.

Небо потемнело, приобрело красноватый оттенок, но звезды на нем так и не появились. Космос за пределами системы зарос нагуалями так плотно, что ни один лучик света от звезд до Геи не доходил.

Дождавшись, когда затмение закончится, Горан закрыл кабинет, вызвал служебный птеран и велел тинтводителю[14] доставить его в западный сектор ОВП-зоны Центрального Нома. Вскоре он подходил к воротам трехуровневого коттеджа, расположенного на берегу реки Инисси в окружении десятка таких же коттеджей, принадлежащих элите Правительства. Комиссара СОБ ждали, и дверь в прозрачно-туманной стене, окружавшей собственно коттедж, открылась сразу же, как только он появился в поле зрения видеокамер.

Горан уже бывал в доме Цамцоя, поэтому не стал отвлекаться на созерцание бассейна с черной водой, красивейшего декора из живых растений вдоль стены, разгуливающих вокруг бассейна пугливых пятнистых кроланей и живого минарета из флорэксов – колонии медоносных бабочек. С недавнего времени стало модно держать в особняках и во дворах эти полуразумные рои, создающие красивые асимметричные беседки, ротонды, башенки-минареты и готические шпили. Бабочками флорэксов называли больше по привычке, на самом деле это были мутировавшие на Гее потомки пчел и ос, которые обзавелись разноцветными крыльями, причем довольно опасные, однако обычай вошел в моду, и теперь колонии флорэксов можно было встретить даже в резиденциях и офисах общественных служб.

Хозяин коттеджа был не один. В комнате для деловых встреч, оборудованной кондиционером и аппаратурой голографического интерьера, сидел, кроме Цамцоя, седой старик в серо-серебристом унике работника хозяйственной службы. Его Милич не знал.

«Садитесь, комиссар, – сказал на пси-языке претор ОКО. – Разговор на звуке будем вести о чем угодно, только не о деле. Важную информацию – только на пси-линге».

Горан посмотрел на гостя Цамцоя, и тот ответил понимающей тонкой усмешкой.

«Знакомьтесь, – продолжал хозяин дома, – это Базил Дивий, волхв Дебрянской общины Земли. С недавних пор он советник Консультативного совета экспертов, а также советник Владыки… Хотя о том, что он землянин, не знает никто».

Горан еще раз внимательно заглянул в глаза старику, отмечая его силу и величавое спокойствие, сел рядом, сказал вслух:

– Рад с вами побеседовать, патриарх. Как ваше здоровье? Все ли благополучно в семье?

Мысленно же он сказал другое: «Слушаю вас, сударь. Или мы ждем Ауримму?»

Цамцой усмехнулся.

«Кажется, вы нисколько не удивлены появлением в моем доме человека с Земли».

«Я уже понял, что наши контакты с Землей не прерывались. Во всяком случае, на уровне спецслужб».

[14] Тинт – техноинтеллект, функционально ориентированная квазиразумная система. В разговорной речи тинты называются также и фоксами – функционально ориентированными квазиразумными системами.

«Контакты были редкими, но все же за Землей мы наблюдали. Что касается комиссара погранслужбы, то он уже дал свои предложения и начал работу. Осталось убедить вас в необходимости возрождения контрразведки. Иначе мы провалим дело».

«Меня уговаривать не надо».

«Надо, – заговорил старый волхв. – Мой друг Цамцой еще молод и не всегда находит убедительные аргументы в споре. Так вот, главным аргументом в пользу создания службы контрразведки Империи, как гордо называет горстку планет Правительство Геи, является не Большой Террор и рост преступлений и даже не сближение Стенок Косморuума, а нечто иное. Ты интраморф, сынок, и должен помнить историю Конструктора. Спасение человечества во времена войны с ФАГом не являлось абсолютной этически выверенной ценностью для Игроков типа Конструктора и не входило в их планы. То, что мы уцелели, – загадка, такая же, как и само возникновение расы хомо сапиенс. За редким исключением – эрмы, интраморфы и метаморфы, файверы – человечество и после Катастрофы осталось технологически ориентированной цивилизацией, а это – эволюционный тупик. Улавливаешь суть?»

«Не совсем, – признался Горан. – Мы же собрались обсудить проблему спецслужб, а не проблему отношения к нам Игроков… которых мы не видели».

«Тогда ответь на такой вопрос. Технологий, преследующих не материальные, а духовные ценности, – религия, храмы Веры не в счет, это лишь попытки реализации начальных условий создания таких технологий, не вышедших из стадии эксперимента, – человечество не создало и уже, очевидно, не создаст, тогда почему ему разрешили уцелеть?»

Горан не ответил, задумавшись.

«На что надеялись Игроки, отгородив Стенками наш заросший «колючками» чужих Законов метагалактический домен от остального космоса?»

Горан молчал.

«И последний вопрос, связанный с первыми двумя: почему Игроки, или кто там стоит за ними, дав нам шанс выжить, снова запустили процесс ликвидации Косморuума?»

Горан поднял голову:

«Возможно, потому, что человек никак не может понять: таким, какой он есть, он Вселенной не нужен».

Цамцой и Дивий переглянулись.

«И ты после этого будешь утверждать, что служба контрразведки не нужна? Не Империи – человеку?»

Комиссар сцепил на колене руки, снова задумался. Наконец нехотя сказал: «Я – интраморф и не верю в будущее человечества… хотя и служу ему по мере сил. Но я и не сторонник любого агрессора или икс-террористов, кто бы они ни были. Я буду работать с вами».

«Тогда перейдем к конкретным делам, – с облегчением сказал претор ОКО. – Ауримма имел разговор с командиром десантгруппы своего сектора Ванессой Дарьяловой, она согласна стать ходоком. Вы не возражаете?»

Милич встретил взгляд Цамцоя и понял, что тот знает о его отношениях с Ванессой.

«Что бы это изменило? – криво улыбнулся комиссар. – Она уже взрослая и давно решает сама за себя. Но все же я дал бы ей напарника… которым вполне смог бы стать я».

«Я уже говорил и еще раз повторю: ваша кандидатура исключается! Вы нужны нам здесь, на Гее, в качестве координатора служб. Мало того, мы приняли решение назначить комиссаром контрразведки вас. Что касается напарника Ванессы, то Дивий предложил в качестве второго ходока своего ученика, воина-кладоискателя».

Горан усилием воли закрыл свою пси-сферу, сделал непроницаемое лицо: «Он согласен?»

«Мы еще не говорили с ним, но он согласится».

«Как его зовут?»

«Его зовут Влад, – ответил старик-волхв, – и он не просто интраморф и даже не метаморф, но зародыш файвера».

«Я согласен», – через силу ответил комиссар.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Похороны погибших состоялись на другой день после налета банды на общину. Погибло восемнадцать человек, в основном мужчины, хотя в траурный список попали и женщины, и старики, и дети. Кроме того, пятнадцать человек были искалечены и две женщины пропали без вести: старая Фатима и совсем юная шестнадцатилетняя Иляна, одна из самых красивых девушек-невест деревни, на которую засматривалась большая часть женихов общины, в том числе и Влад.

Хоронили погибших по старому обычаю на погосте за деревней, в деревянных гробах, выкрашенных в черный цвет. Кадас[15] общины отец Велес прочитал молитву, мужчины под тихий плач женщин опустили гробы в глубокие ямы, забросали землей, над каждой могилой установили тяжелые камни с вытесанными на них именами, и церемония закончилась. Люди начали расходиться по домам, у всех было полно дел и забот.

Влад в похоронах не участвовал, готовился к очередному походу. Общине требовалось оружие для обороны деревни и окрестных хуторов, так как оружие бандитов вместе с их трупами после уничтожения «стаи» забрали люди в маскировочных костюмах, представлявшие собой пограничную службу переселенцев с Земли. Правда, об этом знали только волхвы, староста деревни и Влад, который долгое время находился под впечатлением встречи с женщиной-воительницей, показавшей отличную боевую выучку. О том, зачем прилетали на Землю пограничники с Геи, Влад себе вопросов не задавал, принимая действительность такой, какой она была.

Не лишней для общины была бы и техника – функциональные механизмы, обработчики почвы, транспортные средства. Требовался запас продовольствия, концентраты и консервы, иногда попадавшиеся абсолютно пригодными к употреблению в районах Земли, где когда-то стояли города.

Конечно, за сотни лет со времени Катастрофы кладоискатели обшарили многие районы поверхности горба планеты в поисках уцелевших продуктов могущественной в прошлом цивилизации, однако по-прежнему оставались неизведанными десятки тысяч квадратных километров пустынь, горных стран, не доступных человеку без спецснаряжения и скафандров, окраинных, закованных льдом земель, гигантских разломов, морей и океанов.

Океанов теперь планета-лепешка, планета-линза Земля имела только два: Русский Сверкающий, объединивший бывший Северный Ледовитый, части Атлантического и Тихого океанов, и Австралийский, располагавшийся на месте Индийского и южных частей Тихого и Атлантического океанов. Влад уже бывал на краю Австралийского океана, по большей части замерзшего, а также в Антарктиде, расколовшейся на несколько больших платформ, но так и не сбросившей ледяной панцирь; теперь же ему предстоял поход по островам Арктиды, остаткам древнего материка, поднявшимся со дна океана во время Катастрофы, вылазка в край вечных бродячих туманов, где, по легендам, можно было отыскать не только базы человеческой цивилизации двадцать третьего века, но и следы более древней цивилизации Земли – борейской, канувшей в небытие за десятки тысяч лет до Катастрофы.

В легенды о могучем борейском государстве, существовавшем в Арктиде еще до эпохи оледенения и мамонтов, Влад не верил, тем не менее серьезно собирался искать следы древних царств и к походу готовился тщательно. Предыдущий поиск его не удовлетворил, хотя он и

[15] Держатель Веры.

вернулся домой не с пустыми руками, отыскав на одном из островов Евробританского архипелага остатки энергоцентра, где сохранились «вечные» аккумуляторы и шолдерсы, небольшой мощности вакуумные энергопреобразователи.

Аккумуляторы действительно оказались долговременными. При истощении их надо было разъединить на две части, повернуть на сто восемьдесят градусов и вновь соединить, после чего они снова начинали вырабатывать электрический ток. Шолдерсы тоже вырабатывали энергию, но принцип их работы был иной: они создавали из вакуума электронный сгусток в форме тороида, который и становился источником энергии. КПД одной такой установки достигал четырехсот тысяч процентов. Теперь община имела возможность расширить ареал своего влияния, дать энергию хуторам и обработать ранее недоступные земли.

Закончив сборы, Влад попрощался с отцом и мамой, работавшими в деревне целителями и одновременно учителями в местной палестре, оседлал Секама и направился к дому старосты, возле которого высилась массивная скала в форме оплывшей пирамиды, найденная две сотни лет назад основателем Дебрянской общины Всеградом в каньоне, образовавшемся на месте города Ярославля. Каньон переходил в долину, окруженную скалами, заросшую густым смешанным лесом, и деревню начали строить в ее центре, на берегу реки Десницы, вокруг скалы, внутри которой обнаружили пещеру со скелетами людей. После этого скала долгое время служила крестьянам общины местом поклонения, пока не была построена кааба Православной Веры. Деревня за две сотни лет своего существования пережила не менее сотни набегов кочевников и сектантов, дважды была сожжена, однако скалу кочевники обходили стороной, будто заколдованную. Волхвы знали ее истинное предназначение, но молчали.

С виду это был каменный останец диаметром в пятнадцать и высотой около сорока метров – эдакая естественная крепость в форме острого зуба с каверной внутри, будто специально созданной для того, чтобы там можно было хранить что-либо ценное. При нужде в скале могло укрыться все женское население общины вместе с детьми, а ее стены, как уже было проверено, выдерживали любой удар, даже выстрел из гранатомета; кладоискатели общины еще до Влада обнаружили склад этого вида огнестрельного оружия, доставшегося в наследство крестьянам со времен, предшествующих появлению Конструктора. Теперь помещение внутри скалы использовалось старостой в качестве общинной управы.

Броневая плита толщиной в двадцать сантиметров, приспособленная умельцами общины под дверь, отошла в сторону, Влада пропустили в овальной формы коридорчик, где располагались охранники управы. Он поздоровался с воинами, вооруженными арбалетами, ружьями и гранатометами, ответил на их угрюмо-завистливые взгляды коротким поклоном и стал ждать старосту. Охранники управы в последней схватке с кочевниками не участвовали – проспали и чувствовали себя неуютно. Влад их понимал.

Пещера в скале имела вид проплавленной жидкой магмой полусферы с плавными переходами-наплывами стен красновато-бурого цвета и «готическим» сводом. Каждый раз при взгляде на нее у Влада появлялось ощущение, что он находится внутри искусственного сооружения, потерявшего форму из-за высокой температуры, оплавившей корпус и внутренние помещения, однако, даже переходя на суперсенсинг и эндопатию[16], Влад не смог разглядеть в скале какой-либо организации или симметрии, подтверждающих его ощущения, и прощупывать ее пси-полем перестал. Но сомнения в душе остались. Расспросить же учителя о причинах своих странных ощущений он стеснялся.

Чтобы не томиться одному в пустой управе, Влад вышел на площадь, где его ждал гепардоконь, верный спутник и защитник кладоискателя в прежних походах. Без него ни один поход,

[16] Суперсенсинг – сверхчувствительность к запахам, звукам, к изменению температуры, влажности, давления, солнечной радиации, магнитного поля и т. д. Эндопатия – прием мыслей и образов от людей и животных, а также информационных передач от неживых предметов.

наверное, не закончился бы благополучно, и Влад давно относился к Секаму как к другу. Секам и на сей раз был нагружен довольно тяжелой поклажей, в которую входил запас пищи и воды, оружие, одежда, ценные вещи и деньги для покупки транспортных услуг. До тех мест, которые хотел посетить кладоискатель, добираться предстояло разными видами транспорта, а аренда летающей техники стоила дорого.

Из-за каабы Веры вышел староста в сопровождении старейшин общины и хозяйственного управителя.

– Идите, – махнул он рукой своим спутникам и, заметив Влада, подошел к нему. – Быстро ты собрался, воин. Объяснять тебе задачу не буду, ты и так ее знаешь, но будь осторожен. – Он внимательно оглядел деловито-сосредоточенное лицо Влада блеклыми слезящимися глазами. – Тебя ожидает трудный путь. Наступают тяжелые времена, мы уже не в состоянии торговать с другими общинами зерном и хлебом, самим хватает впритык. Конечно, слов нет, запасы продовольствия и техника нам очень пригодятся, но основное твое задание – поиск библиотек, чертежей, описаний технологий, то есть информации, дающей возможность начать производство необходимых вещей. Это главное, ты понимаешь?

Влад кивнул.

– И еще нам нужно… – староста понизил голос, – оружие. Скоро межобщинному гарнизону станет не до нас, придется защищаться от кочевников самим.

– Мы и так охраняем деревню сами, – сказал Влад.

Староста понял молодого воина, усмехнулся в густые усы:

– Ты хорошо себя проявил, честь тебе и хвала, но вмешиваться в драку ты не имел права. На тебе лежит гораздо большая ответственность, нежели защита деревни. Я знаю тебя давно и мог бы не предупреждать, но все же скажу: не геройствуй! Иначе подведешь общину. Возможно, возвращается время героев, спасающих отечество, однако прежде всего надо помнить свои обязанности. Кстати, то же самое тебе сказал бы твой учитель.

Влад отвел взгляд.

Староста Терентий не был паранормом, но обладал хорошей интуицией, и его прогнозы, как правило, сбывались.

– Я геройствовать не стремлюсь, – пробормотал Влад.

– Во-первых, никогда не спеши с ответом, во-вторых, плох тот воин, который не стремится стать героем. В твоем возрасте это вполне нормально, и стесняться этого не стоит. Но при этом ты всегда должен помнить, что за твоей спиной те, кого ты любишь и защищаешь, и твое будущее – это их будущее. А если ты не сможешь позаботиться о своем будущем, то и они потеряют на него право.

– Я не понимаю…

– Поймешь позже. И вот еще что… только не говори об этом никому ни слова! Существует так называемый мгновенный вид транспорта…

– Метро?

– Мало кто помнит о нем… так вот, постарайся найти хотя бы одну кабину.

– На что она похожа?

Староста помялся, оглядываясь, потом кивнул на управу:

– Примерно так же. Эта скала когда-то была кабиной метро. Иди, и да пребудет с тобой свет! Я буду поддерживать с тобой связь. Старик Дивий по секрету сообщил мне, что ты интраморф. – Староста прищурился. – Так вот, если понадобится совет или помощь, выйди в поле Сил, я тебя услышу.

– Но как же… ты… тоже интраморф?!

– Нет, у меня есть торс[17]-рация. Я думаю, теперь и для тебя не секрет, что к нам изредка наведываются геяне, переселенцы с Земли. В отличие от нас, они сохранили технологию мыслесвязи, а я кое с кем из них знаком. Поэтому у меня есть один экземпляр. Если бы я был метаморфом, я бы обошелся без него, но, увы, не повезло… В нашей общине вообще маловато интраморфов, это плохо. Будущее за ними. Кстати, ты можешь опереться на общинный эгрегор, в случае крайней необходимости он вполне способен подпитать тебя, дать Силу. И вот еще что. – Терентий достал из-за пазухи перевязанный красной тесемкой сверток. – Это карта Борейского архипелага, составлена одним кладоискателем еще сто лет назад. Попробуй воспользоваться ею, только не потеряй. Потом вернешь.

Влад сунул свернутую в трубочку карту в карман, помедлил, не решаясь задать вопрос. Староста внимательно посмотрел на него.

– Что тебя беспокоит?

– Терентий, почему я… мы… не знаем о контактах геян с нами? Почему вы… старшие… не говорите об этом? Разве связь с переселенцами нуждается в сокрытии?

– Во-первых, такие контакты очень редки, воин. За сотни лет было всего несколько посещений Земли геянами, не больше десятка.

– Нас спасли именно геяне… геянка…

– Видимо, там узнали, что одна из линий метро, соединяющая Гею с Землей, сохранилась. Поэтому я и хочу, чтобы у нас была своя кабина. Контакты с геянами очень опасны для нас… за редким исключением. Вчера нам помогли отбиться от кочевников, но возможен был и другой вариант. Ты этого не знаешь, потому что почти все время проводишь в походах, но есть факты, когда пришельцы уничтожали хутора и крали наших женщин.

Влад недоверчиво посмотрел на старосту:

– Зачем им это? Они же… не кочевники, цивилизованные люди… у них техника…

– Никто не знает, зачем геянам красть наших женщин, убивать мужчин. Возможно, это и не геяне вовсе. Поэтому берегись, будь осторожен, не доверяй всем подряд.

Староста отступил.

– На хоздворе возьмешь флайт, он доставит тебя на побережье. Дальше пойдешь один. Флайт оставишь старосте Мурманской общины, он найдет способ вернуть его нам.

Влад кивнул, сел на Секама и погнал гепарда по улице к северному району деревни, где располагался хозяйственный двор с техникой, принадлежащей общине. Он чувствовал, что староста и советники общины смотрят ему вслед, но не оглянулся.

Издали флайт – удлиненный овал с каплей кабины сверху и небольшими треугольными крыльями – казался новым, только что сошедшим со стапелей аппаратом, вблизи же он поражал обилием вмятин, царапин и дыр, усеявших его от носа до кормы. Летательной машине исполнилось уже как минимум десять веков, но она все еще продолжала служить людям, как живой памятник технического гения цивилизации.

На хоздворе не было ни единой души. После похорон все разошлись по домам, чтобы помянуть погибших сельчан. Обычно траур длился недолго, до похорон, у крестьян всегда было полно работы, но в этот раз погибло слишком много людей, и выжившим надо было осмыслить происшедшее, почтить память друзей и близких.

– Залезай, зверь, – сказал Влад, открывая в корпусе аппарата трап и поднимая колпак кабины.

Секам мяукнул, осторожно залезая в тесноватую для него кабину. Влад сел на место водителя, закрыл колпак и строго сказал:

– Лети!

---

[17] Торс – связь через спинторсионное поле, одной из «гармоник» которого является пси-связь.

Флайт не шелохнулся. Мыслесвязь с автопилотом давно не работала, умельцы общины не смогли ее восстановить, зато соорудили ручное управление, и теперь древний летательный аппарат имел нечто вроде штурвала и рукояти взлета-посадки. Управлять им мог далеко не каждый человек.

Деревня провалилась вниз, превратилась в игрушечный городок на зелено-серой плоскости долины, окруженный могучими лесами и горными склонами. Влад сделал над ней круг, пролетел над вершиной Единорога, на которой стояла кучка волосатых, одетых в шкуры гоминоидов-охотников, и повернул на юг – во время катастрофы геомагнитные полюса Земли поменялись местами, – к побережью Русского Сверкающего океана. Ему предстояло преодолеть около четырехсот километров по прямой, чтобы достичь Мурманской общины, а о том, что он будет делать потом, Влад не задумывался. Он был молод и верил, что выход можно найти всегда и из любого положения.

* * *

До Мурманской общины, главная деревня которой располагалась на берегу Белого залива, Влад долетел за два часа. Он уже не раз бывал здесь, направляясь в поисках кладов в глубь побережья, и волнения не испытывал. Многих крестьян здешней общины он знал в лицо, среди воинов и защитников деревни у него были приятели, а с кладоискателем Фомой он даже ходил в поход.

Сделав над деревней круг, Влад посадил флайт у крепостной стены, недалеко от ворот, и мысленно скомандовал гепарду вылезать. Огромная пятнистая копытная кошка гибко вымахнула на землю, потянулась, принюхиваясь и не обращая никакого внимания на двух недружелюбно настроенных охранников ворот. Один из них, бородатый мужчина в сером армяке с гранатометом через плечо – его звали Курдюмом, Влад его знал, – неодобрительно посмотрел на Секама, покачал головой:

– Плохое ты выбрал время для похода, парень.

– Почему? – насторожился Влад.

– Напали на нас. Староста ранен, еле дышит, кадас убит, управделами тоже.

– А Фома?

– Он в поиске, еще не вернулся. Погибло двадцать человек, двое куда-то запропастились… В общем, горе у нас, вряд ли мы тебе сможем чем-нибудь помочь.

– Мне нужен только транспорт, на этой колымаге я далеко не улечу.

– Хоздвор сгорел, у нас самих теперь остался только один почтовик. Зайди к властнику, поговори, может, подскажет что.

Охранники открыли ворота, и Влад вошел в деревню.

Архитектура Мурманских деревень ничем не отличалась от архитектуры Дебрянской общины. В центре деревни располагалась соборная площадь с каабой Веры, от нее отходили радиальные улицы, как спицы колеса, пересекаясь с кольцевыми улицами, которых насчитывалось обычно от трех до семи.

Влад вышел на соборную площадь деревни и остановился, глядя на ряды прикрытых черными накидками тел. Суетившиеся на площади мужчины, готовившие похороны, не обратили на гостя никакого внимания. Черная туча боли и горя витала над деревней, заставляя испытывать неуютное чувство собственной вины и ненужности.

Влад кивнул охраннику управы, расположенной не в скале, а в каменной крепостце в форме пирамиды, двинулся к ближайшей улице, ведущей к строениям общинного хозуправления. Если бы не это отличие, можно было бы подумать, что кладоискатель никуда не улетал, оставаясь в своей деревне.

Впрочем, существовало еще одно отличие между деревнями, не относящееся к их архитектуре, – положение Солнца. Здесь оно висело гораздо выше, почти в зените, нежели в районе Дебрянской общины.

Однако мурманчане действительно ничем не могли помочь кладоискателю. Хоздвор представлял собой руины пожарища, от сараев и транспортного блокгауза остались лишь обгоревшие бревна, а три аппарата общины превратились в полурастаявшие пластмассовые сосульки. Когда-то они представляли собой квазиживые организмы, но, пролежав десять веков в пещерах, под водой или в контейнерах с герметической защитой, где их находили искатели, потеряли свойства конформности и энергетической защиты. Теперь это были неживые машины, не имеющие компьютерных систем управления, подверженные механическому разрушению.

Через час Влад выехал из деревни на гепарде, не получив ничего из того, на что рассчитывал. Налетчики, напавшие на Мурманскую общину, уничтожили весь ее транспорт, в том числе и птераны, один из которых Влад надеялся арендовать для похода.

* * *

Вид с Белого плато на бесконечную, сморщенную волнами, бликующую под лучами Солнца шкуру океана был великолепен.

Океан не зря получил название Русского Сверкающего. Во времена Катастрофы он был еще Северным Ледовитым, а когда Земля смялась от удара о стену нагуалей и превратилась в линзу, разбитые льды Арктики усеяли водную поверхность мириадами сверкающих под лучами Солнца осколков, льдин и айсбергов. С тех пор он стал Сверкающим. Название «Русский» он получил спустя несколько сот лет, после того как одно из русских племен вышло на его берега, основало Мурманскую общину и объявило океан своим владением.

С высоты Белого плато он казался бескрайним, таков был эффект горизонта на линзовидной Земле, но Влад знал, что ближе к краю планетарной лепешки океан постепенно замерзает и превращается в скопление снежно-ледяных торосов столь причудливой формы, что этот ледяной пояс, охватывающий линзу Земли по всему краю, назвали Поясом Снежной Королевы.

Однако существовал еще один пояс, охватывающий Землю по периметру, – Серебристый, край плотных туманов, пронизанных сотнями крохотных радуг, переходящий в Пояс Снежной Королевы. Путешествовать по этому краю было весьма опасно. Во-первых, потому что ориентация в тумане была делом практически безнадежным, во-вторых, здесь начиналась зона плавания айсбергов, в-третьих, часто встречались «ямы» с аномальной водой, обладающей свойством сверхтекучести. Корабль, попадавший в такую «яму», совершенно не отличимую с виду от обычной водной поверхности, мгновенно тонул. Существовало еще и «в-четвертых»: ближе к Поясу Снежной Королевы увеличивалась плотность нагуалей. Это лишь в последние несколько лет они стали видимыми, так что не составляло большого труда обогнуть гигантские черные или перламутрово-водянистые зазубренные колючки и шипы, а раньше люди то и дело натыкались на невидимое глазу Ничто, калечась и погибая, когда на всем ходу корабля в тело вонзалась острая невидимая игла.

Влад покосился на висящую в воздухе заросль нагуалей, похожую на сросток ежей, и перевел взгляд на север. Там начинался горб Земли, по сути – колоссальная горная страна с огромными каньонами, пустынными плато, разломами коры и дымящимися до сих пор кальдерами, через которые когда-то от удара Земли о нагуаль выплеснулись миллиарды кубических метров расплавленной магмы, образуя своеобразные «лунные» моря и кратеры. С высоты местной возвышенности были отчетливо видны золотые и белые поля календулы и ромашки, а также подъем на горб Земли и выступавшие над слоем атмосферы высокие горные пики на горизонте. Это был мир Влада, он здесь родился и давно привык к нему, считая существующее

положение вещей вполне естественным и нормальным. Однако будучи интраморфом, обладая мнемотаксической[18] памятью предков, он помнил и те времена, когда Земля была круглой, планетарным объектом, вращающимся вокруг Солнца, хотя воспоминания эти и казались ему удивительной легендой, не соответствующей действительности.

Дышать на макушке плато было труднее, чем внизу, в долине, где располагалась Мурманская община, но Влад не обращал на это внимания, он вообще мог часами обходиться без воздуха, используя кислород крови и тканей «по второму разу», хотя это и вредило здоровью. Но такова была особенность нынешней жизни цивилизации: она переселилась с возвышенностей в долины, ущелья и пещерные страны, где плотность воздуха была выше и позволяла жить активно и не задыхаться при этом. Деревни и поселения общин строились преимущественно в экологически замкнутых и чистых нишах: в долинах рек, в кратерах потухших вулканов с озерами в центре, в провалах земной коры, где благодаря траве, мхам и микроорганизмам появлялся слой почвы. А там, где образовывалась почва, появлялась и жизнь. Иногда – своеобразная жизнь, если нишу облюбовывали растения-мутанты. Еще более необычными были найденные кладоискателями в разных районах Земли ложбины, где селились животные-мутанты и гоминоиды – вставшие на задние лапы кошки, лемуры и другие представители млекопитающих.

Влад рассеянно шевельнул сенсинг-сферой, определяя положение живых организмов в радиусе двух десятков километров. Мурманская община осталась справа от него, сзади, к северу, начинались скалы, где пыталось выжить племя полуобезьян, но туда молодому кладоискателю идти было не надо. Ему предстояло попасть в поселение гоминоидов, живущих на берегу залива Нерпичья губа, в теплой кальдере с выходом горячих минеральных вод. Влад помнил рассказы мурманского искателя Фомы, утверждавшего, что их соседи – люди-тюлени – якобы имеют летательные аппараты. Если Фома говорил правду, у Влада еще был шанс начать экспедицию согласно разработанному плану, если нет, план похода надо было менять. Кроме Мурманской общины, на берегу океана существовали еще поселения, имеющие транспортные средства, в крайнем случае начинать поход можно было и оттуда. Хотя примут они непрошеного гостя или нет, Влад не знал. Ни в Норвежской общине, ни в Чукотской он еще не бывал.

– Двигай, зверь, – вслух сказал кладоискатель.

Секам оглянулся на него через плечо, как бы спрашивая, правильно ли понял? Влад почесал ему за ухом, и застоявшийся гепардоконь рванул с места, сразу переходя на свой специфичный пружинно-скачковый стелющийся бег. Мимо поплыли скалы, россыпи камней, редкие пузырчатые хвощи, похожие на бритые кактусы, единственные из растений, поселившиеся в горах, если не считать неприхотливых мхов и лишайников. В лицо ударил теплый ветерок, насыщенный горьковатыми запахами пыли, йодистых испарений, соли и минералов. К ним вскоре присоединился запах тревоги, и Влад привычно приготовился к бою. Кладоискатели – опасная профессия. На них охотятся все, кто считает воина-одиночку легкой добычей, как до похода, чтобы завладеть ценными вещами и запасом денег, так и после похода, чтобы выведать координаты найденного клада. Именно поэтому искателями становились в основном эрмы, мастера воинских искусств. Но и мастерство не всегда спасало их от нападений и гибели от рук бандитов или специально охотившихся за ними киллеров на службе общин. Некоторые старосты не прочь были попользоваться дармовыми находками, не требующими большого расхода средств, и создавали специальные команды для перехвата кладоискателей. Владу еще не приходилось с ними встречаться, да и верить в такое узаконенное официально пиратство не хотелось, но учитель не зря предупреждал его перед каждым походом, он знал, что происходит в мире, и молодой воин был готов к неожиданностям.

[18] Мнемотаксис – явление абсолютной памяти, способность к детальному описанию происшедших с предками событий.

Запах тревоги усиливался по мере того, как он приближался к стойбищу людей-тюленей. Издалека послышался тихий гром, сопровождаемый сотрясением почвы. Затем в небе появилась световая полоса, закончившаяся огненным всплеском и ударом, еще одна и еще. На Землю наткнулся очередной поток метеоритов, осколков разбитых планет, странствующих по Солнечной системе во всех направлениях. В последние годы их становилось все меньше и меньше, основные метеоритные «дожди» выпали в первые столетия после Катастрофы, однако и сейчас случалось, что огромные ледяные, каменные и металлические глыбы натыкались на линзу Земли и несли разрушения и гибель людям.

Но не метеоритный поток вызвал тревогу у Влада. Что-то случилось у гоминоидов, он почувствовал их боль, смятение и страх и в конце концов понял, что на стойбище людей-тюленей напала банда. Было слышно, как бандиты веселятся, преследуя и убивая мечущихся по селению существ. Влад отчетливо видел багрово-фиолетовые вспышки злобной радости и свирепого удовольствия убийц.

Волна гнева ударила в голову, кладоискатель сжал коленями бока Секама, заставляя гепарда бежать быстрее, но прошло больше часа, прежде чем он достиг перевала, с которого можно было спуститься вниз, к заливу, где располагалось стойбище людей-тюленей.

Бой уже закончился, сопротивление защитников селения было сломлено, и победители – такие же кочевники, что недавно напали на Дебрянскую общину, пировали. Вполне возможно, именно эта банда ограбила и Мурманскую общину.

Несколько мгновений Влад анализировал обстановку всеми своими органами чувств, прикидывая, с какой стороны лучше нанести удар, и пустил гепарда вниз, дав ему волю. Огромный зверь хорошо чувствовал горный склон и выбирал верную дорогу без подсказки. Через несколько минут они были сотней метров ниже, у крутой стены стойбища, сложенной из огромных камней, которая, однако, не послужила кочевникам препятствием. Гоминоиды, ведущие свой род от морских львов, строили эту стену, защищаясь от таких же, как они, неуклюжих существ с короткими ногами и руками, еще сохранившими рудименты ласт. Обороняться от людей, гораздо более ловких и быстрых, они не рассчитывали. По их стене мог бы вскарабкаться наверх даже ребенок.

Секам ворвался в деревню людей-тюленей через разбитые деревянные ворота, сбил попавшегося на пути бандита, ошалело несшегося навстречу. Влад выпрыгнул из седла, уже находясь в состоянии боевого резонанса, и внезапно понял, что опоздал.

В деревне уже хозяйничали другие люди. Они напали на кочевников в тот момент, когда Влад спускался с перевала к заливу, и в течение нескольких минут уничтожили почти всю банду. В просветах между домами людей-тюленей, похожими на конические юрты древних эскимосов, было видно, как текучие, плохо различимые даже опытному глазу фигуры в маскировочных костюмах настигают последних кочевников стаи, никого не оставляя в живых.

Влад остановился, оглядываясь по сторонам, считая трупы бывших владельцев стойбища. Люди-тюлени носили короткие фартуки, а короткие трехпалые руки и ноги с широкими плоскими ногтями обматывали полосками материи. Тела их были сплошь покрыты короткой блестящей шерстью, отсутствующей лишь на ладонях и на узких, вытянутых вперед лицах. Но все же это были уже не звериные морды, а лица, и в глазах у людей-тюленей тлел разум.

Катастрофа нечаянно запустила процесс мутагенеза у этих представителей морских млекопитающих, и процесс мышления возник уже как следствие.

Из-за ближайшей юрты выбежал «призрак» в маскировочном комбинезоне, турель его энергоизлучателя на плече повернулась, выцеливая Влада. В ту же секунду Секам прыгнул, сбивая копытом турель, корпусом отбрасывая человека в сторону. Шлем соскочил с его головы, турель с оружием отлетела в другую сторону, и голографическая аппаратура костюма перестала работать, открывая пятнистый зеленовато-бурый комбинезон. Человек тут же вскочил с искаженным от ярости лицом, выхватил с пояса комбинезона еще один пистолет, и Влад узнал его:

это был Корев, член отряда геянских пограничников, которым руководила красивая женщина по имени Ванесса и который опоздал перехватить банду, напавшую на Дебрянскую общину.

Неизвестно, что бы он сделал в следующий миг, но раздавшийся сзади женский голос остановил гиганта:

– Корев! В чем дело?

Из-за соседней юрты вышла женщина в комбинезоне и в шлеме с поднятым забралом. На Влада взглянули знакомые серые удлиненные глаза. Ванесса оказалась легка на помине.

– Каким ветром занесло тебя в эти края, воин? Складывается впечатление, что ты появляешься там, где ожидается нападение кочевников. Может быть, ты их разведчик?

– Хорошая мысль, – процедил сквозь зубы смуглолицый Корев, оживляясь. – Может, заберем его с собой и допросим?

Влад хладнокровно посмотрел на плечистого атлета, оценивая его внутренние возможности, – Корев не был метаморфом, а остальное (сила, тренинг, природные данные) не имело значения, – перевел взгляд на женщину, и та усмехнулась, вдруг выдав сложный пси-слоган: гора-падающие глыбы льда-крылья-кулак-ощущение удара-вкус мяты-прохладное прикосновение пальцев ко лбу-быстрый понимающий взгляд из-под ресниц-журчание воды в ручье. Означать этот слоган мог и много, и совсем ничего, но Влад растерялся и не сразу нашелся что ответить, уж слишком неожиданным было открытие в незнакомке интраморфа. Во время первого их знакомства он так этого и не понял. Когда же он наконец отважился ответить Ванессе, женщина уже шла прочь, бросив на ходу своему подчиненному:

– Собирай оружие, надо выяснить, откуда у кочевников «универсалы».

– Значит, они нашли где-то уцелевший контейнер с «универсалами».

– Вот и займись этой проблемой.

Гигант Корев кинул на Влада многообещающий взгляд, подобрал сбитую с плеча турель с «универсалом» и догнал начальницу, не привыкшую, судя по всему, повторять приказы.

Отряд геянских пограничников быстро собрал в одно место убитых бандитов и через минуту покинул разгромленное стойбище людей-тюленей на летательных аппаратах, которых Влад прежде не видел. Ванесса еще раньше улетела отсюда на своем белоснежном птеране, послав Владу короткий слоган: замерзший океан-черная полынья звездообразной формы-падение в бездну космоса-запах озона-палец на губах-ощущение тревоги. Влад понял, что его предупредили об опасности.

Из юрт начали робко вылезать уцелевшие люди-тюлени, поглядывая то на трупы кочевников, то на своих убитых сородичей, то на задумавшегося кладоискателя. Влад попытался найти среди них старшего, прислушиваясь к мысленному шепоту мужчин племени, наткнулся на чей-то отчетливый, почти человеческий ментальный вопрос и ответил. Через несколько мгновений стало ясно, что это «заговорил» шаман племени, умевший выражать свои желания в пси-диапазоне. На вопрос Влада, можно ли купить у деревни летательный аппарат, старик-шаман с лысиной на заостренной голове и седой шкурой ответил красноречивой пси-картинкой: человек-тюлень поворачивается к собеседнику спиной, что, очевидно, переводилось одним словом: бери.

На краю стойбища Влад нашел длинный сарай из досок с выломанной дверью, заглянул внутрь и обнаружил самый настоящий склад разнообразной техники. Здесь хранились снегоходы, детские карусельные вагончики (где они их отыскали?!), велосипеды, аэры, ржавые корпуса каких-то спецмашин, похожих на торпеды и древние ракеты, гусеничная машина (а это чудо как сохранилось?) с башней и пушкой, несколько платформ и остатки каких-то колесных и крыльчатых монстров. Но главное, здесь были и современные аппараты (если технику десятивековой давности можно было назвать «современной»): один куттер с разбитым вдребезги блистером, аэр и два вполне целых с виду птерана. Один из них, десятиместный, как оказалось, имел генератор-шолдерс и мог летать.

Влад устроил в кабине аппарата своего «коня», уселся на сиденье водителя и включил двигатель. Потом подумал, отсчитал два десятка золотых гривен – плату за аренду птерана, положил деньги на видное место, добавил красивую матрешку, изделие женщин Дебрянской общины, и лишь после этого вывел птеран из сарая. Вскоре он парил над океаном.

СЛЕД ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

Карта была старая, потертая на сгибах, но тот, кто ее составлял, свое дело знал отменно. Уже через час после старта из стойбища гоминоидов Влад убедился, что карта верна и ориентироваться по ней можно.

Острова Борейского архипелага раскинулись на территории около десяти тысяч квадратных километров, хотя основное их скопление начиналось в четырехстах километрах от побережья океана, вблизи Серебристого пояса вечных туманов, предшествующего Поясу Снежной Королевы, окраине земной линзы. Самый большой остров архипелага напоминал по форме ножницы, и на нем стоял на карте крестик. Точно такими же крестиками были помечены еще с десяток островов, и Влад решил, что неведомый ему составитель карты уже исследовал эти острова и ничего не нашел. Начинать поиск следовало с других островов.

Влад поднял птеран повыше, разглядывая искрящуюся гладь океана с панорамой архипелага. Небо над головой потемнело, приобрело сиреневый оттенок, Солнце засияло ярче, хотя даже невооруженным глазом была видна черная паутинка нагуаля, вцепившаяся в краешек светила.

Дышать на высоте трех с половиной километров было уже трудно, поэтому Влад закрыл колпак кабины. Для того, что он собирался сделать, прозрачный во всех отношениях материал кабины не мешал.

Мысли о странной деятельности пограничников с Геи, появлявшихся там, где появлялся кладоискатель – в Дебрянской долине и здесь, на побережье океана, – занимавшие Влада все это время, отступили на задний план. Он знал, что случайностей такого рода не бывает, но и закономерности вывести с помощью дедукции не мог, поэтому решил предоставить событиям развиваться естественным путем. О том, что женщина-интраморф по имени Ванесса с удивительными серыми глазами произвела на него сильное впечатление, Влад старался не думать вообще. Интуиция подсказывала, что они еще встретятся.

Тишина завладела сознанием молодого воина, глубокая безмятежная тишина бездны Мироздания, и он вдруг ощутил такое отчаянное одиночество, что захолонуло сердце! Но уже в следующее мгновение в сознание вторгся чей-то мысленный вызов, и ощущение одиночества прошло. Остался только его затухающий след.

«Где ты, воин?»

Пси-голос сопровождался вибрирующими обертонами и «шумом толпы», указывающими на аппаратное усиление сигнала. Влад понял, что это вызов старосты, включившего свою торс-рацию.

«Я над океаном, выхожу на острова».

«У тебя все в порядке? Со мной связывался старик Дивий, интересовался, где ты и чем занимаешься».

«Все нормально. – Влад не стал рассказывать старосте о нападении банды на Мурманскую общину и на стойбище гоминоидов. – Зачем я был нужен учителю?»

«Он не сказал. Сетовал, что в момент нападения на деревню его на Земле не было, иначе он предупредил бы и помог отбить стаю. Он теперь советник Владыки на Гее, большая шишка. Я хвалил ему тебя».

Влад едва не ответил: «Что это еще за глупость?» – но сдержал мысль.

«Я снова встретил здесь пограничников с Геи».

«Они за тобой следят?»

«По-моему, нет. Встреча произошла случайно. Они что-то ищут».

«Что-то они зачастили на Землю-матушку. Я поговорю с Дивием, может, он знает, в чем дело, что именно геяне ищут на Земле. До связи, искатель. Найдешь полезную вещь – посигналь».

Голос старосты сменился тихим ворчаньем несущей пси-волны, утонул в шумах эфира. Снова тишина завладела сознанием Влада, но холодной и враждебной она уже не казалась, несмотря на то что интраморфов на Земле было очень мало. Лично он знал лишь двоих: учителя-волхва и деда Ларьяна по материнской линии, тоже волхва, владеющего Силой. И все же интраморфы были скорее исключением из правил, нежели правилом, маленький отряд уцелевшего человечества практически перестал рождать людей с паранормальными способностями, а куда ушли до Катастрофы десятки тысяч паранормов, никто не знал. На Землю они так и не вернулись, а на Гее не появились, если судить по отряду пограничников: интраморфов среди них было только двое – гигант Дан Корев да начальница отряда.

Влад очнулся, сосредоточился на вхождении в поле Сил, и еще один океан распахнулся перед ним и внутри его – океан закодированной космосом информации, доступ к которой был открыт только избранным, тем, кто хотел знать и знал, что именно он хочет знать. Возможно, Влад никогда не стал бы кладоискателем, если бы не владел Силой и не умел выходить в энергоинформационное поле космоса, называемое современниками полем Сил.

Через несколько минут он продрался своей сенсинг-сферой сквозь «заморочки» первого этажа поля Сил и разглядел «свечение» искусственных объектов в глубинах некоторых островов архипелага. Теперь можно было начинать детальный поиск, не боясь потратить время впустую. Но прежде всего кладоискатель стремительно выскочил из режима гипервидения, отнимавшего очень много психической энергии, и полчаса приводил себя в порядок, дыша, как ныряльщик, вынырнувший из воды без воздуха в легких, пил травяной девясиловый настой, гонял по сосудам мозга кровь, успокаивал нервы, гладил с интересом поглядывающего на него гепарда и снова пил настой. Затем сориентировался в пространстве и направил птеран дальше на юг, к поясу туманов. Остров, «светящийся» в поле Сил наиболее ярко, находился в той стороне.

Под крылом аппарата поплыли скалистые, изборожденные трещинами и длинными валами камней острова, бывшие некогда дном Северного Ледовитого океана, а до этого – Борейским материком. Цвет скал, серый, голубовато-бурый, сизоватый, указывал на пленку солевого налета на их боках, но встречались участки другого цвета, красновато-коричневого, с желтыми и черными прожилками, там, где горные породы потрескались, разошлись разломами, обнажая древние магматические слои. Зеленый цвет в палитре архипелага почти отсутствовал, трава, мхи, а тем более древесные представители земной флоры селились на островах неохотно. При почти полном отсутствии воздушных потоков миграция семян и спор с материка в эту часть планеты-линзы шла плохо. Лишь птицы да редкие путешественники могли занести их сюда. Жизнь не спешила осваивать пространства окраины Земли, ей хватало места и на континенте.

Естественно, во времена Катастрофы, когда планета сминалась, расплющивалась о нагуаль, материки раскалывались и разрушались, магма выплескивалась из недр планеты на поверхность образовавшейся лепешки сквозь гигантские трещины, колоссальные волны-цунами катились по континентам, сметая все на своем пути, взрываясь при соприкосновении с магмой, казалось, ничто не может уцелеть на Земле, ни одно техническое сооружение, ни один город, ни одно здание. Обезображенное язвами кальдер, каньонов, взрывных воронок, дымящихся вулканов и гейзеров, лицо Земли после Катастрофы представлялось из космоса ужасным и мертвым. Однако жизнь на ней все-таки сохранилась!

Уцелели кое-какие мелкие селения, отдельные строения, энергоцентры и технические сооружения и даже архитектурные памятники, как, например, Храм Белобога на Урал-равнине. Выжила часть людей, объединившись в стаи и племена. Вернулись на родную планету космены, обслуживающие технические сооружения землян в Солнечной системе, начали процесс более крупного объединения, который привел к образованию общин. Но острова Борейского архипелага, как, впрочем, и других архипелагов, рассыпанных по необозримым просторам океанов Земли, оставались безжизненными и нетронутыми цивилизацией. Интересовали они только птиц да искателей приключений, не терявших надежду что-либо найти в изломах скал и глубинах пещер. Сверху же они казались абсолютно мертвыми, наподобие летающих по Солнечной системе астероидов.

Сравнение показалось Владу идеальным, хотя астероиды он видел лишь в учебных видеофильмах да в слоганах учителя: Дивий как-то устроил ему «пси-экскурсию» по планетам системы. Больше всего молодого воина поразил Марс, «роддом» Конструктора, так же, как и Земля, застрявший в зарослях нагуалей, но пострадавший меньше. С тех пор молодой кладоискатель мечтал побывать на других планетах и посмотреть на звезды не сквозь атмосферу, а с борта какого-нибудь космического корабля.

Какой-то неясный пси-звук коснулся вдруг внутреннего слуха, заставив Влада насторожиться и прислушаться к ментальному полю местного уголка природы. Внизу, на одном из островов, обозначилась слабенькая концентрация пси-поля, и принадлежала она человеку.

«Кто ты?» – позвал Влад, но ответа не услышал, человек не был интраморфом, зато по неровной пульсации излучений его мозга стало ясно, что он болен или борется за жизнь. Не раздумывая, кладоискатель прицелился поточнее, определил направление по тоненькому лучику «пси-дыхания» незнакомца и увеличил скорость птерана. Секам, отличавшийся спокойным поведением, заволновался, чувствуя обеспокоенность хозяина, ткнулся носом в затылок пилоту. Влад молча погрозил ему пальцем.

Показался остров, почти целиком накрытый шапкой белоснежного тумана. Жалобно-обреченный пси-зов слегка усилился. Источник мысленного потока, в котором преобладали нотки безнадежности и тоски, находился на этом острове.

Влад снизился, но останавливаться и осматриваться не стал, идя на источник пси-сигнала как по пеленгу. Птеран окунулся в туман, видимость стала постепенно ухудшаться, пока не исчезла совсем, на уровне вершины острова туман был слишком плотен, чтобы в нем что-либо можно было разглядеть с помощью обычного зрения, полагаться теперь приходилось только на суперсенсинг, видение в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Благодаря этому Влад ориентировался в тумане так же хорошо, как и при дневном освещении.

Ландшафт острова, напоминавшего по форме подкову с горкой в центре лагуны, ничем не отличался от ландшафта других островов: такие же зазубренные скалы, нагромождение каменных глыб, ущелья, трещины, редкие ровные площадки. Причиной же тумана оказались горячие источники, выходящие на поверхность у подножия конусовидной горы со срезанной вершиной в центре подковы. Именно отсюда шел сигнал, пойманный кладоискателем за несколько десятков километров от острова.

Влад завис над горой, представлявшей собой потухший вулкан, оглядел склоны и обнаружил небольшую скорлупку лодки у берега. Потом перевел взгляд на кратер вулкана и понял, что случилось. Человек, подающий «сигнал бедствия» в ментальном диапазоне, вряд ли понимающий, что «зовет на помощь», этой помощи ни от кого и не ждал. Спутниковая система СПАС потерпела крах еще во времена Катастрофы, из космоса за поверхностью Земли никто не следил, и спасать терпящих бедствие так далеко от суши никто не собирался. Даже имей кладоискатель рацию и сообщи о своем положении на материк, вряд ли он дождался бы спасательной экспедиции. Этот человек (Влад почему-то был уверен, что встретил такого же, как и он, кладоискателя) ни на что не надеялся, хотя и продолжал бороться за жизнь, каким-то

образом сорвавшись в кратер бывшего вулкана. Подняться по отвесной стене на вершину горы он не мог и лишь цеплялся за скальный уступ, не позволивший ему свалиться в бездну, уходившую в недра острова на неведомую глубину.

Помощи он, конечно, не ждал и на птеран Влада, смутно видимый в тумане, таращился как на привидение. Кладоискатель подвел аппарат вплотную к скальному уступу, открыл боковой люк, человек на уступе зашевелился, соскользнул на крыло птерана, с трудом влез в кабину, откидывая капюшон. Зарычал гепард, обнажая клыки. Влад оглянулся и слегка вздрогнул. На него смотрело темно-коричневое лицо мутанта-афроида: голый шишковатый череп, широкий лоб, огромный широкий нос жителя гор, узкие длинные губы, почти полное отсутствие подбородка и выпуклые круглые глаза с кольцом серебристого пуха вокруг.

Спасенный Владом человек принадлежал к расе чернокожих людей, приспособившихся жить высоко в горах при малой плотности воздуха и почти полном отсутствии воды. Но все же это были не гоминоиды, а видоизменившиеся люди, имеющие такой же аппарат мышления, говорящие на тех же языках, пытающиеся выжить в суровых условиях высокогорных плато.

– Может, мне лучше сразу вылезти обратно? – растянул губы в улыбке мутант, по-своему оценив замешательство пилота. Говорил он на континентальном русайзийском языке, но с шипящим акцентом африканских островитян.

Влад молча закрыл люк, поднял птеран вверх, выводя его из кратера уснувшего вулкана.

Секам продолжал тихо ворчать, не спуская с пассажира горящих глаз. Тот проговорил с уважением:

– Мощная зверюга! И умная – чует отличие. Высади меня у подножия этой горки, друг, там моя лодка.

– Я могу доставить тебя на материк.

– Спасибо, не надо. За мной кое-кто охотится, и я не хотел бы с этими охотниками встречаться.

Влад оглянулся, не скрыв любопытства.

– Что за охотники? Кочевники?

– Ты о переселенцах с Земли слышал? Во время Катастрофы люди переселились на другую планету…

– На Гею.

– Значит, слышал. Так вот, эти охотники оттуда. Сам не знаю, как мне удалось от них уйти.

– Почему они за тобой охотятся?

– Я видел то, что не должен был видеть. Пришлось бежать. С тех пор скоро уже полгода, как я мыкаюсь по родной планете. Обнаружил эти острова, нашел убежище, кое-какие запасы продовольствия.

Влад посадил птеран на воду рядом с лодкой спасенного, вполне современной на вид, с водометным движителем и защитным лобовым стеклом. Незнакомец-афроид, одетый в необычного покроя бордовый кафтан, красные брюки и сапоги, перебрался в лодку, не очень высокий, но широкий, коротконогий, с выпуклой грудью и длинными руками. Посмотрел на Влада.

– Ты кладоискатель?

– А ты разве нет? – усмехнулся Влад.

– Я нет, – в свою очередь раздвинул в усмешке губы коричневолицый. – Был ученым, изучал нагуали, теперь вот беглец и бродяга. А что ты ищешь? Что-нибудь конкретное?

– Как всегда, – уклончиво сказал Влад. – Пищу, оружие, что попадется.

– А как ты меня отыскал в таком тумане? Тут специально будешь искать – не найдешь.

– Я интраморф, – сухо сказал Влад.

Незнакомец задумчиво прошелся взглядом по лицу молодого искателя, почесал свой уродливый нос, кивнул сам себе:

– Я у тебя в неоплатном долгу, но все же кое-чем ответить смогу. Хочешь посмотреть? Я тут нашел одну древнюю посудину.

Влад раздумывал недолго:

– Залезай обратно.

– Лучше ты ко мне садись, тут недалеко. Машину свою и зверя здесь оставь, никуда они не денутся.

Влад осторожно пощупал ауру собеседника сенсинг-сферой, злобных и предательских намерений в мыслях мутанта не обнаружил и перелез к нему в лодку, мысленно приказав Секаму ждать хозяина и охранять аппарат.

Владелец лодки включил двигатель, суденышко резво побежало сквозь стелющиеся по свинцово-серой воде слои тумана.

– Меня зовут Уанкайова, а тебя? – оглянулся афроид.

– Влад, – коротко отозвался кладоискатель.

– Чем занимаешься, кроме искательства?

– Всем понемножку, – покраснел молодой воин.

– Понятно, специалист широкого профиля, так сказать. Что заканчивал, семинарию?

– Ранарию.

– О, это уже неплохо, я думал, ты совсем юнец. Я мог бы взять тебя в ученики, не хочешь заняться исследованием нагуалей? Я тут оборудовал небольшую лабораторию, подсобрал кое-какой инструмент, аппаратуру, оборудование. В здешних местах много чего можно найти.

– Спасибо, я подумаю, – вежливо пообещал Влад.

– Буду рад, если когда-нибудь увижу тебя еще раз. Кстати, а что такое, по-твоему, нагуаль?

– Чужой Закон, – вспомнил Влад «Свод истин» прадеда. – Или асимметричное вакуумное возбуждение островного типа. – Он подумал и добавил: – Иногда нагуаль называют потенциальной ямой бесконечной глубины. Но вряд ли его можно выразить словами.

Уанкайова оглянулся, в его глазах вспыхнули искры интереса и уважения.

– Вижу, ты действительно неординарный кладоискатель. А человеческий язык на самом деле слишком беден, чтобы выразить то, что можно только почувствовать, он не может передать всю сложность и красоту основ Мироздания.

– Разве ты знаешь, что такое нагуаль?

– Точно – нет, но у меня есть версия, которая позволяет непротиворечиво решать фундаментальные уравнения, хотя они и не обладают абсолютной предсказуемостью в областях, где справедливы принципы общей теории поля.

Лодка приблизилась к высокому берегу лагуны, заскользила вдоль крутых обрывистых берегов, повторяя их изгибы.

– В двух словах смысл нагуаля я, конечно, не передам, – продолжал мутант, – но попробую. Если ты закончил ранарию, то должен знать, что при остывании нашего метагалактического домена из вакуума рождались поля-частицы шести разных классов…

– Правая и левая материя, – не удержался Влад, тут же кляня себя за несдержанность.

– Молодец, помнишь. В нашем домене реализовалась правая материя: частицы с положительной массой и положительной энергией, поля с нулевой массой и положительной энергией и частицы с мнимой массой и плюсовой мнимой энергией. А нагуаль, возможно, является либо полем с мнимой массой и отрицательной энергией, либо левой антиматерией.

– Только непонятно, почему он реагирует с нашей материей и вакуумом, – снова не утерпел Влад. – Теоретически мнимые частицы и поля, а также левая материя и антиматерия не должны взаимодействовать с плюсовой материей.

– Колоссально! – хмыкнул Уанкайова, снижая скорость лодки и вводя ее в неширокую расщелину. – Никогда не предполагал встретить специалиста по физике вакуума так далеко от центров цивилизации, да еще интраморфа.

Влад почувствовал прилив крови к щекам, но постарался совладать с собой:

– Я не специалист по физике вакуума…

– Главное, что ты понимаешь суть проблемы. Эх, если бы ты согласился остаться! Мы бы с тобой живо раскололи этот орешек. А насчет того, что нагуаль взаимодействует с нашим вакуумом и материей, у меня тоже есть идея. Возможно, это просто эффект подбарьерного просачивания. Который, кстати, растет. Недаром же нагуали становятся видимыми, перестают поглощать почти все виды излучений.

Лодка вошла в небольшое вытянутое озерцо, у края которого из воды торчало гладкое вздутие скалы удивительно симметричной формы. Но уже через несколько мгновений кладоискатель понял, что перед ними искусственное сооружение, большая часть которого скрывается под водой.

Проводник Влада искоса посмотрел на него, направил лодку к скале. Туманные струи расступились, стал виден цвет скалы – иссиня-черный, с голубоватыми солевыми разводами, цвет металла, сумевшего пережить Катастрофу и еще тысячу лет сверху.

– Догадываешься, что это такое? – Уанкайова достал багор и, когда нос лодки цокнул о выступавший из воды корпус какого-то огромного металлического левиафана, удержал суденышко рядом.

– Грузовой галион, – прикинул Влад размеры металлического корпуса сооружения.

– Это атомная подводная лодка проекта «девятьсот девяносто девять». Такие лодки делали в России в начале двадцать первого века. Название серии «Победоносец».

– Не может быть! – не поверил кладоискатель.

Уанкайова его понял:

– Я сам удивился, когда обнаружил этот раритет. В двадцать втором все атомарины подобного типа были уничтожены в связи с полным разоружением, а эту, видимо, русские где-то спрятали, скорее всего – под полярными льдами Арктики. Хотя все равно странно, что она уцелела. Подержи-ка.

Мутант передал Владу багор, спрыгнул с носа лодки на металлическое вздутие боевой рубки субмарины с мотком тонкого тросика, прикрепил к металлу корпуса магнитный штырь и привязал к нему лодку. Влад тоже выпрыгнул на вздутие рубки, прошелся по нему, обозревая внутренности субмарины в потоке ментального видения, невольно покачал головой:

– Какая большая!..

– Двести метров длиной, – отозвался беглый ученый, наблюдая за ним. – Водоизмещение тридцать тысяч тонн. На борту двадцать ядерных стратегических ракет с десятью разделяющимися боеголовками, каждая мощностью по двести пятьдесят килотонн. Ничего, да? Судя по сохранившимся документам, которые я обнаружил, такая подлодка могла нырять на восемьсот метров и двигаться под водой со скоростью сорок узлов.

– Машина войны… – пробормотал Влад.

– Машина предупреждения войны, – подчеркнул Уанкайова. – Бери ее себе, дарю.

Влад с недоумением посмотрел на собеседника, считая, что тот шутит, но коричневое лицо афроида осталось серьезным.

– Бери, бери, мне такое большое убежище ни к чему.

– А я что с ним буду делать?

– Ты же кладоискатель, а это очень ценная находка. Там внутри целая база, огромное количество всякого снаряжения, консервы, вполне съедобные, между прочим, я оттуда много чего взял для своей лаборатории. Есть и оружие, хотя я не разбирался, какое именно.

Влад отрицательно мотнул головой:

– Спасибо, не надо. Это твоя находка.

– Горд, как и все кладоискатели. Что ж, насильно мил не будешь. Но если захочешь попользоваться – прилетай в любой момент. Может, спустимся в рубку? Посмотришь, как жили военные люди тысячу двести лет назад. Посидим, побеседуем, я тебя шампанским угощу. Ему тоже двенадцать веков, а совсем не кислое. В спецхолодильнике хранилось с вакуум-слоем и магнитной ориентацией.

– Благодарю за предложение, – вздохнул с сожалением Влад, – но беседу лучше отложить на завтра. Я еще ничего не нашел.

– Кто знает, когда еще свидимся, – улыбнулся афроид. – Где я, а где завтра? Возьми хотя бы подарок.

Он протянул кладоискателю зеленовато-желтый, светящийся изнутри пульсирующий шарик.

– Это терафим, личный инк. Пси-защитник, пси-лекарь и блок обработки информации. Такими пользовались до Катастрофы. Сейчас их не делают даже на Гее, утеряна технология, но мне посчастливилось набрести на контейнер с такими шариками, все в рабочем состоянии.

Влад с любопытством осмотрел легкий шарик, взвесил в руке, чувствуя шевеление жизни внутри. Терафимы, насколько он помнил сведения из прадедова «Свода истин», представляли собой сгустки полей, саморегулирующиеся полевые структуры, а функционально – квазиживые информационные накопители, обладающие зачатками интеллекта и в некоторых пределах свободой воли. Ни видеть, ни держать в руках, ни пользоваться ими молодому воину еще не приходилось.

– Что с ним надо делать?

– Ничего, только разбудить. Скажи мысленно что-нибудь вроде: очнись, малыш! Он способен внедряться в любую материальную структуру, кроме живых организмов, таков был этический принцип их создания, и будет всегда рядом. Потом дашь ему имя.

«Эй, малыш, проснись!» – мысленно позвал Влад.

И тотчас же шарик в руке ожил, расплылся облачком света, исчез, а в голове Влада зазвучал тоненький голосок: «Премного благодарен за освобождение! Тебя зовут Влад, и ты интраморф. Любишь приключения?»

– Люблю, – вслух пробормотал растерявшийся Влад.

«Тогда мы сработаемся. Зови меня Нестором».

– Хорошо…

Уанкайова засмеялся, спрыгнул с металлического волдыря рубки в лодку.

– Кажется, вы нашли с ним общий язык. Поехали к твоему зверю. Теперь у тебя будет два защитника. Ты уверен, что не хочешь посмотреть субмарину?

Влад не ответил, спрыгивая в лодку мутанта. Он прислушивался к пси-голоску неожиданно обретенного помощника, докладывавшего хозяину параметры окружающей среды.

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Синайзийская община, поселившаяся в каньоне реки Хуанхэ, была самой многочисленной из общин всей земной линзы. Ее численность достигала миллиона человек, в ее владения входили двадцать деревень и множество рисовых хуторов, а также две фабрики по переработке сельскохозяйственной продукции, транспортное хозяйство, завод минерального сырья и удобрений, шахта, консервный завод, рыбный завод, пять семинарий и собственный театр. Деревня, где жили и работали староста, управляющий делами, властники, старшины, чиновники рангом пониже, мало отличалась от других деревень общины, разве что дома здесь строили побогаче, сохраняя присущий Древнему Китаю стиль фанзы, да жителей на улицах деревни встречалось поменьше, большинство из них работало не покладая рук, с раннего света до предсонья. А

еще община имела станцию метро, охраняемую как зеницу ока специальным гарнизоном. О существовании этой станции знали всего два человека из общины: староста и властник гарнизона. Рядовые воины гарнизона и крестьяне даже не догадывались, что охраняли и мимо чего ходили.

Станция метро располагалась в живописнейшем уголке Синайзийского каньона с лесом столбовых скал, заросшего гигантскими травами и папоротниками. Жители деревни, в отличие от соседей, не занимались возделыванием рисовых плантаций, они обслуживали местный завод по производству минеральных удобрений, а также обсерваторию и единственный на всю общину энергоцентр: кладоискатели общины два века назад обнаружили два уцелевших «вечных» реактора типа «кварк-кессон», и защитники берегли их пуще глаза, успешно отбив несколько попыток кочевых стай завладеть реакторами.

Охранял станцию отряд численностью всего в двенадцать человек, дежуривших посменно, по четыре человека в смене. Вооружены они были гранатометами китайского производства двадцатого века (кладоискатели общины обнаружили древний склад оружия, в большинстве своем не пригодного к употреблению, однако гранатометы удалось отчистить и восстановить), арбалетами и боевыми метательными пластинами и чувствовали себя в безопасности. Во-первых, они были уверены, что объект их охраны – секретная резиденция старосты общины, где он отдыхал, хотя и очень редко. Во-вторых, здание, в котором находилась станция метро, стояло на холме, окруженное каменной стеной, накрытое специальным многослойным зонтиком в форме пагоды, который предохранял ее от прямого попадания метеорита. Небесные камни падали на Землю все реже, однако угроза метеоритной атаки сохранялась, и традиция возводить над важнейшими техническими сооружениями силовые зонты сохранилась по сей день. Еще помнилось время, когда уцелевшие человеческие племена и стаи селились в пещерных городах, глубоко под землей, спасаясь от небесной бомбардировки, но потом жизнь окрепла, набрала силу, потоки камней, носившихся по Солнечной системе из конца в конец, поредели, и цивилизация выбралась из пещер на поверхность земной линзы.

Летательный аппарат – флайт с эмблемой Рати, межобщинной гарнизонной службы, на борту – появился над Синайзийским каньоном перед ранним светом, за час до традиционной общей побудки жителей деревень. Он снизился над рекой, несшей желтые воды к северному океану планеты – Австралийскому, и на небольшой высоте помчался к истокам реки, не замеченный сонными сторожами попадавшихся по обеим сторонам реки деревень. Вскоре он достиг деревни Линбяо, где располагался энергоцентр, и завис над холмом станции метро. Четверо пассажиров флайта, одетые в маскировочные костюмы с голографической подстройкой, с минуту наблюдали за территорией деревни и «крепости» метро, затем десантировались во двор станции с трехметровой высоты. Вооружены они были оружием, метающим черные молнии, двигались очень быстро, гораздо быстрее обычных людей, и полусонная охрана станции сопротивления им практически не оказала. Все было закончено в течение нескольких секунд.

Затем четверка десантников поднялась на борт флайта, аппарат метнулся в небо, а спустя минуту раздался взрыв.

Он был такой силы, что от станции метро с антиметеоритной крышей не осталось ничего! Не выдержали даже метровой толщины стены, защищавшие станцию снаружи. Ударная волна вдребезги разнесла два десятка близлежащих фанз, где жили многочисленные семьи деревни, повалила метеобашни, энергостолбы, выбила все стекла в деревне и заставила охрану энергоцентра занять штатные позиции для обороны объекта. Однако неведомым террористам нужна была только станция метро, остальные технические сооружения их не интересовали.

При подсчете потерь оказалось, что уничтожена и обсерватория, построенная на одном из скальных столбов высотой в километр, имевшая уникальный телескоп, который позволял астрономам общины наблюдать за далекими галактиками, лучи от которых пробивались к Солнечной системе сквозь заросли нагуалей.

* * *

Горан Милич получил сообщение о взрыве Синайзийского метро на Земле за завтраком. В сферу его служебных интересов подобные происшествия не входили, однако в связи с последними событиями данная информация была очень важна, и Горан почувствовал угрызения совести: он собирался отказаться от предложения претора ОКО стать начальником контрразведки. Неведомые террористы спешили ограничить выход погранслужбы Геи на поселения людей, разыскивая и уничтожая метро по всему космосу, в том числе и на Земле. По словам Ауриммы, прародина человечества имела всего несколько станций метро, и уничтожение даже одной из них резко уменьшало возможности влияния спецслужб Геи на Землю, подготавливаемую секретным проектом Правительства к заселению.

Получив известие о взрыве, комиссар СОБ попросил дежурного дать ему сводку на утро понеда двенадцатого декана, и поручик привел данные по Империи: сто одиннадцать разборок и нападений, девяносто шесть убитых, двести сорок раненых, уничтожены две обсерватории, взорван оружейный завод в Рашн-секторе, производящий «универсалы» и парализаторы, убиты двое ученых из Объединенного центра физических исследований в Бразил-секторе, похищены или пропали без вести восемь девушек. И уничтожены три станции метро, причем все три – в Солнечной системе: на Земле, в Синайзийском каньоне, на Марсе и на осколке Меркурия, вблизи Солнца.

«Плохие новости?» – спросил фокс, ухаживая за хозяином; Горан называл его Джорджем. Он выглядел как вежливый и обходительный человек, но интеллект робота был ограничен и разговаривать с ним было неинтересно, если к беседе не подключался «Умник», центральный компьютер коттеджа.

«Большой Террор становится серьезной проблемой, – ответил мысленно Милич. – Цамцой не преувеличивал ее масштаба».

Джордж собрал на поднос посуду, отступил на шаг, преданно глядя на хозяина.

«Боюсь, мы снова оказались под пристальным вниманием кого-то из Игроков. Ты не находишь?»

Горан рассеянно посмотрел на фокса. Это уже ответил «Умник», в память которого была записана вся история появления Конструктора, а потом и Фундаментального Агрессора в Солнечной системе.

«Возможно, твое предположение имеет все основания. Самое плохое, что никто из нас не понимает причин Большого Террора, а это значит, что мы не можем принять адекватные меры. Претор прав в одном, необходимо возродить службу контрразведки, причем достаточно мощную и секретную. Прежде всего нужны данные, нужен всесторонний анализ ситуации, и нужна команда единомышленников, способная работать в сложившихся условиях».

«Ты говорил с Ванессой?»

«Она загорелась идеей Ауриммы стать ходоком, и отговорить ее мне не удалось. К сожалению. Но она пойдет не одна».

«С кем? Ты его знаешь?»

«Еще нет. Он ученик старика-волхва Дивия с Земли, который стал советником Владыки».

«Интересно, кто составил ему протекцию?»

«Я тоже задаю себе этот вопрос. Чтобы землянин вошел в коллегию советников Владыки, надо иметь как минимум родственника в его окружении. Дивий – темная лошадка и знает все о наших проблемах».

Горан допил отвар из кореньев иньяна, прибавляющий сил, повышающий тонус организма, и встал из-за стола.

«Без моего приказа никого в дом не впускать».

«Даже Нессу?»

«Никого!»

Горан переоделся и через полчаса был на службе.

Половина рабочего дня прошла в суете совещаний разного уровня с комиссарами и деканами других секторов ОКО, в разработке планов и решений, в ответах на запросы из провинций Империи, коими назывались сектора Геи и планеты системы Солад, где работали агенты охраны общественного спокойствия. Обедал Горан в оперативном Управлении ОКО в компании со своим заместителем Липой Каминski и экспертом сектора Пурушастрой, долго и нудно рассуждавшим о причинах кризиса и роста преступлений в Империи.

– Все дело в усреднении человечества, – утверждал он, уныло кивая длинным носом как бы в одобрение собственных заявлений. – Человек лишается индивидуальности, становится винтиком государственной машины, безвольным элементом системы подчинения, что не может не привести индивидуально мыслящих людей к бунту.

Неожиданно эта тема всплыла и при разговоре Цамцоя с комиссарами секторов у него дома, куда он пригласил Ауримму, Горана Милича, старика Дивия и начальника сектора Дальразведки Алекса Бодрова. Алекс был интраморфом, но Горан раньше с ним почти не встречался и знал плохо. Правда, уже одно приглашение претора ОКО могло послужить даль-разведчику неплохой характеристикой.

– Знаете, что меня начинает волновать? – спросил хозяин дома, когда гости расположились в комнате для бесед. – Происходит целенаправленная ликвидация индивидуальности среди населения Империи. Эта тенденция тревожит и экспертов Консультативного совета, однако на их запрос из Правительства пришел ответ с пожеланием не поднимать паники. Как вам это нравится?

Гости переглянулись, смущенные вступлением. Начинать дискуссию на отвлеченные темы они не собирались.

Цамцой насмешливо фыркнул:

– Что и говорить, философы мы слабые, но и нам придется в скором времени решать глобальные социальные задачи.

– Я знаю одно, – хрипловатым баритоном произнес даль-разведчик. – Эволюция человека после Катастрофы очень мало затронула его интеллектуальные способности, наоборот, они даже уменьшились. – Он посмотрел на Ауримму. – Это не есть камень в ваш огород, комиссар. Дураки встречаются и среди нормалов, и среди интраморфов. Но именно в глобальном усреднении человечества, усугубленном открытостью семейных границ, я вижу причину происходящих в обществе явлений.

– Давайте о деле, – поморщился задетый за живое Ауримма. – Философствовать будем потом, после ликвидации криминальных структур. У меня есть данные, говорящие о том, что террористы начали отстрел спейс-реэмигрантов[19]. Кто-нибудь мне скажет, кому мешают эти люди?

Все посмотрели на Цамцоя, на лицо которого легла тень.

– К сожалению, сударь мои, причин ликвидации реэмигрантов я не знаю, зато знаю, что все они интраморфы, которых нужда вынудила покинуть свои колонии и обжитые места. Единственная возможная причина их ликвидации – попытка перекрыть утечку информации. Они слишком много знают об изменении космоса, вот и попали под прицел террористов. Однако достоверных данных нет.

[19] Спейс-реэмигранты – люди, возвращающиеся на Землю из дальних уголков контролируемой в прошлом землянами области космоса.

– Самое плохое, что нам недоступен выход в тот слой поля Сил, – добавил Дивий, – в котором могут храниться необходимые ответы на наши вопросы. Создается впечатление, что этот слой просто-напросто заблокирован.

Все снова посмотрели на претора ОКО, сохранявшего озабоченный вид.

– Давайте действительно перейдем к обсуждению конкретных дел, – сказал он. – Пора подбирать кандидатуры на ответственные посты новой службы. Пора создавать команду профессионалов, способных справиться с беспределом на границах Империи в космосе. Убийцы и разрушители сети метро проходят сквозь наши порядки, как нож сквозь арбуз. Пора этому положить конец. Итак, ваши предложения?

– Если создаваемая нами система контрразведки будет подчинена Правительству, – угрюмо проговорил Ауримма, – я отказываюсь в ней работать.

– Она не будет подчинена Правительству, – мягко сказал Дивий. – И даже Владыка не должен ничего знать о ее существовании… на первых порах. Сначала нужно будет доказать ее необходимость, проверить эффективность, снизить с ее помощью давление Большого Террора, найти его причины, а уж потом разгерметизировать систему для общества. Кстати, я не согласен с названием проблемы. То, что творится у нас в Империи, еще нельзя назвать Большим Террором, это скорее операционное воздействие с точными адресами. Большой Террор предполагает массовость и большое количество жертв, в нашем же случае удары наносятся безжалостно, но точно и конкретно. Работает система, целей которой мы не знаем, ей надо противопоставить нашу систему, ударной силой которой станет команда интраморфов-эрмов. Вы согласны со мной?

Ответом волхву было молчание.

– Как вы предполагаете решить проблему финансирования наших расходов? – спросил Бодров, кряжистый, основательный, несколько медлительный с виду. – Где мы добудем средства на содержание аппарата службы и организацию системы охраны тайны?

– Не беспокойся, Алекс, – проговорил претор ОКО. – Финансами есть кому заниматься, ваше дело – оперативная работа в тех областях, где вы являетесь профессионалами. Сегодня мы обсудим кандидатуры комиссара и заместителя начальника сектора контрразведки. Что касается комиссара, тут все ясно, я предлагаю утвердить на этот пост Горана Милича. Остается решить вопрос с его заместителем.

– Мне кажется, и здесь не стоит ломать копья, – улыбнулся Дивий. – Лучшей кандидатуры, чем комиссар пограничной службы, я не вижу.

– Согласен, – пожал плечами Ауримма.

Собравшиеся посмотрел на молчаливого Милича. Горан поймал взгляд Дивия, выражающий заинтересованность и вопрос, кивнул.

– Ты сегодня что-то немногословен, – с усмешкой сказал Ауримма. – Что-то случилось?

– Он всегда немногословен, – защитил Горана претор ОКО. – У кого есть предложения по составу секторов?

– В прошлый раз мы говорили о миссионерах-ходоках, – напомнил Ауримма. – Почему они еще на Земле?

– Их надо подготовить, – начал было Цамцой.

– Они давно ко всему готовы. Были две кандидатуры…

– Ванесса ждет моего приказа, – пожал плечами Бодров.

– Мой ученик сейчас в походе, – вставил слово Дивий, – как раз в зоне Борейского архипелага, я собирался отозвать его сегодня. В общине никто не должен знать, куда он направится, а так все будут уверены, что он на краю Земли.

– Это случайно не он нашел библиотеку борейцев?

– Нет. Он еще молод.

– Я его знаю? – посмотрел на волхва даль-разведчик.

– Нет, – качнул головой старик, поглядев на Горана сквозь прищур век.

* * *

После ухода гостей Цамцой долго мерил шагами двор своего бунгало, размышляя над горой задач, которые надо было решать ему лично, потом искупался в бассейне и направился на женскую половину дома, где его ждали жены.

Претор ОКО женился дважды, и последняя его семья состояла из пяти человек: двое мужчин, три женщины. Второй муж – Квентин Олоннэ – не имел никакого отношения к службе ОКО, он работал деканом строительной организации «Терра», и это вполне устраивало всю семью. Именно благодаря Квентину семья Цамцоя имела теперь отличный коттедж, построенный «Террой» по особому проекту. Такой бассейн, какой соорудили строители претору, был, по слухам, только у высших чиновников Правительства да еще у Владыки.

Женщины семьи Цамцоя – Эрдэнэ, Соня и Наталья – практически не работали, воспитывая пятерых детей, что тоже разрешалось не всем. Как правило, в полигамных семьях воспитанием детей занималась одна из жен, остальные трудились на благо Империи. Большинство же семей в воспитании собственных детей почти не принимали никакого участия, и они росли в интернариях, где детей с раннего возраста обучали той специальности, которая больше всего требовалась государству на сегодняшний день. Но дети семьи претора ОКО жили вместе с ним: двое мальчиков и три девочки. Единственное, что его огорчало, – они не были интраморфами. Как не были паранормами все женщины семьи и второй муж.

С удовольствием повозившись с детьми, старшему из которых пошел пятый год, Цамцой уединился в одной из спален с Натальей и освободился лишь через полтора часа: юная Наташа умела вести эротические игры, подогревая пыл мужа долгое время. Дети уже спали, когда претор, еще раз искупавшись в бассейне, проверил охрану дома, кинул взгляд на вишневую полосу заката и прошел в свой рабочий кабинет, удивляясь, почему опаздывает Квентин. Обычно строитель возвращался с работы еще до захода Сола.

Инк кабинета приветствовал хозяина включением рабочей программы. Цамцой сел за стол, и в это время пришел Квентин. Претор почувствовал его появление до того, как сработал дверной автомат. Еще он почувствовал какие-то странные гармоники раздражительности и обреченности в пси-сфере Олоннэ, но не придал этому значения. Квентин был довольно вспыльчивым человеком и часто заводился по пустякам.

Второй мужчина семьи зашел в кабинет Цамцоя спустя несколько минут после своего появления дома. Он был хмур и задумчив.

– Не возражаешь, если ко мне зайдут друзья? – сказал он, понаблюдав за виомом компьютера.

– Конечно, нет, – оглянулся претор. – Ты чем-то огорчен?

– Неприятности на работе, – промычал Квентин, блондин в отличие от черноволосого Цамцоя.

– Помощь нужна?

– Справлюсь. – Олоннэ еще раз кинул взгляд на виом, в котором светилась схема взаимодействия секторов службы безопасности, и вышел.

Цамцой, занятый своими расчетами, продолжил поиски оптимальной структуры новой службы.

Вскоре в доме появились гости, трое мужчин, которых встречал сам Квентин, причем все они были интраморфами, судя по их ментальному свечению. Цамцой насторожился, с трудом выходя из смыслового пространства компьютера, попробовал пообщаться с гостями мысленно, не смог и почувствовал тревогу, но было уже поздно. Гости гурьбой ввалились в его кабинет, и один из них выстрелил в хозяина из нейтрализатора.

Квентин вскрикнул, вдруг проснувшись, – было видно, что он находится под гипнотическим воздействием, – и убийца выстрелил в него.

«Как все просто и гениально! – подумал Цамцой, последним усилием воли давая команду инку кабинета стереть все файлы. – Они все рассчитали до малейшего нюанса… А я расслабился…»

Сквозь кровавый туман в глазах он попытался разглядеть лица убийц, но в него выстрелили еще раз.

Гости, продолжая играть роли знакомых семьи, тихо беседуя и смеясь, разошлись по дому, убили охранников и ушли, практически не подняв шума. Женщин и детей семьи претора они уничтожать не стали.

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Спустя три часа после спасения афроида Уанкайовы Влад заметил за собой слежку. Ощущение скрытого наблюдения преследовало его и раньше, однако ничего похожего на летательные аппараты, снабженные видеокамерами, в поле зрения ему не попадалось, не помогло даже сенсинг-сканирование. В радиусе двух десятков верст от птерана, ведомого кладоискателем, не было ни одного живого существа, не считая мутанта Уанкайову и птиц, ни одного технического средства, излучающего или принимающего электромагнитные волны. Впечатление создавалось такое, будто за Владом велось наблюдение из космоса, хотя по рассказам учителя он знал, что спутников, подвешенных над южным полюсом Земли, в районе Борейского архипелага, ни одна из общин не имела.

В конце концов Влад вышел даже в поле Сил, чтобы определить источник пси-давления, создающий впечатление внимательного взгляда, но смог лишь подтвердить свои подозрения: за ним действительно наблюдали, причем сверху, с высоты трехсот с лишним верст, однако увидеть наблюдателя не удалось. Он прятался за слоем какого-то физического поля, поглощавшего ментальный поток.

Разочаровавшись в своих способностях до глубины души, Влад перестал обращать внимание на свои ощущения и приступил к делу, ради которого был послан так далеко от дома. Он уже представлял себе, где следует искать остатки древних сооружений и баз, поэтому сразу начал с острова, который светился в пси-диапазоне ярче других.

Еще раз оглядев панораму океана под собой с пятикилометровой высоты, полюбовавшись бесконечным с виду поясом туманов, за которым просматривалась ослепительно белая полоса снегов и льдов Пояса Снежной Королевы, Влад повел птеран к острову, площадь которого достигала двухсот квадратных километров.

Сверху остров напоминал осколок Марса или Луны – множеством кратеров и трещин, похожих на русла рек. Возможно, этот район океана когда-то подвергся метеоритной атаке, изменившей его ландшафт, а может быть, таков был его первоначальный облик, скрываемый льдами Арктики до поднятия острова из вод во время Катастрофы.

Влад медленно облетел изрезанный фьордами остров по кругу, внимательно всматриваясь в дикий пейзаж. Глаз то и дело выхватывал из хаоса скал и камней развалины крепостей и замков, но интуиция молчала, все эти «развалины» представляли собой игру света и тени, шутку природы с грустным оттенком. Остров не имел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало искусственное сооружение. И все же он продолжал ярко светиться в ментальном поле, будто издеваясь над человеком, который вздумал завладеть его сокровищами.

Птеран пошел на второй круг. Влад сосредоточился, смущенный своим явным провалом, и увидел на северном мысу острова дыру, уходящую в его глубины. Не кратер – именно дыру, пробитую в довольно ровной площадке и окруженную трещинами. Заинтересовавшись, кладоискатель снизился над дырой, высчитывая ее диаметр – около тридцати метров, и реши-

тельно окунул аппарат в густую темноту вертикальной шахты, пробитой, очевидно, метеоритом в незапамятные времена.

«Здесь плохо пахнет», – раздался вдруг в голове Влада тонкий голосок.

Кладоискатель вздрогнул. Он забыл о существовании терафима, не напоминавшего о себе уже более часа; личный инк-секретарь по имени Нестор оказался не из болтливых, что вполне устраивало его владельца.

«Что ты имеешь в виду?»

«Здесь грязно. Повышен радиоактивный фон, имеются следы термического воздействия»,

«Еще бы, сюда, наверное, когда-то грохнулся метеорит».

«Отмечаю вдобавок гравитационную аномалию».

Влад и сам почувствовал изменение силы тяжести над островом, но причин этого явления пока не видел. Птеран продолжал медленно опускаться вниз, в кромешную тьму, пока не достиг гигантской сферической полости с явными следами взрыва. И Влад понял, что здесь и в самом деле очень давно произошел ядерный взрыв. Стены полости до сих пор светились в рентгеновском и гамма-диапазоне, не считая более «мягких» видов излучений.

«Я бы посоветовал убираться отсюда, – сказал Нестор. – Радиоактивный насморк вреден для здоровья».

«Мне этот фон не повредит».

«А обо мне ты подумал? Радиация разъедает мою тонкую структуру».

Влад не сразу нашелся что ответить:

«Извини, друг, учту в будущем, потерпи немного».

Снова пришло ощущение, что за ним наблюдают внимательные глаза.

«Кстати, ты ничего не чувствуешь? У меня кожа на спине чешется от чужого взгляда».

«У меня нет кожи, – педантично уточнил терафим. – Но я тоже отмечаю массив внимания».

«Что это может быть? Местное явление?»

«Для вывода не хватает информации».

«Понятно. А ты что скажешь?» – мысленно обратился Влад к гепарду.

Секам мяукнул.

«Ясно. Одобряешь. Тогда давай посмотрим, что там находится ниже, я вижу в дне пещеры еще одну дырку».

Птеран пошел вниз, включил фонари. Лучи света отразились от гладких стен полости, бликуя на пленке глазури и гладких вздутиях, по всей стометровой сфере заметались разноцветные зайчики, слепя глаза. Влад выключил фонари и перешел на другой диапазон зрения.

Дыра в дне сферической полости была как две капли воды похожа на верхнюю, словно ее сверлили одним инструментом. Догадка пришла минутой позже, когда птеран углубился в новый тоннель с бороздчатыми трещиноватыми стенами. Подземная сфера, созданная ядерным взрывом в глубинах пород острова, не имела отношения к дыре, пробившей купол и низ сферы, эту дыру пробила «пуля» метеорита, а возможно, и нагуаль еще в те времена, когда Земля мчалась по орбите вокруг Солнца.

Влад представил, с какой силой в тело планеты должен был врезаться метеорит (или все же нагуаль?), чтобы проделать в горных породах аккуратную и глубокую шахту, и поежился. Еще страшнее было представлять, что чувствовали люди, живущие на поверхности, сотрясаемой землетрясениями, когда планета ежечасно подвергалась подобной бомбардировке.

«Мне кажется, там ниже есть еще пещеры», – напомнил о себе Нестор.

Влад ответил согласным кивком, опуская птеран еще глубже в шахту. Мимо поплыли изборожденные трещинами, морщинистые, слоистые стены шахты, светящиеся в инфракрасном диапазоне. Но вскоре обостренное зрение кладоискателя уловило другой свет в глубине

тоннеля, и Влад снова почувствовал легкий озноб возбуждения. Остров светился в пси-поле не зря, внутри его остался след человеческого присутствия.

Через несколько минут стал понятен источник света.

Пробоина шахты все так же продолжала пронизывать недра острова, но в четырехстах метрах от поверхности океана она врезалась в другой тоннель, горизонтальный, стены которого источали холодное зеленоватое свечение, и тоннель этот явно был сделан человеческими руками.

Катастрофа не пощадила и его.

С обеих сторон он был ограничен скальными стенами, расстояние до которых Влад оценил в три и пять километров. Когда-то тоннель был идеально ровным, трапецеидальным в сечении: пятнадцать метров – длина нижнего основания трапеции, шесть метров – длина верхней перекладины, десять метров – высота трапеции, – теперь же он был изломан, скручен, завален огромными глыбами камня, рухнувшими со свода, и лишь сохранившиеся идеально ровными углы тоннеля говорили о его искусственном происхождении.

– Бог ты мой! – вслух проговорил ошеломленный открытием Влад. – Кто же тебя прокладывал… подо льдами Арктики? Неужели древние борейцы?!

«Для вывода не хватает информации», – отозвался терафим, распластавшись по стеклу блистера мерцающим язычком тумана.

– Тоннель не естественного происхождения, ты понял?

«Я чувствую систему тоннелей».

– А о борейской цивилизации ничего не слышал?

«В моей памяти данных по этой теме нет».

– Жаль. Интересно, куда вел этот тоннель? Может быть, легенды о полубогах-борейцах имеют под собой основание? Учитель утверждает, что такие тоннели пронизывали всю Землю.

«Не вижу причин поддерживать эту гипотезу. Данный тоннель конечен».

«Просто он «обломан», – перешел Влад на пси-язык. – Когда остров поднимался из воды, с ним вместе поднялся и участок тоннеля, остальное осталось в глубинах океанского дна».

«Логично, – согласился Нестор и добавил с дипломатичными интонациями: – Не пора ли подумать о возвращении? Не то придется чистить организм от радиоактивной грязи».

Влад не ответил, потратив еще полчаса на разглядывание коридора, проделанного в горных породах с помощью какой-то мощной лазерной или плазменной техники много тысяч лет назад. Решение о детальном изучении тоннеля он принял почти без колебаний. Интуиция подсказывала, что в стенах тоннеля прячутся какие-то механизмы.

Однако с поиском здешних сокровищ пришлось повременить.

Беззвучно содрогнулось пространство вокруг птерана, породив волну резонанса внутри головы Влада. Затем из шумов возбужденного пси-поля выплыл отчетливый металлический голос:

«Как успехи, воин? Почему молчишь?»

Это был голос старосты общины, усиленный торс-передатчиком.

«Все в порядке, Терентий, – ответил Влад, ощущая, кроме пульсации линии связи со старостой, еще и чей-то поток внимания, появившийся сразу после включения рации. – Нашел древний тоннель, очень перспективный, начинаю разведку».

«Будь осторожен. Борейский архипелаг – не место для отдыха, там исчезли десятки искателей. Не забывай оглядываться. Найдешь что-нибудь полезное, сразу дай знать».

Пси-голос старосты растворился в шумах ментального канала, ощущаемого как упиравшийся в голову упругий рукав, затем исчез и сам канал. А вот волна пси-эха, сопровождавшая передачу, которую можно было сравнить со щупальцами спрута, пытавшегося обнаружить светящийся в ментальном поле объект, пропала не сразу. «Щупальца» повозились в пространстве,

бледнея, становясь прозрачными и эфемерными, втянулись куда-то вверх, в космос, как показалось Владу, оттуда на него снова недобро посмотрели внимательные глаза, и все закончилось.

«Нас запеленговали, – доложил притихший Нестор. – Теперь жди неприятностей».

Тогда и Влад понял, что пойманное им колебание пси-пространства на самом деле представляло собой процесс пеленгации. Кто-то умело воспользовался включением старостой рации и определил координаты Влада, хотя трудно было поверить в существование такой тонкой пеленгирующей аппаратуры.

«Никуда мы отсюда не побежим, – сказал кладоискатель твердо. – Волков-мутантов бояться – в лес не ходить».

«Безумству храбрых поем мы песню…» – проворчал терафим.

Влад промолчал.

Гепард посмотрел на человека светящимися янтарными глазами и слабо мяукнул, излучая волну дружелюбия и уверенности. Сильный зверь не знал страха, а в том, что он будет защищать хозяина до последнего дыхания, сомневаться не приходилось.

Влад подвесил птеран в метре от пола коридора и позавтракал, прислушиваясь к тихому шелесту пси-полей, достигавших внутреннего слуха. Затем покормил Секама, приготовил оружие к бою и повел машину в глубь левой ветки коридора, намереваясь закончить его обследование еще до наступления света сна. Он успел осмотреть половину тоннеля, ощупывая его стены сенсинг-сферой, нашел несколько скрытых каверн, не имеющих входов, и одну пещеру явно искусственного происхождения – к ней вел узкий коридорчик с замаскированной под камень дверью, – но проникнуть в нее не смог. На острове появились гости, причем появились очень тихо, упакованные в защитные костюмы, практически не пропускающие излучений, в том числе и мысленных. Влад смог обнаружить их появление только по скрипу камней под дном летательного аппарата, доставившего отряд на остров: часть сознания кладоискателя работала в режиме дивьясротра – «небесного уха» – и отмечала все звуки, порождаемые жизнью острова.

Влад попытался расширить зону восприятия пси-полей до уровня поля Сил, и это ему удалось. Плотная шапка защитного поля отряда на несколько мгновений стала почти прозрачной, и Влад сосчитал торчащие в поле головы – островки сознания: гостей прибыло четверо, они имели оружие, а главное, все они были интраморфами. Конечно, Влад встречался с паранормами во время своих походов, но с целой группой интраморфов сталкивался впервые.

«Что будем делать, советник?» – задал он вопрос терафиму.

«Отступать, – посоветовал Нестор. – Лучше быть живым и здоровым, чем покалеченным или мертвым».

«Очень своевременное замечание, – усмехнулся Влад. – Только отступать нам с тобой некуда, выход здесь один – через дырку, пробитую метеоритом, а он уже перекрыт».

«Тогда почему бы не попробовать пойти вниз?»

Влад хмыкнул, почесал Секама за ухом, изрек: «Нестор, ты молодец! Вовремя мне тебя подарили. Идея, конечно, смелая, мы можем упереться в тупик и потерять свободу маневра, но ведь и эти люди будут думать так же? Попробуем».

Птеран устремился к шахте, пронизывающей горизонтальный коридор, и провалился вниз, в темноту недр острова, заигравшую всеми оттенками бордового, вишневого и фиолетового цветов, когда Влад перешел на инфракрасный диапазон зрения. Одновременно он прислушался к изменениям пси-полей и уловил-таки пульсацию ментальных потоков: люди, появившиеся на острове, переговаривались между собой в пси-диапазоне.

Шахта, пробитая в породах острова нагуалем – теперь Влад в этом убедился окончательно, – продолжала уходить в глубины земной коры перпендикулярно ее поверхности, ни капли не уменьшаясь в диаметре, что уже произошло бы, будь на месте нагуаля метеорит. На глубине двух километров она пересекла ряд бесформенных полостей, а затем пронзила еще

один горизонтальный коридор, такой же, что и оставшийся выше, – трапецеидальный в сечении, только его стены не светились, если не считать слабого теплового излучения, позволившего Владу разглядеть этот штрек.

Что он имеет искусственное происхождение, стало ясно сразу, как только птеран завис над гладким полом коридора, уходящего в обе стороны чуть ли не в бесконечность. Во всяком случае, зрения молодого воина не хватало, чтобы увидеть конец коридора.

«Мы могли бы пролететь сквозь всю Землю по этой шахте, – сказал Нестор. – Знаешь, на что она похожа? На отверстие, оставшееся в теле планеты после того, как из нее вынули ось, вокруг которой она вращается».

«Земля давно уже не вращается, – рассеянно ответил Влад, продолжая прислушиваться к шорохам пси-эфира, доносившимся сверху. – Если мы будем продолжать спуск, то в конце концов упремся в дно из нагуалей».

«То есть как это Земля не вращается? – удивился терафим. – Что за сказки ты мне рассказываешь?»

«Потом объясню. Прими это как факт. Земля разбилась о нагуали и стала почти плоской лепешкой».

«Когда это произошло? И почему я об этом не знаю?»

«Потому что тебя сделали раньше этого события. Помолчи, пожалуйста».

Тихая, невидимая молния пси-разряда пронеслась по шахте сверху вниз, отражаясь от стен и вызывая у Влада вибрацию его ментальной оболочки. Он похвалил себя за то, что не остался висеть в шахте, а проник в коридор. Неизвестные охотники владели пси-локатором и теперь «высвечивали» тоннель, пытаясь найти беглеца. Судя по всему, они точно знали, что кладоискатель находится на острове, и упорно шли по его следам. Ждать их появления не стоило.

Влад тронул птеран с места, мимо побежали гладкие, почти не тронутые землетрясениями и временем стены коридора, который строили хозяева Борейского материка десятки тысяч лет назад. Причем строители эти были гигантами, пришла мысль. Если бы тоннели строили люди, их высота не превышала бы трех-четырех метров, как у тоннелей старинного рельсового метро, здесь же высота штрека – метров десять-двенадцать. Интересно, каков был рост строителей? Метров восемь?

«У меня нет информации по данной теме», – отозвался Нестор с извиняющимися нотками, хотя Влад задавал вопрос не ему, а себе самому.

Зашевелился свернувшийся клубком на полу машины Секам, чувствующий себя не в своей тарелке. Ему еще не приходилось спускаться так глубоко под землю, где все его природные органы чувств переставали работать. Влад погладил гепарда по голове, и тот успокоился. Птеран продолжал мчаться в темноту, как пуля сквозь ствол карабина, оставив далеко позади шахту, пробитую в каменной толще нагуалем, и четверых интраморфов на бесшумных летательных аппаратах, пытавшихся определить, куда подевался объект их поисков.

Километров двадцать птеран преодолел за три минуты, не встретив на своем пути ни одного препятствия, затем стены тоннеля начали светиться нежным зеленовато-желтым светом, в них появились трещины, ниши, вывалы, дыры, на полу все чаще стали попадаться упавшие с потолка глыбы и груды камней. Здесь начиналась зона разрыва земной коры, повредившего тоннель, и Влад понял, что напрасно тешил себя надеждой выбраться из-под земли каким-нибудь нетривиальным способом. Если тоннель и соединялся с поверхностью земли вертикальными шахтами, то они были хорошо замаскированы либо располагались друг от друга на значительном расстоянии.

Птеран приблизился к очередному завалу из рухнувших с потолка глыб, остановился. Тоннель в этом месте уже потерял форму трапеции, гигантская сила землетрясения скрутила его, разорвала глубокими провалами, перегородила скальными стенками, и он перестал быть

транспортной артерией, соединявшей некогда материки древней Земли. Впрочем, его могли строить и для других целей, подумал Влад мимолетно, решая, что делать. Назад возвращаться не хотелось, а прятаться в трещинах и кавернах разрушенной зоны не имело смысла.

Птеран с трудом пролез между горой камней и выщербленным зубастым потолком, завис над глубоким провалом, разорвавшим тоннель. За провалом начинался ряд пузырчатых камер, похожих на полости, проделанные во льду текущей водой. Затем Влад разглядел на стенках камер шлаковые наросты, принюхался к невыветрившимся запахам серы, железа, гудрона, метана, сероводорода и понял, что по коридору действительно когда-то мчался поток жидкости, только не воды, а магмы. И этот поток имел выход, в противном случае коридор был бы закупорен пробкой остывшей лавы.

Влад сосредоточился на сенсинге и обнаружил впереди огромную полость в форме груши, в которой вполне могла бы уместиться гора, такая, например, как Единорог. Не раздумывая, он направил птеран в ту сторону, миновал ряд каверн, соединенных узкими протоками, и оказался внутри полости, из которой ответвлялись проходы: два боковых, ведущих в толщи пород, и один вертикальный, венчающий более узкий конец грушевидного объема.

«Кажется, мы попали в остывший вулканический, – предположил Нестор. – Где-то наверху стоит вулкан, а здесь когда-то кипела магма. Пойдем вверх?»

«А что нам терять? – отозвался Влад. – Будем искать жерло вулкана. Не найдем – вернемся назад и станем пробиваться силой».

«Мы можем спрятаться и переждать…»

«Чего ждать? Пока наши преследователи не взорвут шахту? Я и так жалею, что послушался тебя. Надо было начинать бой сразу, как только они себя обнаружили. Маневр и внезапность были на нашей стороне».

«Не кричи на меня, – обиделся терафим. – Я только даю советы. Что делать, решаешь ты сам».

«Извини, – примирительно сказал Влад, мысленно погладив Нестора по спине, словно он был кошкой. – Я досадую на себя. Как ты думаешь, наверху нас не ждет засада?»

«Ты же интраморф, – удивился терафим. – Разве интраморфы уже не обладают способностью погружать собственное индивидуальное сознание в поле сознания космоса? В крайнем случае – планеты? Выйди туда и посмотри вокруг».

Влад засмеялся:

«Я просто хотел помириться».

Нестор тоненько хихикнул:

«Я на людей не обижаюсь».

«Я тоже», – снова засмеялся кладоискатель, и терафим присоединился к нему, словно в действительности был живым разумным существом, понимающим юмор.

Птеран поднялся к потолку грушевидной полости, проник в тоннель, по которому когда-то вверх текла жидкая лава, и начал подъем. Через час он преодолел все изгибы двухкилометрового рукава и оказался в кратере вулкана, похожем на тот, где едва не нашел свой конец афроид Уанкайова. Впрочем, оглядевшись повнимательней, Влад обнаружил знакомый уступ, затем туманное облако над горой и понял, что это и в самом деле тот самый вулкан, торчащий посреди бухточки в форме подковы, в одном из фиордов которой пряталась древняя атомная подводная лодка.

«Ну что, все тихо?» – поинтересовался Нестор, порхая по кабине птерана полупрозрачной бабочкой.

Влад тихонько высунул голову в пси-поле, осмотрел горизонт, наткнулся на чью-то ауру, отпрянул, но тут же вернулся, заметив знакомые линии ментального свечения. Аура принадлежала Уанкайове, мутант находился где-то поблизости, на острове, больше никого в радиусе десятка километров сенсинг-сфера Влада не нащупала.

Птеран поднялся над срезанной верхушкой вулканического конуса, окунулся в туман. Однако белесая пелена не помешала видеть свечение мысленной сферы афроида, и вскоре Влад обнаружил его лодочку, а затем и самого Уанкайову, возившегося на корпусе подводной лодки. Мутант грузил в свою посудину продукты и не удивился, заметив птеран Влада. Дружески подал руку, когда тот спрыгнул на волдырь рубки атомохода.

– А у меня для тебя сообщение.

– Какое сообщение? – с недоумением вытаращился на афроида Влад.

– Буквально час назад меня посетила интересная молодая дама в сопровождении трех богатырей и оставила вот это. Велела передать тебе, когда появишься.

Уанкайова протянул кладоискателю сверкающую, как драгоценный камень, пуговку.

– Эта штука называется фрейм[20]. Клади его на ладонь и мысленно попытайся открыть.

Влад осторожно взял пуговку фрейма двумя пальцами, погрузил в нее взгляд, и драгоценная капелька всосалась в пальцы легким дымком. В сознании молодого воина образовался светящийся овал, развернулся слоганом: бездна космоса-звезды-одна стремительно приближается, превращается в планету-горное плато-скала-силуэт космического корабля-женская фигурка-лицо старика, похожего на учителя. И тут же в голове зазвучал голос Ванессы, женщины-геянки, с которой Влад встречался уже дважды:

«Эрм, я жду тебя на берегу залива Нерпичья губа. Поторопись».

Видение перед внутренним взором кладоискателя пропало, голос умолк. Запись фрейма закончилась.

Влад оторопело посмотрел на невозмутимое коричневое лицо Уанкайовы.

– Больше она ничего не передавала?

– Сказала только, что тебя скоро ожидает встреча с учителем. А что? Что-нибудь не так? Плохие известия?

– Не плохие, – пробормотал Влад, стесняясь сказать, что он вовсе не ждал от незнакомой геянки каких-либо известий, – странные.

– Где успел побывать? Нашел что-нибудь полезное для общины?

– Систему тоннелей, – нехотя признался кладоискатель, ломая голову, зачем он понадобился Ванессе и почему ради этой встречи надо спешно лететь на материк. – Их строили не люди…

Афроид внимательно заглянул в глаза своему спасителю.

– Их строили гиганты-борейцы. Я тоже нашел эти тоннели. А больше ты ничего не обнаружил?

– Времени не было, – отвернулся Влад, краснея, не желая рассказывать о своем бегстве от неизвестной четверки преследователей. – Спасибо за передачу.

– Не за что. Посидишь со мной? Кают-компания внутри этой железяки вполне комфортабельная, уютная.

– К сожалению, мне надо торопиться.

– Что ж, вольному воля. Надеюсь, еще свидимся.

Влад забрался в кабину птерана, поднял аппарат над островом, унося в душе взгляд афроида, умный, сочувствующе-иронический, доброжелательный, и подумал, что этот человек гораздо глубже, чем кажется с виду.

«Люди, что передали послание, – задумчиво сказал Нестор, – не те ли, кто нас преследовал?»

Влад не ответил. Он был уверен, что это именно те люди: Ванесса и пограничники из ее отряда.

---

[20] Фрейм – минимальное описание какого-либо явления. В данном случае это свернутое пси-сообщение.

Горизонт раздвинулся, оставаясь далеким, размытым и туманным. Солнце засияло ярче, усеянное веснушками нагуалей. Океан, наоборот, потемнел, приобрел фиолетовый цвет и глубину, покрытый серебристой чешуей ряби.

Птеран повернулся носом к едва заметной серо-зеленой полосе материка на севере и устремился прочь от островов Борейского архипелага с его удивительно хорошо сохранившейся системой тоннелей, ждущей своих исследователей. Зашипел в оперении машины ветер.

Влад в нетерпении увеличил скорость до максимума, вдруг осознав, что в его жизнь вторгается нечто новое, совершенно неизведанное и значительное, что на человеческом языке всегда называлось двумя словами: подарок судьбы.

«Где я, а где завтра», – вспомнил Влад слова афроида.

Кто сказал, что вольному воля?..

ИНЦИДЕНТ

Схема называлась «Сбалансированный отряд охраны типа «эшелон». Зелеными звездочками на ней обозначались «боевые единицы» поддержки – телохранители первой линии защиты, синими звездочками – оперативники непосредственного отражения агрессии, желтыми – наблюдатели, серыми квадратиками – технические службы, соединенные со всеми членами отряда оранжевыми линиями. Командир отряда – «кобра» по терминологии контрразведчиков (командир обоймы риска) – также был связан со всеми членами отряда через сеть «спрута» – компьютеризированную консортрацию. Объект охраны – «особо важная персона» – обозначался на схеме красным треугольником и при перемещении всегда оказывался в центре защитных линий.

«Остроумно, – подумал Горан, разглядывая схему, а потом видеокартинку к ней в объеме оперативного виома. – Давно надо было взять эти разработки предков на вооружение».

Следующим императивом подстраховки охраняемых лиц был штатный режим под названием «кольчуга». В этом режиме телохранителей задействовалось в два раза меньше, чем в «эшелоне», однако рассчитан он был отлично и перекрывал доступы к охраняемому объекту надежно. Не спасал он только от снайперского выстрела.

Трековые[21] императивы – дежурные режимы системы личной безопасности – были созданы специалистами еще до Катастрофы и переселения людей на Гею, а именно – после появления Конструктора. Во времена войны с ФАГом они приобрели законченную форму и применялись весьма успешно, судя по тем документам, которые оказались в распоряжении претора ОКО, а потом и у комиссаров. Горан кое-что знал и до этого, как потомок рода интраморфов, но в полном объеме документацию сектора контрразведки читал впервые.

«Императив «носорог», – высветилось в виоме название следующего режима. – Разработан для группы, отвлекающей на себя основные силы противника. Предназначен для сознательной «засветки» членов группы с последующим переходом в императив «змея».

Горан хмыкнул, полюбовался на схему взаимодействия сил безопасности по императиву «носорог», затем просмотрел примеры применения императива, одним из которых было участие синклита старейшин Правительства Земли в войне против ФАГа. Старики-интраморфы тогда приняли на себя удар эмиссаров ФАГа, потеряли много друзей, но не дрогнули, выдержали бой и перешли в контратаку.

На столе замигал зеленый глазок вызова.

Горан включил канал связи. Вспыхнул виом консорт-линии, на комиссара СОБ глянули глаза Ауриммы.

– Все уже собрались. Ждем официальных лиц и тебя.

[21] Трек – тревожный канал спасательных и спецслужб.

– Иду, – отозвался комиссар безопасности, давая команду «Умнику» свернуть оперативное поле компьютерного манипулирования.

Ауримма звал его на официальное представление нового претора ОКО, назначенного на место погибшего Цамцоя. Гибель претора потрясла всю службу, но больше всего тех, кто стал участником секретной разработки отдела контрразведки, которые с этой минуты тоже становились объектами охоты неведомого противника. Убийцы знали о намерениях Цамцоя и нанесли упреждающий удар, что говорило об их колоссальной осведомленности и оперативности. Остальным членам инициативной группы следовало теперь вести себя гораздо осмотрительней.

Однако на Горана смерть претора подействовала, как пощечина. Он вдруг понял, что опасность реальна, что опасения Цамцоя имеют под собой все основания и что бороться с неведомой силой, получившей название Ползучий Террор, просто необходимо. Эксперт, способный найти и правильно проанализировать создавшееся положение, был необходим как воздух, но Горан уже знал, где его искать. Ценную идею подал старик-землянин Дивий, с которым комиссары встретились после похорон Цамцоя в колумбарии Центрального Нома.

Горана все еще грызли сомнения насчет необходимости восстановления службы контрразведки, поэтому он начал встречу с вопроса: не проще ли обязанности контрразведки возложить на один из уже существующих в ОКО секторов? Ведь сектор СОБ, то есть служба общественной безопасности, не только заботится о здоровье общества, но и занимается оперативно-разыскной работой.

Ответил Дивий:

– Новый сектор должен заботиться не о безопасности общества, но о безопасности личности. Между этими понятиями есть существенная разница.

– Это какая же? – осведомился Ауримма, мрачный, колючий, настроенный скептически ко всем предложениям землянина.

Дивий печально посмотрел на комиссара пограничной службы, зная, что его слова могут быть истолкованы неверно:

– Человечество Геи деградирует, дорогой мой комиссар. Оно уже больше ничего не создает, только пользуется тем, что было создано тысячу и более лет назад. Оно скатилось с высот знания в мрак суеверий и пустого времяпрепровождения, постепенно приближаясь к стайному состоянию.

– Можно подумать, на Земле происходит не то же самое, – скривил губы Ауримма, взглядом призывая Горана присоединиться к нему.

– На Земле люди ушли от образования стай и племен и исповедуют принцип всестороннего развития личности. Нам идти еще далеко, но уже виден свет в конце тоннеля. Общество Геи все больше привыкает к понуканию и стадному образу жизни, к бессмыслице желаний и поступков. Лозунг правления на Гее: «Государство, Империя – это все! Личность – ничто!» А ведь человечество это уже проходило в двадцатом и двадцать первом веках. Я понимаю, ты не интраморф и воспитан на неприятии паранормальных способностей у людей, которые дают им свободу воли, но, кроме того, ты умный человек, комиссар, и должен понимать, кто виноват в создавшемся положении.

– Я нормально отношусь к интраморфам, – буркнул Ауримма. – Но вы, на мой взгляд, их слишком идеализируете. Мои пограничники довольно часто посещают Землю и знают тамошнее положение дел. Земляне ничем не отличаются от нас.

– Физически – почти ничем, психически – весьма сильно. Геяне привыкли опираться на технику, создающую любые комфортные условия для проживания, земляне – только на самих себя. Доля тех, кого вы называете паранормами, среди землян намного выше, чем среди переселенцев на Гею. У них уменьшился объем рассудочного поведения, расширилось понимание энергосвязей человека с космосом, увеличилась роль интуиции…

– Хорошо, хорошо, – поморщился Ауримма, – не стоит продолжать петь дифирамбы землянам, они далеко не ангелы и способны драться за власть так же, как и мы. К тому же у вас развелось немало кочевых банд, по сравнению с которыми наши преступники кажутся овцами.

– К сожалению, ты прав, сынок. Но этап буйного роста кочевых стай на Земле закончился, а вспышка патологически бессмысленных преступлений в последнее время совпадает с увеличением безжалостных преступлений на Гее. Что указывает на какой-то целенаправленный процесс, затрагивающий все челове-чество, и земное, и внеземное.

– Не вижу связи…

– И не увидишь. Процессы, продолжительность которых существенно превышает время наблюдения, воспринимаются как неуправляемые. Твой коллега прав. – Волхв посмотрел на молчащего Милича. – Первая задача новой службы – определение того, что происходит. А для этого нужен очень сильный эфаналитик, причем желательно – интраморф. Надеюсь, ты не обидишься на это пожелание? – Взгляд из-под седых бровей на насупленное лицо Ауриммы. – На Гее таких не найти, надо искать на Земле.

– Но ведь среди землян нет эфаналитиков… – начал было комиссар пограничной службы.

– На Земле остались потомки файверов, – пояснил свою мысль Дивий. – Они неохотно идут на контакты, однако попытаться выйти на них стоит.

– Этим тоже будут заниматься наши ходоки? – встрепенулся Горан.

– Информационный поиск веду я, физический могут выполнить и они. Или у тебя есть другие предложения?

– Эту работу надо проделать как можно быстрей.

– Я согласен. – Дивий посмотрел на Ауримму. – Принципиальные возражения есть?

– Нет, – хмуро ответил комиссар СПС.

Идея, поданная землянином, действительно оказалась весьма ценной, и Горан увлекся ею, мысля уже категориями контрразведки и взвалив на свои плечи груз ответственности новой должности. У него появился стимул – лично найти причины Ползучего Террора. Расстраивало комиссара лишь упрямство Ванессы, бросившейся сломя голову в водоворот событий с непредсказуемыми последствиями. Уверенность землянина Дивия в способностях его ученика, предложенного вторым кандидатом в ходоки, на Горана впечатления не произвела. Опасность, грозящая обоим, была слишком велика, а результативность их миссии казалась слишком спорной.

Официальная церемония представления нового претора ОКО шестерке комиссаров секторов прошла без обычных торжественных речей и перечисления заслуг кандидата. Представлял его министр контроля общественных связей, а претором стал пятидесятилетний заместитель директора Управления аварийно-спасательной службы Асур Вариг, успевший до этого назначения поработать во всех властных структурах. Перед своей последней должностью в УАСС он числился советником премьера Правительства по вопросам безопасности. Интраморфом, судя по его поведению, он не был.

После знакомства с комиссарами Асур Вариг произнес дежурные фразы, поблагодарил представителя Правительства за оказанную честь, пообещал своим подчиненным сделать все возможное, чтобы, во-первых, найти и покарать убийц Цамцоя, а во-вторых, превратить службу ОКО в суперподразделение, не только быстро реагирующее на преступную деятельность, но и предупреждающее преступления.

– А для этого нам надо создать внутри службы новый сектор, – закончил он. – Сектор внутренних расследований и разведки. Надеюсь, вы понимаете целесообразность данного шага?

Комиссары переглянулись. Горан прочел в глазах Ауриммы веселое недоверие, кивнул в ответ. Неожиданное решение нового претора было на руку заговорщикам, создающим свой сектор контрразведки. Но все же совпадение замыслов Цамцоя и Варига впечатляло.

– Подумайте над моим предложением, – продолжал Асур Вариг, худой, высокий, с шапкой рыжих волос и костистым лицом, на котором выделялись буквально все детали: крупные губы, длинный нос, мощные брови, пронзительные черные глаза. – Когда исчезают молодые девочки и даже зрелые женщины – это одно, а когда убивают руководителя такой организации, как ОКО, – это совсем другое. С таким положением дел мириться нельзя. Кстати, насчет пропавших без вести женщин. Чей сектор занимается этой проблемой?

– Мой, – встал по стойке «смирно» Горан.

– Сидите, комиссар. Вы уже вышли на их след? Я имею в виду похитителей. Есть какие-нибудь идеи, мысли, решения?

– Пока нет. Но поскольку ни одна из пропавших женщин не найдена… убитой, причину их исчезновения следует искать не только в криминально-уголовной плоскости. Возможно, их похищают.

– Зачем?

– Вариантов много, аналитики сектора работают над ними.

– А как вы объясняете нападения на ученых и пограничников?

Горан встретил красноречивый взгляд Ауриммы, помедлил.

– Ответа на этот вопрос у меня нет.

– У меня тоже, – добавил комиссар погранслужбы. – Сектор потерял уже двенадцать человек и три погранзаставы. Кто-то буквально отстреливает пограничников, в особенности тех, кто контролирует дальние границы Империи, но объяснить действия террористов мы не в состоянии. Возможно, это как-то связано с новым явлением – сближением Стенок Космориума?

– Каким образом?

– Не знаю.

– Очень плохо, что не знаете! Обязаны знать! Это касается и вас, комиссар Милич. Медленно работаете, хотя вы и интраморф. Я вижу, Цамцой, светлая ему память, не спрашивал с вас так, как следует. Я буду требовательней. Гибнут люди, и мы должны положить этому конец. Даю вам сутки на разработку концепций и планов работы секторов. С этого дня мы переходим на режим повышенной готовности. Возражения есть?

– Концепции и планы у нас разрабатывают стратеги, – не выдержал Ауримма. – Погрансектор не имеет собственных стратегических аналитиков, только оперативно-тактических.

– Заведите. – Асур Вариг встал, показывая, что совещание закончено. – Прошу поторопиться с предложениями по новому подразделению.

Комиссары дружно встали и вышли из кабинета претора.

– Как тебе новый начальник? – спросил Горана комиссар информационного сектора Лемье, когда они шли по коридору Управления к лифту. – Не круто берет?

– Он прав, – отозвался Милич. – Пора вводить чрезвычайное положение. Мы на пороге каких-то событий, которые надо встретить во всеоружии.

– Извини, Иван. – Ауримма догнал комиссара стратегического сектора. – Я не хотел тебя подставлять.

– Все в порядке, – рассеянно отозвался Иван Троянов, единственный из всех комиссаров не признающий официальной формы. – Ты был прав.

Троянов был воплощением былинного богатыря: два с лишним метра ростом, косая сажень в плечах, русые волосы, пшеничного цвета усы и бородка. Из комиссаров ОКО он, опять же, был единственным профессиональным спортсменом-хоккеистом и продолжал играть до сих пор. Горан иногда жалел, что Иван не интраморф, хотя и без того относился к нему подружески.

– Но и господин Асур Вариг тоже прав, – продолжал Троянов. – Мы перестали работать на упреждение. Требуется новая стратегическая концепция работы всей службы.

– Вот вам и карты в руки, – хмыкнул Ауримма.

– Мы не боги, – посмотрел на него Троянов, – и даже не интраморфы. Класс эфаналитиков высокого уровня выродился, надо воспитывать новых, а времени у нас, судя по всему, нет. Кстати, вы знаете, что Правительство завело картотеку на вероятных лидеров и кандидатов на высшие властные посты?

Он вошел в кабину лифта, улыбнулся, глядя на вытянувшиеся лица коллег: сектор стратегических исследований находился двумя этажами ниже, в то время как сектора СОБ и СПС располагались в верхних этажах пирамиды Управления.

– Что ты этим хочешь сказать? – нахмурился Ауримма.

– Только констатировал факт. В список лидеров входил и Цамцой. – Троянов прищурился. – Там есть и мы. Думайте, комиссары.

Дверь лифта закрылась и через несколько секунд открылась вновь: подошла пустая кабина.

– На что он намекал? – спросил комиссар информсектора.

– Он не намекал, – качнул головой Горан. – Иван указал на возможную причину ликвидации Цамцоя.

– Ничего не понимаю.

– Потом поймешь. – Ауримма зашел в лифт, увлек за собой Милича. Дверь лифта закрылась, отрезая подходивших к лифту комиссаров СКС и СПАС.

– Какое отношение имеет картотека лидеров к нашим проблемам? – спросил Ауримма, выходя на своем горизонте здания. – К росту преступности? К похищениям женщин? К сближению Стенок Космориума, наконец?

– Может быть, никакого. – Горан подумал. – А может, самое прямое. Будем размышлять, ничего другого нам пока не остается.

– Как ты отнесся к предложению Варига?

– В данный момент оно не мешает нашим планам. Можно будет работать параллельно.

Свет в коридоре, ведущем в сектор погранслужбы, померк. Ауримма оглянулся на стеклянную стену коридора, сквозь которую была видна панорама Центрального Нома – сплошной технологический пейзаж самых разнообразных архитектурных форм, ограниченный близким горизонтом. Горан тоже кинул взгляд на небо, хотя то, что произойдет, почувствовал заранее. Наступило очередное «малое» нагуалезатмение, между Солом и Геей проходило скопление нагуалей, перекрывающее световой поток.

– Меня до сих пор интересует вопрос, – проговорил Ауримма. – Как нашим предкам удалось найти в Галактике эту нишу, почти свободную от нагуалей?

– Им помогли, – коротко ответил Милич.

– Кто?

– Ты не проходил в школе историю Конструктора?

– Я заканчивал имперский лицей, в программе которого не было предмета под названием «История Конструктора».

– Подними архивы, полистай, это очень интересная информация. Она может нам здорово пригодиться в дальнейшем. А помогли нашим предкам Игроки, тот же Конструктор, хотя это и не компенсировало наши потери. Нагуали же убрать не смог и он.

– Почему?

– Насколько я помню историю, нагуали в нашей части Вселенной появились четырех типов: уровня микро – элементарных частиц, мега – планетарных объектов, макро – звезд и межзвездных пространств, и мета – уровня метагалактического домена. Так вот уничтожение нагуалей всех четырех уровней означало бы уничтожение всей нашей Метавселенной.

– Кажется, я знакомился с этой легендой, но давно. Попробую воскресить ее в памяти. А ты неплохо знаешь физику явления. Специально изучал?

Горан хотел сказать, что вся эта информация передается по родовой памяти интраморфов, но вместо этого ответил:

– Специально.

– Ладно, еще поговорим на эту тему. До вечера.

– Секунду, – остановил Горан комиссара погранслужбы. – От Ванессы не поступало сообщений?

Ауримма, знавший об отношениях своей подчиненной с комиссаром сектора общественной безопасности, хотел пошутить, но глянул на его бесстрастное твердое лицо и отказался от намерения.

– Она сейчас на Земле, вместе с командой даль-разведчиков. Дивий выводит ее на второго ходока. Скоро они должны появиться на Гее.

Горан кивнул и включил лифт мысленным усилием. Через минуту он входил в свой кабинет, где его терпеливо ждал заместитель. А еще через полчаса по треку службы пришел сигнал тревоги: в системе Сола появился неизвестный спейсер и открыл огонь по исследовательской станции, физики которой изучали нагуали.

Станция независимых научных исследований «Сольвейг» представляла собой шесть пересекающихся в одном центре ферм с модулями лабораторий на концах. Фермы не только соединяли центральный жилой блок станции с модулями, но и служили своеобразными аллеями для прогулок молодежи, которой в последнее время среди населения исследовательского комплекса становилось все меньше и меньше. Молодые люди все реже посвящали свою жизнь науке, предпочитая сферу обслуживания, сферу развлечений с ее изощренной техникой виртуальной реальности и социальные институты, помогающие добраться до ступенек властной лестницы.

Станция располагалась в двух миллионах километров от Сола, возле самого большого в системе скопления нагуалей размером около четырех тысяч километров. Скопление в последние несколько лет стало видимым, и теперь, вблизи, с расстояния всего в сто километров, напоминало ажурный сросток ледяных глыб, кристаллов и снежных торосов, все острые и длинные вершины которых были ориентированы в одну сторону – на центральную звезду системы. В принципе нагуаль и Сол были каким-то образом связаны и зависимы друг от друга, потому что за всю историю переселенного человечества нагуаль ни на сантиметр не приблизился к светилу и не изменил ориентацию, будучи повернутым к нему одной стороной, то есть тысячами «ледяных» шипов, игл, лезвий и ребер. По классификации, предложенной учеными еще до Катастрофы, данное нагуалескопление принадлежало к третьему классу нагуалей, связанных с объектами макроуровня типа звезд. К счастью, в системе Сола таких зарослей выросло очень мало, всего два десятка, что позволяло людям путешествовать по космосу системы на обычных спейс-машинах с околосветовыми скоростями. За первую сотню лет после эвакуации с Земли разведчики системы угробили, конечно, немало кораблей, потеряли значительное количество людей, прежде чем выявили все нагуали и составили объемную карту нагуалей, зато теперь о столкновениях с «колючими репьями чужих Законов» можно было не думать. Инк-пилоты летающей космической техники геян легко обходили невидимое Ничто, зная координаты всех «колючек». Правда, объем свободных полетов по системе был невелик, ограниченный сферой диаметром в три астрономические единицы – около четырехсот пятидесяти миллионов километров. За границей этой сферы количество нагуалей возрастало, и спейс-навигация становилась чересчур рискованной и опасной.

Чужой звездолет появился возле Сола абсолютно неожиданно для постов контроля, обозревающих всю систему, что говорило о его принадлежности к спейс-машинам «струнных» формул. Он не приближался к границам системы со стороны, а сразу «протаял» внутри ее.

Погранпост возле нагуаля, служащий как бы защитной базой станции «Сольвейг», хорошо разглядел корабль, форма которого была далека от всех форм спейсеров, когда-либо

созданных людьми. Больше всего чужой корабль напоминал древнего динозавра-диплодока: к огромному, двухкилометровому в поперечнике, эллипсоиду тела прикреплялась гибкая и длинная – не меньше полутора километров длиной – голова с кучей светящихся деталей, и все это сооружение, не признающее законов инерции и гравитации, мгновенно меняющее курс при сближении с нагуалями, то раскаленное до миллионов градусов, то остывающее до температуры безвоздушного пространства, несмотря на допотопность и размеры – таких огромных и конструктивно зависимых машин человечество давно не строило, – казалось исключительно хищным и опасным. И это впечатление ни наблюдателей, ни сотрудников ОКО не обмануло. В системе появился самый настоящий хищник!

Он рыскал вокруг нагуаля недолго, словно принюхивался к нему и осматривался, оценивая защитные силы космических объектов человечества, затем нанес два быстрых удара – по станции и по скоплению экспериментальных установок на теле нагуаля.

Выглядела его атака необычно: «диплодок» поворачал своей странной чешуйчатой головой на длиннющей змеиной шее, выдвинул из себя светящийся язык, с языка сорвалась почти невидимая «водяная» капля, вонзилась в один из модулей станции, похожих на стометровые пупырчатые огурцы, и на месте модуля возникла туманная сфера, которая через мгновение растаяла вместе с модулем. Точно так же исчезли в никуда и установки физиков вместе с грузовиком, доставлявшим оборудование, и работавшими в приборных отсеках людьми. После этого чужой спейсер повернулся к нагуалю «спиной» и атаковал погранпост, от которого в результате осталась лишь часть зала визинга.

Неизвестно, каковы были дальнейшие намерения агрессора, не появись возле нагуаля спейсеры СПАС-службы, отреагировавшие на сигнал тревоги с похвальной оперативностью. Чужак, заметив три проявившихся в пространстве октаэдра с ощутимыми запасами энергии внутри, крутанулся вокруг оси, будто выцеливая приближавшиеся корабли, но затевать драку не стал. Голова чужого спейсера засветилась ярче, затем погасла, как бы проваливаясь в бездну мрака, и в эту бездну утянуло и шею, и бурдюкообразный корпус корабля. Через мгновение он исчез.

Оторопевшие спасатели и пограничники, прибыв к месту происшествия, разглядывали «обкусанную» неизвестным воинственным пришельцем иссследовательскую станцию и молчали. Человечество не воевало ни с кем более тысячи лет, если не считать конфликтов между отдельными группами людей за право обладания той или иной территорией в системе Сола, и инстинкт самосохранения был им почти утерян. До такой степени, что никто не верил в возможность прямой агрессии по отношению к цивилизации в целом. Нападение чужого корабля на поселения геян в космосе в непосредственной близости от родной планеты заставило всех вспомнить времена войны с ФАГом, хотя причин новой конфронтации не видел никто.

Горан Милич появился на станции, подвергшейся нападению, спустя двадцать минут после получения сигнала тревоги, когда пришельца уже и след простыл. Вместе с ним прибыли еще два комиссара ОКО, ответственные за наведение порядка внутри системы: Ауримма и Витторио Корев, комиссар сектора кризисных ситуаций, сын которого – Даниэль – служил в Даль-разведке под командованием Ванессы Дарьяловой.

Станция представляла собой потревоженный пчелиный улей: персонал, осознавший, что произошло, метался по коридорам и каютам жилого блока, пытаясь собрать личные вещи и через метро эвакуироваться на Гею, работники тревожных служб, наоборот, десантировались из метро на станцию, сталкиваясь с бегущими людьми, и прошло немало времени, прежде чем встречные потоки упорядочились и паника улеглась. В зале визинга станции комиссары ОКО встретились с руководителями исследовательского комплекса, толком ничего не знавшими, просмотрели запись атаки, сделанную погранпостом и аппаратурой станции, и убыли на Гею, в Управление. На станции им было делать нечего. Никто не понимал причин внезапного нападения, и никто никогда не видел такого космического корабля. Зацепиться можно было

только за единственный достоверный факт: пришелец уничтожил именно тот модуль, в котором группа ученых, изучавших нагуали, вплотную подобралась к экспериментальной проверке теории квантовой зеркальности. Хотя и в других модулях ученые занимались не менее интересными экспериментами: ориентацией «колючек», полевыми взаимодействиями, влиянием на «колючки» кварк-глюонных струй, изучали причины видимости нагуалей.

– Это не первая попытка ликвидации ученых, работающих с нагуалями, – сказал Ауримма, когда комиссары собрались в кабинете Милича. – На погранзаставе «Сокол» работал известный физик Иштван Кара. Его убили вместе со всей семьей пограничников, а заставу взорвали. Мы узнали об этом, потому что кабина метро каким-то чудом уцелела. Сохранившиеся записи Кары говорят, что он был близок к разгадке нагуалей и тоже работал с теорией зеркальности мира.

– Кроме Кары, убиты еще двое универсалистов, изучавших нагуали, – добавил Корев, седой, красивый, с величественно-выразительным взглядом; в его роду были и интраморфы, поэтому не стоило удивляться, что сын у него тоже родился интраморфом. – Создается впечатление, что кому-то очень не хочется, чтобы мы изучали «колючки» чужих Законов.

– Дело не просто в изучении, – сказал Горан. – Мы изучаем нагуали уже десять столетий, и до этого времени никто за учеными не охотился. Видимо, мы действительно близки к решению проблемы нагуалей, поэтому сработал какой-то закон-регулятор состояния нашего космоса.

– Ограниченного Стенками Косморіума.

– Что творится за Стенками, нам неведомо. Зато мы знаем, что они начали сближаться, причем примерно в то же время, когда начался Ползучий Террор. А нынешнее нападение на исследовательский центр и вовсе напрямую подтверждает гипотезу, что в контролируемой нами зоне Косморіума начался некий процесс, последствиями которого и являются перечисленные происшествия.

– По-моему, ты ошибаешься, обобщая столь разнородные события, – бросил на Горана скептический взгляд Корев. – Что может быть общего между Стенками Косморіума и убийством ученых? Тогда уж прибавь сюда и пропажу девушек, и бандитизм, и кражу «мертвяков» из Чужой, и вспышку суицида среди нихилей.

– Возможно, и между этими процессами существует связь, – поддержал Горана озабоченно-мрачный Ауримма. – Кто-то от нас что-то хочет, с этим надо срочно разбираться, создавать комиссию… – Он посмотрел на Милича и замолчал.

– Да кому мы нужны? – удивился Корев. – Твои даль-разведчики давно шастают по космосу, они хоть кого-нибудь нашли, живого и разумного? Только следы былого присутствия разума. Мы давно отказались от космической экспансии, никому не мешаем, никуда не лезем. А если и разрабатываем планы заселения, то лишь своей бывшей родины, Земли. Уже давно нет тех, с кем мы воевали когда-то, и тех, кто нам помогал… Или я чего-то не знаю? – Комиссар сектора кризисных ситуаций подозрительно посмотрел на Ауримму. – Может быть, пограничники от нас что-то скрывают?

– Ничего мы не скрываем, – поморщился комиссар погранслужбы. – Но космос велик, и вполне возможно, в глубинах домена прячется не одна цивилизация, о которой мы ничегошеньки не знаем.

– Может быть, вернулись каймаиоиды?

Горан внимательно посмотрел на Корева. Комиссар СКС помнил, что тысячу лет назад каймаиоиды, или, как их называли иначе, каймаиолюди, выступили на стороне ФАГа.

– Вы изучали историю Конструктора?

– Нет, – внезапно смутился Корев, – но ее помнит мой сын. Он мне все уши прожужжал…

– Понятно. Я тоже помню. Но корабль, напавший на физцентр, отличается от всех типов кораблей, которые когда-либо участвовали в войне против ФАГа, в том числе от спейс-машин

каймановидов. Хотя ненамного. Корабли гуррах в те времена больше напоминали летающих змей.

– Тогда, может быть, чужане?

– Исключено, – покачал головой Ауримма. – Наши погранзаставы возле Чужой все еще работают. Чужане ушли из домена вместе с Конструктором. – Он подумал. – Ну, может быть, и не вместе. Но ушли. Точно так же, как и орилоуны, и Сеятели… – Комиссар погранслужбы вдруг замолчал, наморщил лоб, поймав какую-то мысль. – Коллеги, а не попытаться ли нам отыскать наших бывший союзников – Серых призраков?

– Сами справимся, – махнул рукой Корев. – Если ваши «серые привидения» за тысячу лет не удосужились напомнить о себе, то можете быть уверены: Космориум их не интересует. Кто будет докладывать о нападении и о принятых мерах претору?

– Ты и доложи, – предложил Ауримма. – Скажешь Варигу, что мы преследуем агрессора.

– Вряд ли он поймет ваш юмор, – усмехнулся Корев, выходя из кабинета.

Горан и Ауримма посмотрели друг на друга.

– Возьмем его в свою команду? Вместе с сыном.

– Пожалуй, но надо к нему присмотреться. Меня беспокоит другое: выстраивается очень странный ряд событий, которые связываются одним, но очень убедительным действием – ликвидацией. Ползучий Террор затрагивает лишь тех, кто пытается изменить существующий порядок вещей. Понимаешь? Развертка нагуалей, наблюдение за Стенками Космориума, выход на Землю, создание контрразведки…

– Ты хочешь сказать, очередь за нами?

– Я хочу определиться. Я хочу возродить кое-какие штатные режимы подстраховки и охраны, разработанные еще до Катастрофы, есть очень интересные находки. В ближайшее время они нам существенно облегчат жизнь.

– Меня охраняют мои ребята…

– Это не тот уровень, Исхар. Претора тоже охраняла целая смена телохранителей. А мы с тобой не зря попали в правительственную картотеку потенциальных лидеров.

– Хорошо, ты меня почти убедил. Надо ускорить создание контрслужбы, пока нас не отстреляли, как зайцев. События нарастают лавиной. У тебя нет соображений, что за агрессор появился в системе? Если это не спейсер каймановидов, то чей? Наш домен беден на цивилизации.

– Во-первых, этот тезис спорен, до Катастрофы мы сумели изучить лишь ничтожную долю пространств домена. Во-вторых, на стороне ФАГа сражались представители еще одной цивилизации – джезеноидов, называвших себя Победителями, или Добивающимися Цели.

– А это еще что за уроды?

– Эмиссар ФАГа в Солнечной системе был джезеноидом и носил имя Джезенкуир – Добивающийся Милости.

Ауримма хмыкнул:

– Весьма симптоматичное имя. Ты думаешь, это был их корабль? Но что ему было нужно? Зачем он напал так открыто? Это что – объявление новой войны?

– Не знаю, – тихо сказал Горан, прислушиваясь к шуршанию пси-эфира. Показалось, что за ними наблюдают не только со стороны, но и изнутри, прямо из молекул и атомов тел. – Даль-разведку надо активизировать для поиска джезеноидов, да и каймановидов тоже. Надо убедиться, что это не они открылись нам сегодня.

– Прямые спейс-походы по «струнам» запрещены.

– Найди обход закона. Я понимаю, что это сопряжено с риском гибели разведчиков, но, боюсь, у нас нет другого выхода.

– Надо срочно посылать в поиск ходоков. Пока еще не все станции метро под контролем террористов. Держись, интраморф. – Ауримма с мрачной улыбкой пожал руку Горану. – Живы будем, не помрем.

Горан остался в кабинете наедине с рабочим столом, пульсирующим разноцветьем огней: комиссара общественной безопасности разыскивали по крайней мере полсотни человек, и инк-секретарь с трудом сдерживал этот натиск. Полюбовавшись на золотое око Сола над зубчатым горизонтом, он сел за стол и окунулся в рабочую суету сектора, требующую его непрерывного участия и вмешательства.

Поздним вечером он возвращался домой в сопровождении советника и не удивился, заметив за собой слежку.

ТВОЯ ЗАДАЧА – ЗВЕЗДЫ

В течение всего перелета на материк Влада не покидало ощущение, что за ним наблюдают из космоса внимательные глаза. И лишь подлетая к обрывистому берегу Нерпичьей губы, где располагалось стойбище людей-тюленей, кладоискатель понял, что это эффект пси-локации. Кто-то тихо, на пределе чувствительности пси-локатора, пытался определить его координаты по излучению мозга, стараясь не привлекать к себе внимания. Первым сообразил это терафим, кроме секретарских и анализаторских обязанностей исполнявший функцию пси-защитника хозяина, который и поделился с Владом своими ощущениями:

«Меня все время кто-то трогает. Уж не ищут ли нас в ментальных полях?»

Тут и Влад наконец поймал пси-взгляд следящего устройства, позволивший сделать вывод о локации. Этот «взгляд» не принадлежал человеку, работал какой-то аппарат, использующий принципы интерференции торсионных полей, а кому он принадлежал, узнать было невозможно, торсионная волна была слишком малошумящей. В одном был уверен Влад: на Земле таких локаторов не существовало. Возможно, он принадлежал пограничникам с Геи.

Птеран достиг берега, поднялся над обрывом плато. Влад сосредоточился на сенсинге, медленно ощупывая горный ландшафт своим собственным пси-локатором. В двух десятках километров зашевелилось что-то живое – внутреннее зрение отметило это в форме пульсации цвета участка плато со скалами, – и Влад повернул аппарат в ту сторону. Солнце переместилось влево. Влад бросил взгляд на серо-стальной океан, оставшийся позади, и невольно вспомнил глаза Ванессы, цвет которых был точно такого же оттенка. И тотчас же в сознании кладоискателя развернулся слоган пси-речи: летящая в темно-фиолетовом небе птица-еще одна, летящая ей навстречу-столкновение-солнечный диск, превращавшийся в белый круг, и на этом фоне – две птицы, трансформирующиеся в две рыбы, белую и черную, – знак тайцзиту.

Слоган растаял. Послышался тихий женский голос:

«Задерживаешься, воин. Мы ждем тебя больше двух часов».

«Я не служу в геянской погранслужбе, – не очень вежливо ответил Влад. – Что вам от меня нужно?»

«Присоединишься к нам – поговорим. Ты правильно выбрал направление. Через полтора десятка километров увидишь ущелье, ныряй в него, на берегу ручья стоит наш куттер».

Влад не знал, что такое куттер, но понял, что речь идет о летательном аппарате. Увеличил скорость. Обрадованно мяукнул Секам, заждавшийся свободы. Терафим Нестор превратился в значок тайцзиту и прицепился к кафтану Влада.

Вскоре показалось ущелье, о котором предупреждал Влада голос. Птеран скользнул в расщелину, вышел над ручьем, берега которого заросли высокими папоротниками и хвощами, опустился на галечное поле возле летательного аппарата. Куттер был похож на серебристую двузубую вилку без единой детали, без щелей и отверстий. Но стоило Владу выйти из помятой кабины птерана, как в зализанной «ручке» «вилки» появилось отверстие люка, и на гальку

выпрыгнула знакомая женщина в мерцающем комбинезоне. За ней неторопливо вылез гигант Корев, небрежно придерживающий на поясе кобуру энергетического излучателя. На приветствие Влада он ответил кивком, расставил ноги и превратился в статую, всем видом показывая, что он отвечает за безопасность своего командира.

Из кабины птерана показался Секам, вопросительно глянул на хозяина, получил мысленное разрешение и одним прыжком вымахнул на берег ручья, потянулся, не обращая внимания на угрожающе пригнувшегося человека, с которым уже был знаком. Стал лакать воду.

Ванесса подошла к Владу, усмехнулась, увидев на его груди значок: две рыбы в круге – черная и белая. Сказала вслух:

– Поговорим, воин?

– Я бы хотел узнать, зачем вы меня позвали, – сказал Влад, прислушиваясь к шепоту кутхастхи[22], ответившему на доброжелательную ауру женщины. Возражать ей тут же расхотелось, второе «я» кладоискателя всегда отвечало адекватно на дружелюбное отношение.

– Пройдемся?

Влад без слов шагнул за Ванессой, направившейся вдоль ручья к группе живописных скал, похожих на полуразрушенный замок. Корев двинулся было за ними, но женщина мысленно бросила: «Останься» – и пограничник послушно остановился, зная непреклонный характер командира группы.

Влад и Ванесса вошли в тень стены ущелья, приблизились к скалам, и кладоискатель понял, что это и в самом деле разрушенная временем постройка из крупных каменных глыб.

«На этом месте когда-то стоял храм пустынников, – перешла на пси-речь женщина, наблюдая за Владом. – Потом его разрушили кочевники».

«Здесь еще что-то есть, я чувствую запах энергии».

«У тебя классная сенсинг-сфера, даже мне не удается почуять в ущелье хорошо защищенную энергоустановку. Здесь стоит станция метро. Знаешь, что это такое?»

«Я интраморф».

«Извини, я почему-то все время забываю об этом».

«Что ты хочешь от меня?»

«Большие начальники на Гее хотят, чтобы ты вместе со мной отправился на поиски интраморфов. На Гее, да и на Земле тоже, я ее хорошо изучила, сложилась тревожная ситуация, нужна команда, которая справилась бы с Ползучим Террором. Мы должны будем завербовать в команду воинов, способных остановить беспредел террористов».

«Я никому ничего не должен. Я не вербовщик, а кладоискатель, и у меня много дел на Земле».

«А если тебя попросят?»

«Кто?»

«Я, например». – Ванесса кокетливо и гордо улыбнулась.

Влад почувствовал волнение, отвернулся.

«Мой дом здесь, и моя задача – поиск кладов, от которых зависит жизнь общины».

«Ты ошибаешься, твоя задача – спасение человечества, как бы высокомерно это ни звучало. Твоя судьба – звезды».

– Я не уверен, – глухо ответил Влад.

«Не переходи на звук, – быстро предупредила его Ванесса. – Звуковые вибрации не только передают информацию, но и, в отличие от пси-связи, формируют на тонком плане канву конкретных событий, которые потом почти неумолимо реализуются в материальном мире. Учись говорить обтекаемо. Вот, почитай». – Она протянула Владу красивую жемчужину.

---

[22] Кутхастха – подлинное «я», та часть человеческого существа, которая чувствует себя дружелюбно по отношению ко всем, кто доброжелателен с нами (санск.).

Кладоискатель взял жемчужину, уже зная, что это фрейм, вдавил ее пальцем себе в висок и почувствовал всосавшуюся в кожу, в нервные окончания, в сознание струйку информации. Через мгновение он знал, с какой проблемой столкнулись люди на Гее.

Ванесса кивнула, понимая его чувства.

«Таково наше положение. Ты согласен?»

Влад не успел ответить. Тень в ущелье сгустилась, а небо над головой приобрело фиолетовый оттенок.

«Что это?» – удивленно посмотрела вверх собеседница кладоискателя.

«Обычное затмение», – равнодушно ответил Влад.

«Надо же, и у вас тоже наблюдается это явление! Сколько раз бывала на старушке-Земле, а сталкиваюсь с этим впервые».

Небо еще более потемнело, а потом произошло удивительное событие: половина небесного купола окрасилась в жемчужно-зеленый цвет, а вторая половина – в чисто-алый! Это случилось так неожиданно и выглядело так красиво, что Ванесса тихо вскрикнула. И тотчас же к ней бросился бдительный Корев. Остановился, недовольно ворча, когда она сделала отталкивающий жест. Он ревновал свою начальницу к Владу, и тот искоса посмотрел на лицо Ванессы, левая щека которой стала зеленой, а правая красной. Женщина, зачарованная небесным явлением непередаваемой красоты, оторвалась от созерцания неба, подмигнула Владу, передавая слоган, смысл которого сводился к фразе: у мужчин много забот, у Корева на одну больше, – и спросила:

«Что произошло? Что за явление природы?»

«Очень редкое, – признался Влад, сам завороженный чудесной метаморфозой. – Эндифракция. Свет от Солнца попадает на скопление нагуалей и преломляется».

По небу метнулся бесшумный голубой сполох, смешал краски, небо вновь приобрело глубокий синий цвет.

«У нас такого не бывает, – с какой-то странной завистью проговорила Ванесса. – Хотела бы я здесь жить… – Тон ее речи изменился. – Итак, воин, что скажешь?»

«Мне надо подумать».

«Вся сложность твоего положения заключается в том, что времени на размышления у нас нет. Надо отправляться в путь немедленно. Я даже на Гею не вернусь, стартую прямо отсюда».

«Мне надо подумать», – упрямо наклонил голову Влад.

«Да что ты его уговариваешь, мальчишку! – вмешался в разговор Корев. – Он просто трусит!»

«Даниэль, не суй свой нос, куда не следует! – резко осадила пограничника Ванесса. – Поднимись над ущельем, осмотри горизонт. Мне почему-то кажется, что мы здесь не одни».

Гигант нехотя повернулся и побрел к куттеру, скрылся в люке. Аппарат изменил очертания, перестал отражать свет и стал почти невидимым, затем прыгнул в небо.

«Обиделся?» – посмотрела на кладоискателя Ванесса.

«Нет», – коротко ответил Влад.

«Он готов был пойти со мной и бесится».

«Я понял».

«Как долго ты будешь думать?»

Кладоискатель поковырял носком сапога гальку. В душе он уже решил пойти с пограничницей в поиск, но мешало ощущение обиды, вызванной не столько словами Корева, сколько покровительственным тоном его начальницы. Влад не хотел подчиняться женщине.

Кто-то кашлянул за каменной стеной, и к разговаривающим вышел старик в серо-серебристом костюме с десятком нашивок на груди, на рукавах и на воротнике.

– Учитель! – пробормотал Влад.

«Не вслух, сынок. – Дивий кивнул Ванессе, подошел к Владу. – Как проходят переговоры?»

«Он просит время подумать».

«Этот парень не привык торопиться. Кроме того, он индивер и не любит работать под чьим бы то ни было руководством. Не так ли, витязь?»

Влад порозовел.

«Обещаю не ранить его самолюбие», – фыркнула Ванесса.

Дивий прищурился, разглядывая упрямое лицо ученика.

«Тебе придется решать сейчас, сынок. За это время, пока вы тут беседуете, в систему Сола вторгся чей-то звездолет и нанес удар по исследовательскому центру. Есть жертвы».

Ванесса побледнела, расширенными глазами глядя на старика.

«Кто-нибудь… кого я знаю?..»

«Ученые, персонал станции, смена пограничного контроля. Я не помню имен. Сейчас сюда прибудет комиссар Горан Милич, и ты уточнишь».

Ванесса вздохнула, как показалось Владу, с некоторым облегчением.

«Моих друзей среди них нет, но все равно это ужасно!»

«Такие вот дела, воин, – повернулся Дивий к Владу. – Не берусь утверждать, что нападение – дело рук террористов, проявивших себя в разных уголках нашей зоны контроля, но положение поганое. Тебе понадобится весь запас сил, умение настраиваться на иную реальность, навыки перехода из одного состояния в другое… короче, тебе предлагается не легкая прогулка по райскому саду, а смертельно опасный поход, из которого ты можешь не вернуться».

«Я понял, учитель. Но на Земле ведь тоже есть интраморфы…»

«Твоя задача – глубокий космос. Здесь я поработаю сам, и эта задача полегче. Так ведь и я не в том возрасте, чтобы скакать по звездам, как молодой козел».

Дивий улыбнулся, вызывая ответную улыбку Влада.

«Хорошо, я согласен. Однако староста ждет моего возвращения, я должен буду сообщить ему о своей отлучке».

«Что это еще за новости? Каким образом ты собираешься ему сообщать о своих маневрах?»

«У него есть торс-рация, он меня уже вызывал…»

Дивий потер подбородок ладонью, пытливо глядя на ученика, посмотрел на понимающе усмехнувшуюся Ванессу, снова на Влада.

«Терентий заимел торс-рацию? Любопытно. Мне он ничего не сказал. Сколько раз он тебя вызывал?»

«Три раза. И еще мне кажется… – Влад помолчал, преодолевая нежелание признаваться при постороннем человеке в своих фантазиях, – что за мной кто-то следит. Издалека, может быть, даже из космоса. Я пытался запеленговать поток внимания, даже в поле Сил выходил, но никого не обнаружил».

«Немудрено. Наблюдатель знает параметры твоего мысленного свечения, и любое твое появление в пси-поле тут же фиксируется. Боюсь, у нас меньше времени на сборы, чем мы предполагали. Ай да Терентий, ай да староста! Все рассчитал!»

«При чем тут Терентий?»

«Его торс-рация настроена на твою волну. Тебя действительно ведут по лучу и пеленгуют, а это означает, что мы скоро потеряем и эту станцию метро».

«Я не понимаю…»

«Потом объясню. Марш в кабину! Ванесса, переоденьте его и стартуйте по маршруту, как мы планировали. Комиссар Милич будет ждать донесений по консорт-линии».

«Но вы говорили, что он сейчас будет здесь».

«Не ждите, времени в обрез. Иди, воин. – Дивий подал руку Владу, потом обнял его. – Будь осторожен. На первых порах тебе придется подчиняться «кобре» Дарьяловой, ты ведь в космос не выбирался? Первая ваша остановка – Лохитанга. Потом начнешь действовать самостоятельно. А это у тебя случайно не терафим?» – Волхв кивнул на тайцзиту.

«Зовут Нестором, мне его подарил афроид…»

«Знаю. Инк-секретарь тебе весьма пригодится в походе, береги его».

«Я возьму с собой Секама».

«Не сходи с ума, воин, – нахмурилась Ванесса. – Мы пойдем налегке, он нас сразу демаскирует».

«Гепард пойдет с нами! – твердо сказал Влад. – Он один стоит десятка бойцов и помощников».

«Пусть идет, – оглянулся Дивий на зверя, бродившего неподалеку в зарослях папоротников. – Он действительно может пригодиться. Но если кабина метро не возьмет сразу всех троих, его придется оставить».

Влад кивнул.

С неба со свистом упал куттер, из которого стремительно десантировался Корев.

«В ста километрах к северу замечено движение. Сюда летит целая эскадрилья каких-то машин».

«Уходим, – бросил старый волхв, перепрыгивая каменную стену бывшего храма. – Не отставайте».

«Отвлеки их, Дан, – повернулась к великану-пограничнику Ванесса. – Но боя не принимай, уходи на орбиту и жди. Если они обнаружат метро, возвращайся на Гею по резервной линии».

«Но… – замялся Корев, с сомнением глянув на Влада, – разве я не иду с вами?»

«Ты будешь делать то, что приказываю я. Принеси НЗ и костюмы».

«Но он… ты хоть чему-нибудь обучен, воин? – Корев смерил Влада пренебрежительным взглядом. – Какой системой боя ты владеешь?»

«Его система боя – жизнь, – донесся пси-голос Дивия. – Поторопитесь, сударь мои».

Влад позвал Секама, и гепардоконь в три прыжка присоединился к людям, не обращая внимания на реакцию Корева. Пограничник отодвинулся, попытался было обнять Ванессу, промахнулся, со вздохом нахлобучил шлем, побежал к куттеру. Влад встретил косой взгляд женщины, но сделал вид, что ничего не заметил. Пограничник вернулся через минуту с двумя черными плоскими чемоданчиками с закругленными углами, передал их Ванессе, снова потянулся к ней, но тут же вытянулся по стойке «смирно», козырнул и побежал обратно к летательному аппарату. Ванесса молча повернулась, поспешила за Дивием. Влад догнал ее и отобрал тяжелые чемоданчики.

Старик ждал их у неровной дыры в каменных плитах треугольного дворика храма, окруженного невысокими обрушившимися стенами.

«Вниз! Быстрее!»

«А вы?»

«Я за вами».

Ванесса прыгнула в дыру, исчезла под землей. Влад, не раздумывая, последовал за ней, и гепарду пришлось спускаться за людьми последним.

Спуск в темноту по каменным ступеням продолжался недолго, на глубину пятнадцати-двадцати метров. С лязгом открылась толстая металлическая дверь, выпуская сноп неяркого желтого света. Ванесса, Влад и Секам оказались в небольшом каменном склепе без отверстий и каких-либо выпуклых архитектурных деталей, а также предметов обихода и мебели. Светильников в склепе не было, казалось, в нем светится сам воздух. Ванесса приложила к стене склепа ладонь, и тотчас же тяжелая на вид, массивная стена сморщилась и разо-

шлась в стороны, словно шторы на окне, открывая взору внутренности просторной камеры с ребристыми стенами и сводчатым потолком. Пол камеры казался листом черного стекла, в глубине которого бродили группы оранжевых звездочек.

– Проходи, – посторонилась Ванесса.

Влад завел в камеру пугливо прядающего ушами Секама, повернулся лицом ко входу. Ванесса шагнула к ним, и проем двери исчез, превратился сначала в дымную пелену, а потом в твердую ребристую плоскость.

– Никогда не пользовался метро? – полюбопытствовала Ванесса.

Влад отрицательно покачал головой.

– Ощущение необычное, но не пугайся. Попрыгаем по звездам, привыкнешь. Переодевайся. – Ванесса указала на один из чемоданчиков.

Влад растерянно повертел его в руках:

– Зачем? Мне удобно и так… я привык…

– От пули и энерголуча твоя одежда тебя не спасет. – Она отобрала чемоданчик, ловко открыла и достала оттуда пакет ртутно переливающейся пленки. – Это уник, спецкостюм с голографической аппаратурой. Он может сделать тебя практически невидимым. Если тебе нравится ходить в кафтане, кожаных штанах и сапогах, он сымитирует их форму.

Терафим отцепился от куртки Влада, воспарил над ним колечком дыма.

«Она права, хозяин, в этом костюме тебе не придется отвлекаться на защиту».

Влад повертел в руках плотную и скользкую пленку, заметил веселый взгляд Ванессы и рассердился:

– Отвернись…

Женщина, сдерживая улыбку, отошла в угол кабины метро. Влад повернулся к ней спиной, снял с себя одежду, оставаясь лишь в нательной рубахе до колен, хотел было натянуть предложенный костюм прямо на рубаху, но Ванесса вдруг засмеялась и проговорила, не оглядываясь:

– Снимай все. Уник будет заботиться обо всем, в том числе о потовыделении и продуктах метаболизма.

Влад вспыхнул, понимая, что спутница видит его, даже когда стоит к нему спиной, стиснул зубы и быстро скинул рубаху. Затем начал натягивать уник, представлявший собой по сути комбинезон со встроенным в ткань компьютерно-энергетическим оборудованием. Эта процедура вряд ли заняла бы у него много времени, но Ванесса все же подошла и, несмотря на его возражения, помогла Владу надеть костюм. Оценивающе осмотрела его со всех сторон, похлопала по плечу:

– Вот теперь ты выглядишь соответственно.

– Соответственно чему? – буркнул кладоискатель.

– Соответственно моему представлению о напарнике. Включай инк-сопровождение.

Влад хотел спросить как, и Нестор, порхавший над его плечом, пояснил:

«Представь, что уник – живой, он и включится».

Молодой человек напрягся, и тотчас же пленка комбинезона, сдавливающая тело, зашевелилась, по ней побежали волны, то холодные, то горячие, кожу стали покалывать электрические разряды, показалось, что в некоторых местах по телу потекли струйки воды, но эти ощущения быстро прошли, процесс настройки костюма закончился, и внутри Влада зазвучал бархатистый шепот:

«Сопровождение включено. Закажите параметры внешнего вида».

Влад понял, что инк уника имеет прямой пси-выход на мозг хозяина. Спросил мысленно:

«Что я должен делать?»

«Ввести информацию».

«Как?»

«В моей памяти около тысячи комбинаций одежды. Вызовите мысленный образ, и я сформирую оболочку. Если понадобится маскировочная программа, произнесите мысленно слово «тень».

Влад представил свой обычный походный наряд, и костюм на нем изменился, из блестящего, буквально жидкого на вид металлического слитка он превратился в пушистый слой дыма, а через мгновение приобрел форму кафтана, штанов и сапог.

– Браво, напарник, – с ноткой иронии проговорила Ванесса. – Быстро адаптируешься. Двинулись, мы и так задерживаемся. Первая наша остановка – Лохитанга.

– Далеко находится эта звезда? – Влад собрал свой костюм, засунул в седельную сумку на Секаме.

– Это не звезда, это планета. Когда-то земляне называли ее Марсом.

Влад порозовел, но усилием воли вернул себе бесстрастный вид. Он понимал, что плохо ориентируется в современной жизни человечества, основная масса которого переселилась тысячу лет назад на Гею, но был готов к обучению. Учитель всегда говорил, если человек хочет что-то узнать, он не должен стесняться своего незнания и бояться задавать вопросы.

«Нестор, консультируй меня оперативней».

«Как прикажете, господин».

«Я тебе не господин».

«А кто?»

Влад мысленно почесал в затылке:

«Товарищ».

«Принято, хозяин».

«Готов? – посмотрела на молодого человека Ванесса. – Поехали, как, согласно легенде, сказал первый космонавт Геи».

«Земли».

«Ну Земли».

Она выдвинула из стены камеры пластину на гибком рукаве, набрала код, задвинула пластину обратно. Свет в камере померк, а затем Владу показалось, что он провалился в глубокую яму, заполненную яростным неподвижным движением и ослепительной темнотой.

Ударило в ноги. Сердце перестало биться. Волна сжатия прокатилась от пяток до головы. Голова распухла и скачком вернула прежний объем. До слуха долетел мяв испуганного гепарда. Но все уже кончилось. Не проходило только ощущение легкости во всем теле, подсказывающее, что сила тяжести в этом мире в два-три раза ниже земной. В камере медленно загорелись невидимые светильники.

– Приехали, – будничным тоном проговорила Ванесса.

Уник на ней приобрел вид спортивного костюма, но затем превратился в такой же походный костюм, что был и на Владе, разве что отличался расцветкой: женщина предпочитала серебристо-зеленые тона.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Мы уже на… Лохитанге?

– Судя по гравитации, да. Запуск прошел не очень мягко, но терпимо. Не удивляйся тому, что увидишь. Марс пострадал меньше, чем Земля, но все же его форма далека от круглой. Мы уже летали над ним и видели из космоса. Он теперь похож на обглоданную картофелину.

– И давно вы летаете над… Лохитангой? Да и над над Землей тоже?

– Мы пограничники, дорогой напарник, вернее, даль-разведчики, и обязаны изучать космос, разведывать новые пути для человечества. Но я тебя поняла. Да, мы решаем и другие задачи, например, подготавливаем Землю к заселению, пытаемся разобраться в причинах учащения набегов кочевников на ваши общины, в мотивах их неоправданной жестокости, выяс-

нить, откуда у них современное оружие типа «универсалов». На Земле этого оружия давно не осталось. Кто их снабжает?

– Если вы используете метро, то и другие геяне могут использовать его в своих целях.

– Правильно, вот мы и занимаемся этими проблемами. Ну что, выходим? Как вы там говорите, на Земле? С нами Свет?

Дверь камеры открылась. Ванесса шагнула в образовавшийся проем, и Влад последовал за ней, ощущая внезапный озноб сомнений и нерешительности, который тут же прошел. Его заменили восторг и возбуждение, потому что кладоискатель только теперь осознал, что он находится на другой планете!

СХОЖДЕНИЕ В НЕБЕСА

Такого первозданного ландшафта Влад не встречал ни в одном районе Земли. С вершины горы, на которой располагалась станция метро, открывалась грандиозная панорама горного хаоса, недоступного воображению человека, рожденного и выросшего на планете с гораздо большей силой тяжести. Высота горных пиков здесь достигала полутора сотен километров, а глубина и ширина каньонов и разломов – от пятидесяти до двухсот километров. Ни одной ровной площадки, участка плоскогорья или плато Влад не увидел, глаз то и дело цеплялся за крутые склоны, щербатые вершины, сплошные изломы скал, ребра и сколы да вставшие дыбом каменные пласты. Это была картина шторма, застывшего в момент разгула стихий, и истекшие с момента Катастрофы сотни лет никак не отразились на обезображенном лике древнего бога войны Марса. Во время столкновения с нагуалем он потерял значительную часть атмосферы, ветровая и водяная эрозия скал прекратилась, их ребра и острые углы так и остались несглаженными, законсервированными пустотой. Лишь метеориты довольно часто бомбардировали бывшую планету, но и они не смогли кардинально изменить ландшафт, добавляя новые шрамы и язвы, провалы и кратеры, почти не вносящие разнообразия в дикий пейзаж.

Небо на Марсе имело теперь глубокий фиолетовый цвет с лиловыми и сиреневыми полосами над теми участками горизонта, где еще сохранялись остатки атмосферы, поддерживаемые выделявшимися из недр планеты газами. Солнце отсюда виднелось просто большой красной звездой, а его света хватало лишь для освещения горных вершин, в каньонах же и ущельях вечно лежал полумрак.

Температура воздуха в месте нахождения станции метро, если, конечно, можно было назвать воздухом жиденькую смесь углекислого газа, азота и кислорода, не превышала минус семидесяти пяти градусов по Цельсию, и дышать им было невозможно, поэтому «метропутешественники» смогли продержаться на вершине горы всего несколько минут, используя свой паранормальный резерв, а потом вынуждены были вернуться в кабину метро, скрывавшуюся в пещере полусотней метров ниже вершины. Уники не имели запаса кислорода, как вакуумные скафандры, а температуру регулировали в пределах от плюс пятидесяти до минус пятидесяти градусов.

Влад возвращался назад нехотя, его жажда познания нового мира только усилилась, но и он не мог долго выдерживать климат бывшего соседа Земли.

«Что будем делать дальше? – спросил кладоискатель, когда за ними закрылась дверь кабины и невидимые автоматы восстановили нормальное давление и температуру воздуха. – Без техники на Лохитанге делать нечего, эти горы непреодолимы».

«Над Марсом висит наш автоматический погранпост, я подала сигнал, так что техника у нас должна быть. Но мне очень не нравится молчание «Умника» поста».

«А на самом Марсе… то есть на Лохитанге, у вас нет базы?»

«Единственное место, пригодное для постройки жилых куполов, расположено в тысяче километров отсюда, на Плоти Бога. Если ты помнишь историю Конструктора, то должен знать, что это такое».

«Ее еще называли Коровьей Лепешкой».

«Значит, помнишь. Так вот на этой самой Лепешке уцелело всего одно поселение, где сейчас обитает колония паранормов, потомков интраморфов времен Катастрофы. Не знаю, будут ли они разговаривать с землянами, но с нами они контактировать не захотели».

«Почему?»

«Причин назвали много, и, как ни странно, я с ними по некоторым вопросам солидарна».

«По каким, если не секрет?»

Ванесса улыбнулась:

«Любишь ты задавать вопросы. Ну, например, интраморфы-марсиане считают, что хомо нормалис – человек обычный – прошел свой эволюционный путь до конца и как вид должен исчезнуть. Ему на смену идет человек-паранорм».

Влад с недоверием заглянул в лукавые глаза спутницы:

«Это не причина для отказа поддерживать дружеские отношения».

«Ты забываешь, что предков современных интраморфов практически выдворили с Земли, а на многих устроили настоящую охоту, и потомки этого не забыли. Но они приводят аргументы и повесомее. Главный их довод – отсутствие цели у человечества. Они утверждают, что цивилизация, ценности которой кроются только в создании и потреблении материальных благ, находится в эволюционном тупике, вырождается».

«Ты тоже так считаешь?»

«Не совсем, но ты не видел, как живут люди на Гее».

«Но ведь геяне создали такую совершенную технику…»

«Речь идет об этике, воин. Не говоря уже о таких тонких материях, как душа и духовность. Техника – это всего-навсего костыли и протезы».

«Почему же ты живешь с людьми, работаешь на них, если их не любишь?»

«Хороший вопрос, – засмеялась Ванесса. – Простой и прямой, как древко копья. Я не сказала, что не люблю нормалов, хотя большинство из них не заслуживают любви, но думаю примерно так же, как и многие интраморфы. Другое дело, что люди бывают разные, добрые и злые, самоуверенные и равнодушные, романтики и прагматики. Романтиков, правда, становится все меньше и меньше, как и добрых людей, а это очень тревожный симптом, как утверждал один из моих мужей».

Ванесса посмотрела на застывшее лицо Влада и снова засмеялась:

«Какой ты еще мальчик… На Гее семью заводят рано, и семьи у нас преимущественно многочленные, до семи-восьми человек».

«Как это?» – не поверил Влад, преодолевая странное чувство неприязни, досады и обиды.

«Тебе разве учитель не рассказывал о жизни геян? На Гею успело переселиться всего около миллиарда человек, то есть десять процентов всего населения Солнечной системы, и, чтобы выжить, сохранить популяцию и потенциал, уцелевшим было рекомендовано создавать полигамные семьи: три-пять мужчин и столько же или чуть больше женщин. До нынешнего времени сохранились в основном семьи из пяти, шести, семи человек, и я жила в одной из них. Да и у вас на Земле шел примерно такой же процесс, ведь община по сути – одна большая семья».

«Это совсем другое дело», – запротестовал Влад.

«Может быть, я не совсем права. – Ванесса задумчиво прислушалась к чувственной сфере собеседника, и Влад поспешно заблокировал мысленные каналы. – А ты действительно совсем еще мальчик, Корев прав. Странно, что твоему учителю удалось уговорить моих началь-

ников взять тебя в напарники без экзамена. Еще более странно, что я…» – Она хотела добавить «что я согласилась», но передумала.

В кабине метро наступило молчание.

«Корев – твой бывший муж?» – спросил Влад почти равнодушно, чтобы заполнить возникшую паузу.

«Как ты догадался? – подняла брови Ванесса. – Неужели так заметно?»

«Я подумал… – смутился Влад, – он готов ради тебя… А почему ты с ним не живешь?»

«Семейная жизнь такого типа не для меня. Я ведь тоже индивер, как и ты. А Корев… Даниэль сильный и решительный человек, властный и резкий, но не птица счастья моего, как поется в песне. Ну что, напарник, лирическая часть нашего знакомства закончилась? Приступаем к реализации задания?»

Влад отвернулся, скрывая смущение.

«Я давно готов».

«Тогда пошли посмотрим, прислали нам машину или нет».

Дверь кабины метро открылась, то есть просто исчезла (Влад еще не привык к возможностям техники, использующей принципы полевых взаимодействий и живых организмов), и Ванесса вышла. В кабине резко похолодало, воздух устремился наружу, стало трудно дышать. Секам отпрянул в угол, открывая пасть, и Влад, выходя за спутницей, успокоил его, мысленно погладив по носу.

«Зря взяли с собой эту большую копытную кошку, – сказал терафим, для которого отсутствие воздуха не имело значения. – А если попадем на планету, где полно ядовитых газов? Ты-то выкрутишься, а он пропадет».

«Не пропадет, в крайнем случае отправим обратно», – резонно заметил Влад, чувствуя вздрагивание своей пси-сферы: неподалеку появились живые существа, хорошо скрывающие свое мысленное свечение. Однако возможности кладоискателя были шире.

Он не ошибся.

Над лысой макушкой горы, обрамленной редкими зубцами скал, висел незнакомый летательный аппарат в форме клювастой птичьей головы, а под ним стояли двое мужчин в меховых комбинезонах с прозрачными капюшонами, позволяющими разглядеть их лица. Они молча смотрели, как приближается Ванесса, потом перевели взгляд на Влада, и молодой человек почувствовал давление на виски, на глазные яблоки, на сознание: его пытались прощупать в пси-диапазоне, и не просто прощупать, а подавить волю!

Влад уклонился от языка ментального поля, деформирующего его индивидуальную пси-оболочку, и ответил «качанием» психофизического потенциала незнакомцев, что с пси-языка можно было перевести как предупредительное покачивание пальцем. Поток пси-поля ослаб, мужчины почувствовали силу путешественника и отступили.

«Кто вы? – родился в костях черепа Влада угрюмовато-неприветливый вопрос. – По какому делу пожаловали на Лохитангу?»

«Долго рассказывать, – ответила Ванесса, подходя к мужчинам вплотную; оба имели высокий рост, массивные фигуры, длинные руки, широкие коричневые лица, на которых буквально светились оранжевые глаза. – Нам нужна ваша помощь. Здесь – объяснение причин нашего появления на территории Лохитанги». – Женщина протянула одному из незнакомцев жемчужную пуговку фрейма.

Тот взял, сжал в кулаке, дотронулся до руки своего товарища и несколько мгновений прислушивался к своим ощущениям. Потом ответил, причем тон его пси-речи не изменился:

«Сожалею, но мы ничем не можем вам помочь».

«Не можете или не хотите?» – прищурилась Ванесса.

Мужчины переглянулись:

«Дела людей Земли нас не касаются».

«Не Земли – Геи».

«Тогда уточняю – дела людей. Мы не хотим вмешиваться в ваши разборки ни в качестве помощников, ни в качестве консультантов, ни тем более в качестве наемников. Справляйтесь со своими проблемами сами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.